

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2026 №2 (63)

март-апрель

Основан в 2015 году

Казань, 2026

**УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

2026 №2 (63) март-апрель
Основан в 2015 году
Выходит шесть раз в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-62437 от 27 июля 2015 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Журнал входит в Научную электронную библиотеку (участвует в программе по формированию РИНЦ), договор №269-05/2016 от 05.05.2016 г.

Подписной индекс 80142. Информация размещена в Объединенном каталоге «Пресса России».

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

Адрес учредителя и издателя: 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, тел. 8(843) 231-42-00, office@kstu.ru
Адрес редакции: 420015, Российская Федерация, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, ФГБОУ ВО «КНИТУ»,
Редакция журнала «Управление устойчивым развитием», тел. 8(843) 231-95-93, 8(965) 582-56-53,
e-mail: development_knrtu@mail.ru, uur@corp.knrtu.ru.

Главный редактор: Р. И. Зинурова – д-р социол. наук, проф.

Заместители главного редактора: А. Р. Тузиков – д-р социол. наук, проф., КНИТУ,
П. Н. Осипов – д-р пед. наук, проф., КНИТУ

Редакционная коллегия:

Аксянова А. В. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Алексеев С. А. – канд. социол. наук, доцент, КНИТУ
Ельшин Л. А. – д-р экон. наук, доцент, К(П)ФУ
Ершов А. Н. – д-р социол. наук, проф., К(П)ФУ
Зубок Ю.А. – д-р социол. наук, проф., ФНИСЦ РАН
Ивченков С. Г. – д-р социол. наук, проф., СГУ
Ильдарханова Ч. И. – д-р социол. наук, проф., РУК

Кондратьев В. В. – д-р пед. наук, проф., КВТКУ
Локосов В. В. – д-р социол. наук, проф., ИСЭПН
ФНИСЦ РАН

Свирина А. А. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ-КАИ
Сафин Р. С. – д-р пед. наук, проф., КГАСУ
Сафиуллин А. Р. – д-р экон. наук, проф., К(П)ФУ
Токтарова В. И. – д-р пед. наук, проф., Марийский
государственный университет
Шагеева Ф. Т. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ
Шинкевич А. И. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Шихова О. Ф. – д-р пед. наук, проф., ИжГТУ имени
М.Т. Калашникова

Ответственный секретарь: С. А. Алексеев

Editor-in-Chief: Zinurova R. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.

Deputies of the editor-in-Chief: Tuzikov A. R. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU

Osipov P. N. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Editorial Board:

Akhanova A. V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Alekseev S. A. – Cand. Sci. (Sociol.), KNRTU
Elshin L. A. – Dr. Sci. (Econ.), KFU
Ershov A. N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KFU
Zubok Yu.A. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Institute of So-
ciology FNISTs RAS
Ivchenkov S. G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., SSU
Ildarhanova Ch. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., RUC
Kondratyev V. V. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KHTCS
Lokosov V. V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., ISESP
NISTsRAS

Svirina A. A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU-KAI
Safin R. S. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KSUAE
Safiullin A. R. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KFU
Toktarova V. I. – Dr. Sci. (Pedag.), prof., Mari State
University
Shageeva F. T. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Shinkevich A. I. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Shikhova O. F. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., IzhGTU
named after M. T. Kalashnikov

Executive Secretary: S. A. Alekseev

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Федотова Г. В.</i> Устойчивость сельских территорий в контексте шестого технологического уклада	5
<i>Яшин С. Н., Пузов Е. Н.</i> Дорожная карта внедрения интегрированного мышления для устойчивого развития: синтез систем управления, контроля и отчетности	13
<i>Зарипов Р. Р., Кудрявцева С. С.</i> Сущность понятий конкуренция, конкурентоспособность и технологический суверенитет	20
<i>Сотников Д. В., Аксянова А. В.</i> Потребление платных услуг в России: анализ динамики и факторов	28

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Зинуров Э. А.</i> Социальная активность в поколенческом формате: фактор конвергенции	37
<i>Панина В. З., Панина М. К.</i> Трансформация профессионально-этических стандартов адвокатуры: социологический анализ перехода от советской модели к современной российской практике	46
<i>Зинурова Р. И., Тузиков А. Р.</i> Молодежное измерение гражданской позиции в современном обществе	55
<i>Козырев М. А., Шангареева З. С.</i> Традиционные ценности в трансформации социального института семьи	65

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Мандрица И. В., Мандрица О. В., Антонов В. В.</i> Метод «Парето-спринтов» как основа оценки результатов обучения специалистов по информационной безопасности	74
<i>Хуснетдинов Р. М.</i> Применение национальных традиций в воспитании студентов: методические подходы и обоснования	84
<i>Хамитова А. И., Петрова М. М.</i> Проектирование экспериментальных задач заключительного этапа Всероссийской студенческой олимпиады «общая и неорганическая химия»	93
<i>Галеева Л. Н., Старшинова Т. А.</i> Внедрение цифровых технологий в сфере профессионального образования: риски и ограничения	102
<i>Талипов Р. Р., Шагеева Ф. Т.</i> Подготовка учителей физической культуры к тренерской деятельности в условиях дополнительного профессионального образования	110

JOURNAL CONTENTS

ECONOMICS

<i>Fedotova G. V.</i> Sustainability of rural areas in the context of the sixth technological way	5
<i>Yashin S. N., Puzov E. N.</i> Roadmap for implementing integrated thinking for sustainable development: synthesis of management, control and reporting systems	13
<i>Zaripov R. R., Kudryavtseva S. S.</i> The essence of the concepts of competition, competitiveness and technological sovereignty	20
<i>Sotnikov D. V., Aksyanova A. V.</i> Consumption of paid services in Russia: analysis of dynamics and factors	28

SOCIOLOGY

<i>Zinurov E. A.</i> Social activity in a generational format: the convergence factor	37
<i>Panina V. Z., Panina M. K.</i> Transformation of professional ethical standards in the legal profession: a sociological analysis of the transition from the soviet model to contemporary Russian practice	46
<i>Zinurova R. I., Tuzikov A. R.</i> Civic engagement in modern society in the youth dimension	55
<i>Kozyrev M. A., Shangareeva Z. S.</i> Traditional values in the transformation of the social institution of the famil	65

PEDAGOGICS

<i>Mandritsa I. V., Mandritsa O. V., Antonov V. V.</i> The “Pareto sprints” method as a basis for evaluating the results of training information security specialists	74
<i>Khusnetdinov R. M.</i> The application of national traditions in student education: methodological approaches and justifications	84
<i>Khamitova A. I., Petrova M. M.</i> Design of experimental tasks for the final stage of the all-russian student olympiad in “General and inorganic chemistry”	93
<i>Galeeva L. N., Starshinova T. A.</i> Implementation of digital technologies in the sphere of professional education: risks and limitations	102
<i>Talipov R. R., Shageeva F. T.</i> Training physical education teachers for coaching activities in secondary schools through additional professional education	110

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 332.1

DOI: 10.55421/2499992X_2026_2_5

Г. В. Федотова**УСТОЙЧИВОСТЬ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ
В КОНТЕКСТЕ ШЕСТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА**

Ключевые слова: устойчивость, технологический уклад, технологии, сельские территории, производство, продукция АПК.

Сельские территории России развиваются неравномерно с различной поступательной динамикой, что продиктовано поиском новых механизмов активизации, модернизации, развития существующих производственных и ресурсных потенциалов. Определенная неразвитость сельских территорий и их инерционность связаны, прежде всего, с отсутствием достаточных стимулов для развертывания крупных инвестиционных проектов, активизацией простаивающих производственных и перерабатывающих промышленных мощностей, интенсивной миграцией молодого населения в более развитые регионы и крупные городские агломерации, недостаточностью региональной ресурсной базы для поддержания предпринимательских инициатив. Консервативность сельской жизни и невозможность реализации собственных потенциалов, приводит к процессам деградации и высокой дотационности сельских территорий. Федеральная финансовая поддержка не решает проблему развития территории, не снимает накопившихся проблем, а наоборот порождает иждивенческое настроение руководства территорий. Поэтому в работе проведено исследование новых тенденций в социально-экономическом развитии общества, сделан акцент на специфике формирующегося шестого технологического уклада по Д. Ю. Глазьеву, представлено преломление основных стимулирующих технологических решений к предприятиям сферы АПК. Новое ядро шестого технологического уклада формируется на базе достижений цифровой индустриализации и ее инструментов (Индустрии 4.0.). При этом накопленный технологический опыт внедрения и применения отдельных цифровых решений в работе предприятий сферы АПК доказывает эффективность их реализации в процессе активизации производственных потенциалов сельских регионов. Сегодня цифровые решения объединяются на базе единых электронных платформ, создавая коммуникационную платформенную экономику для взаимодействия и обмена ресурсами, что доказывает происходящие интеграционные процессы во всех сферах общественной жизни и отраслях народного хозяйства. Новая платформенная экономика развивается в условиях активного и интенсивного поиска других принципов взаимодействия, коммуницирования в информационном пространстве, что требует постоянной технологической модернизации от всех субъектов рынка. Только в постоянном движении и обновлении используемых технологий в АПК будет сохраняться конкурентное преимущество и формироваться основа для устойчивого развития сельских территорий.

G. V. Fedotova**SUSTAINABILITY OF RURAL AREAS IN THE CONTEXT
OF THE SIXTH TECHNOLOGICAL WAY**

Keywords: sustainability, technological order, technologies, rural areas, production, agricultural products.

Russia's rural areas are developing unevenly, with varying rates of progress, driven by the search for new mechanisms for revitalization, modernization, and development of existing production and resource potential. The relative underdevelopment and inertia of rural areas are primarily due to the lack of sufficient incentives for the development of large-scale investment projects, the activation of idle production and processing industrial capacities, the intensive migration of young people to more developed regions and large urban agglomerations, and the inadequacy of the regional resource base to support entrepreneurial initiatives. The conservatism of rural life and the inability to realize their potential leads to degradation and the high dependence of rural areas on subsidies. Federal financial support does not address the problem of regional development or alleviate accumulated problems; instead, it fosters a dependent mentality among regional leaders. Therefore, this paper examines new trends in the socioeconomic development of society, focusing on the specifics of the

emerging sixth technological paradigm according to D.Yu. Glazyev, and presents the application of key stimulating technological solutions to agricultural enterprises. The new core of the sixth technological paradigm is being formed based on the achievements of digital industrialization and its tools (Industry 4.0). Furthermore, the accumulated technological experience in the implementation and application of individual digital solutions in agricultural enterprises demonstrates their effectiveness in enhancing the production potential of rural regions. Today, digital solutions are being integrated on the basis of unified electronic platforms, creating a communications platform economy for interaction and resource exchange, demonstrating ongoing integration processes across all spheres of public life and sectors of the national economy. The new platform economy is developing amidst an active and intensive search for new principles of interaction and communication in the information space, which requires constant technological modernization from all market participants. Only through constant movement and updating of technologies used in the agro-industrial complex will a competitive advantage be maintained and the basis for sustainable development of rural areas be formed.

Введение

Современная парадигма социально-экономического развития общества базируется на глобальных системообразующих теоретических разработках ученых-экономистов отечественной школы. Так, в 1925 году российским экономистом, основоположником школы экономической конъюнктуры Н. Д. Кондратьевым была выдвинута гипотеза о периодичности всех происходящих в жизни общества процессах. Позднее им была разработана и предложена Теория больших волн, рамках которой вся история экономики была разбита на периоды протяженностью 40-60 лет, названными Большими волнами Кондратьева. Далее в развитии теории Н. Д. Кондратьева экономисты советской школы академики РАН С. Ю. Глазьев и Д. С. Львов в 1980-е годы ввели в научный оборот термин «технологический уклад», под которым принято понимать общность технологий одного уровня, которая формирует один экономический цикл и доминирует в его рамках [1-3]. Академик РАН С. Ю. Глазьев позднее предложил собственную теорию технологических укладов, опирающихся на единую совокупность технологий одного качественного уровня научно-технического прогресса [4, 5]. Каждый такой цикл, согласно теории укладов, будет выводить качество общественной жизни и экономики на другой принципиально новый виток развития или общественной формации (по К. Марксу) [6]. Ядро отдельного уклада будет составлять совокупность технологий, формирующих его устойчивость и целостность. При этом переход на новую ступень развития или к новому технологическому укладу будет сопровождаться появлением прорывных технологических решений, базирующихся на принципиально других подходах и алгоритмах взаимодействия во времени и пространстве.

Сегодня мир готовится перейти в 6 технологический уклад, происходит процесс накопления потенциалов и усложнения исполь-

зуемых механизмов и решений в сельскохозяйственных предприятиях. Очевидно, что накопление опыта и технологических потенциалов не будет идти бесконечно, в конце концов наступит момент осознания и принятия нового уклада, необходимости смены действующей социально-экономической парадигмы [7]. Прохождение пятого технологического уклада опирается на достижение естественных и технических наук в сфере геномной инженерии, альтернативных источников энергии, инновационных биотехнологий, информатики и спутников связи и т. п. Формируются целые платформенные отрасли экономики, связанные единой сетью коммуникаций посредством оптоволоконной и беспроводной мобильной связью. Информационное пространство соединяется в единое поле коммуникации производителей, покупателей, органов государственной власти и общественных организаций. В таком формате должны быть использованы новые инструменты взаимодействия и решения поставленных задач, появляющихся проблем. Обмен информацией, технологиями происходит динамично, что увеличивает среднюю скорость принятия решений, в том числе производственного и социального характера.

Технологический вектор устойчивости сельских территорий

В контексте теории технологических укладов технологии играют ключевую роль в развитии всех сфер социально-экономического развития, формируют платформу для интеграции существующих решений в различных направлениях развития науки. Накопление на протяжении последних 10 лет технологического потенциала аккумулируется и трансформируется в новом видении организации процессов взаимодействия в обществе. Производственный комплекс будет опираться на ядро технологий 6 уклада, которые будут масштабированы в различные отрасли народного хозяйства территорий, страны или мира (рис. 1).

Рис. 1 – Система технологических потенциалов и эффектов сельских территорий

Представленный состав на рис. 1 направляет фокус исследования на создание устойчивой производственной базы в сельских регионах за счет активного внедрения новых технологических решений и подходов к организации производственного процесса. Уникальность сельских территорий заключается в их исключительно высоком потенциале (ресурсном, земельном, демографическом, природно-климатическом), который при успешной его реализации может формировать фундамент для развития и приостановления процессов урбанизации и депрессивного развития, села. Реализовывать потенциал должны трудовые кадры, которые сегодня покидают сельские территории по разным причинам [8, 9].

Демографическая структура сельского населения демонстрирует высокий процент жителей пенсионного возраста и долю семей с низкими доходами – ниже величины прожиточного уровня. Уровень заработной платы, также отстает по величине среднедушевого дохода, что не дает возможности перспективным молодым кадрам оставаться и работать в сельской местности. Так, в соответствии с индикаторами Государственной программы РФ «Комплексное развитие сельских территорий» на начало 2025 года мы имеем следующие итоги ее реализации [10]:

- доля сельского населения в общей численности населения составила – 24,9 %,

- соотношение среднемесячных располагаемых ресурсов городского и сельских домохозяйств – 69,4 %,

- доля общей площади благоустроенных жилых помещений в сельской местности – 46,4 %.

И это промежуточные показатели, которые были получены после государственной поддержки села, финансирования проектов в сельской местности и субсидирования сельского производства. Отметим, что даже усилиями государственной бюджетной помощи показатели все еще остаются низкими и непривлекательными для перспективного инвестирования частного бизнеса. Итогом подобной ситуации выступает – трудовая миграция высококвалифицированных кадров в более благополучные промышленно развитые регионы или в крупные городские агломерации. В качестве замещения оттока кадров многие позиции занимают трудовые мигранты из стран СНГ, что создает определенную социальную напряженность и снижает качество трудовых ресурсов.

Одним из возможных решений проблемы развития сельских территорий может выступить новая парадигма технологического вектора развития национальной экономики. Под влиянием новых технологических решений по всех сферах народного хозяйства меняется базовая архитектура рынка и его субъектов. Появляются виртуальные форматы бизнеса услуг, активно развиваются электронные платформы как новые рынки в интернет-среде, расширяются модели дистанционного управления технологическими процессами предприятий и производственных комплексов.

Вопросы устойчивости сельских территорий основываются на основных факторах, формирующих платформу для будущего стабильного социально-экономического развития региона, поступательного роста объемов производства сельскохозяйственной продукции, роста эффективности предприятий в сфере АПК, повышения качества жизни в селе, заложение основ бережливого природопользования. В данном контексте видим, три основные составляющие устойчивости – экономика, социальная сфера, экология, которые в симбиозе составят базу для взаимоукрепляющего динамичного развития сельских территорий. Постараемся визуализировать компоненты устойчивости и понять какие технологии сегодня будут их трансформировать (рис. 2) [11].

Воздействия технологических решений нового формирующегося технологического уклада отражается на всех сферах социально-экономической жизни общества. Сельские территории, выступающие основными носителями ресурсных потенциалов, должны использовать открывающиеся возможности для своего развития и масштабирования в контексте устойчивого функционирования и будущего динамического развития. Основа, которая заложена 5 технологическим укладом – Индустрией 4.0. – позволит реализовать данный переход при условии необходимой финансовой поддержки.

Устойчивые сельские территории сегодня не могут реализовать свои потенциалы без

активного внедрения в производственные, организационные и управленческие процессы новой технологий интенсивного, эффективного, бережливого ресурсопотребления, переработки, производства, транспортировки, реализации, вторично переработки продукции. Технологии присутствуют на всех этапах производственно-сбытовой цепочки, применительно к сельским территориям – производства сельскохозяйственной продукции на предприятиях АПК. Только в комплексном технологическом подходе будут активизированы потенциалы территорий, осуществлена модернизация многих простаивающих производств и активно вовлечены в производственный процесс имеющиеся ресурсы [12].

Производственный подкомплекс сельского хозяйства – это центр развития всей территории, без функционирования которого само существование территории как социально-экономического субъекта национальной экономики будет подвергаться сомнению. Если оценивать экономическое положение сельскохозяйственных регионов России, можно отметить, что большая доля из них являются дотационными, что увеличивает нагрузку на бюджет и не способствует развитию самой территории. Поэтому сегодня стоит важная задача – стабилизировать регрессионные процессы в сельских регионах, активизировать на местах предпринимательские инициативы, в том числе с применением новых технологических подходов.

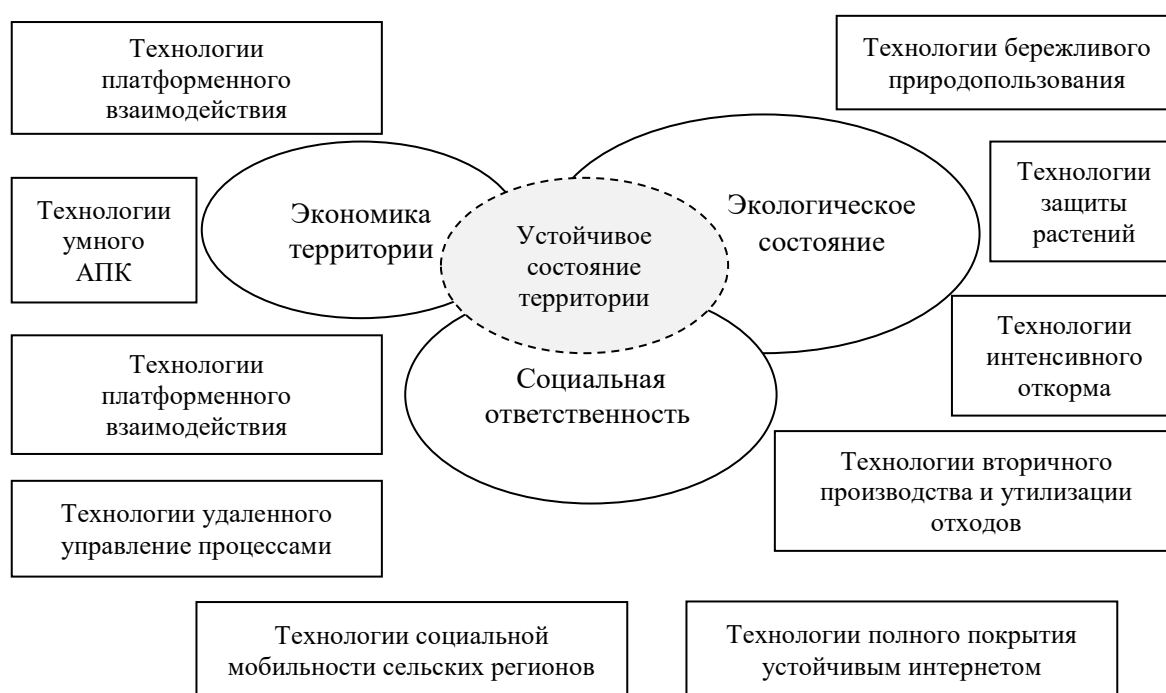

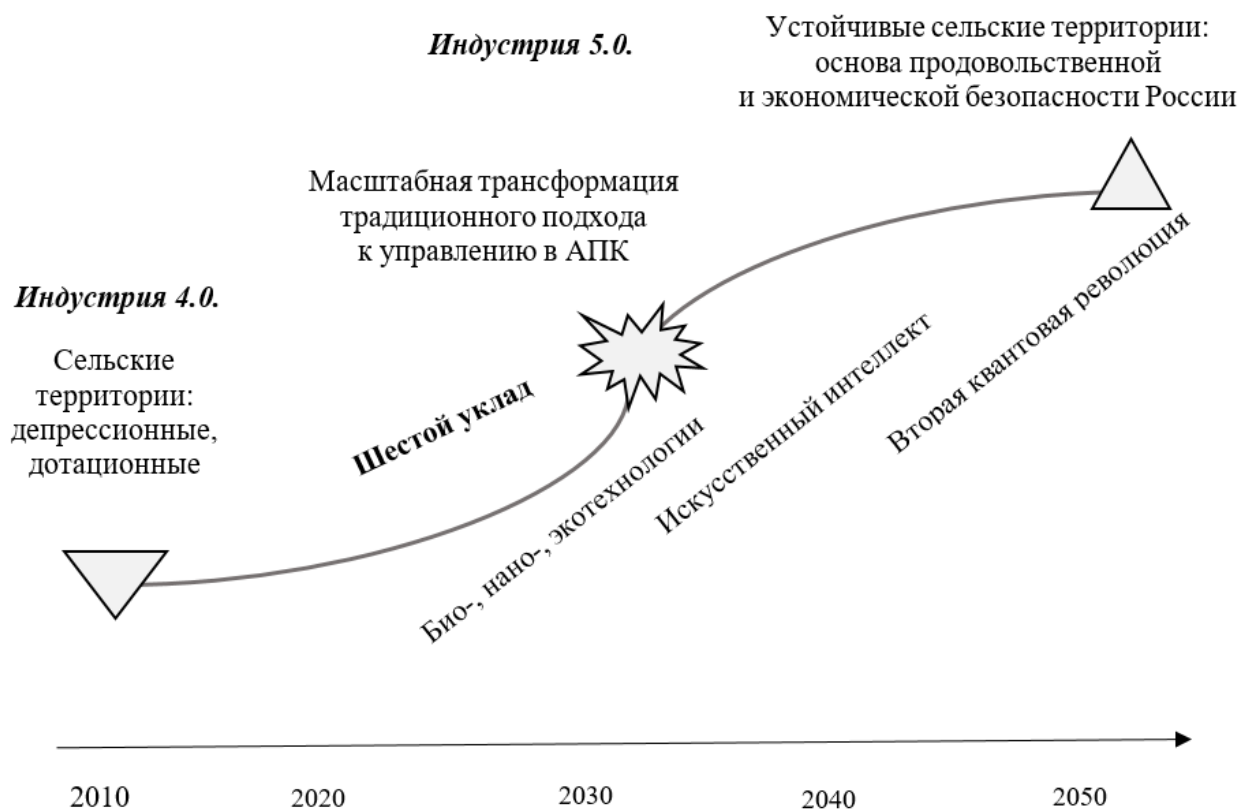
Рис. 2 – Синтез технологий Шестого уклада и компонентов устойчивости сельских территорий

Стабильно работающий производственный комплекс территории будет генерировать новые эффекты и формировать финансовую основу для ее развития. Доказанный факт, что сельскохозяйственное производство будет создавать новые смежные дополнительные предприятия в сфере хранения и переработки, транспортировки, логистики, а также формировать необходимую социальную инфраструктуру в регионе (детские сады, школы, больницы, клубы и библиотеки). Запустить в оборот простаивающие мощности и реализовать ресурсные потенциалы территории способны только новые подходы к организации всего производства, которые не только будут стимулировать производство, но и выстроят принципиально новую модель сельской территории [13]. Такие подходы и технологические решения уже аккумулируются на 6 повышательной волне развития национальной экономической системе. (рис. 3).

Представленный на рис. 3 структурно механизм развития сельских территорий под влиянием технологий 6 уклада, доказывает, что данный процесс развивается уже на протяжении нескольких десятков лет, накоплен тех-

нологический и цифровой потенциал для качественного роста на новый уровень взаимодействия. Определенная консервативность сельскохозяйственных предприятий препятствует ускорению данного процесса, но постепенно технологии проникают во всей отрасли АПК и повышают продуктивность, урожайность, качество производимого сельскохозяйственного сырья при существующем уровне затрат или его снижении.

Наилучшие практики интенсивного и точного земледелия, прогнозирования урожайности сельскохозяйственных культур, поиск и промышленное производство альтернативных источников белка и кормов, повышения продуктивности молочных комплексов за счет роботизации и цифровизации – все эти примеры доказывают перспективы технологических решений, оказывающих положительное воздействие на трансформацию представлений о сельскохозяйственном труде и о сельском образе жизни [14]. Новые подходы расширяют возможности и перспективы сельскохозяйственных производителей, что создаст на будущее прочный фундамент для развития не только смежных направлений бизнеса, но и социальной инфраструктуры села.

Рис. 3 – Влияние новой волны 6 технологического уклада на сельские территории.

Заключение

Преимущественная аграрная специализация России, большие территории сельских поселений, богатый природный ресурсный и разнообразный агроклиматический потенциал диктует необходимость построения прочного фундамента для сельскохозяйственного производства. Предпринимательские инициативы предприятий АПК по большей степени остаются нереализованными по причине отсутствия заинтересованности со стороны местных органов исполнительной власти и деградации производственной базы территорий. Решение данных проблем позволит повысить не только качество жизни сельского населения, но и построит прочный фундамент устойчивого развития территории, даст возможность для выстраивания на ней эффективной социальной инфраструктуры для активного привлечения молодых кадров для работы на местных производствах.

Устойчивость сельских территорий – это не просто активная модернизация существующих производственных комплексов, но и системный подход к развитию всей территории как единого социально ориентированного и экономически благополучного простран-

ства, интенсивно развивающегося и создающего новый формат сельской жизни, в которой отсутствуют барьеры для бесшовной коммуникации и взаимодействия с разными уголками мира посредством сети интернет.

Прочная производственная база сельских территорий позволит реализовать природные, ресурсные, технологические потенциалы местности, обеспечит финансовые потоки от произведенной продукции, привлечет молодых специалистов на достойные заработные платы и откроет новые возможности и формы развития данных территорий.

Сельские территории, имею прочную производственную и ресурсную базу, будут развиваться как новые рекреационные зоны для отдыха, агротуризма, направления для альтернативной занятости и творческого поиска. Уникальные природные ландшафты сельских регионов позволят не только построить ресурсосберегающие производства, но и создать новые точки роста для бережливого, экологичного и инновационного производства. Сельские регионы создают альтернативы промышленным агломерациям, крупным урбанизированным комплексам, разгружая городские пространства и оттягивая население городов в свою социальную инфраструктуру.

Литература

1. Глазьев С.Ю., Косакян Д.Л. Состояние и перспективы формирования 6-го технологического уклада в российской экономике // Экономика науки. 2024. Т. 10, № 2. С. 11-29. DOI: 10.22394/2410-132X-2024-10-2-11-29 EDNI: GJOIYC.
2. Антипов С.Т., Панфилов В.А., Никифоров А.В. Шестой технологический уклад в АПК и инженерное образование // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания. 2019. № 2 (28). С. 75-80. EDNI: KBXVQN.
3. Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры: Доклад // Проблемы экономической динамики. Москва: Экономика, 1989. С. 172-226.
4. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция техно-экономических систем: возможности и границы целенаправленного регулирования. Москва: Наука, 1992. 208 с.
5. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего // Журнал экономической теории. 2007. № 1. С. 5-17. EDNI: KYUENF.
6. Althusser L. Vorwort: Heute // Für Marx: Vollständige und durchgesehene Ausgabe. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2011. S. 37.
7. Убушиев Э.В. Экономическая безопасность в различных технологических укладах // Теоретическая и прикладная экономика. 2018. № 3. С. 1-21. EDNI: YAJHCP.
8. Закшевский В.Г., Меренкова И.Н., Новикова И.И., Пархомов Е.А. Устойчивое развитие сельских территорий: новый взгляд на оценку в контексте пространственной локализации // Экономика региона. 2023. Т. 19, № 3. С. 683-696. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-6 EDNI: VTDNIJ.
9. Рудой Е.В., Петухова М.С., Кондратьев М.В., Рюмкин С.В. «Новые деревни»: к вопросу об устойчивом развитии сельских поселений в шестом технологическом укладе // ЭКО. 2022. № 7(577). С. 169-184. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-169-184 EDNI: KEDIYQ.
10. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/72260516/> (дата обращения: 28.01.2026).

11. ООН. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16 сентября 2005 года. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-60-1> (дата обращения: 28.01.2026).
12. Лаврикова Ю.Г., Суворова А.В. Оптимальная пространственная организация экономики региона. Поиск параметров и зависимостей // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 4. С. 1017-1030. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-1 EDNI: BPNBFL.
13. Стовба Е.В. Формирование стратегии устойчивого развития сельских территорий с позиций системного подхода // Экономические системы. 2021. Т. 14, № 2. С. 20-27. DOI: 10.29030/2309-2076-2021-14-2-20-27 EDNI: ENGABX.
14. Шамин А.Е., Зуева С.В. Устойчивое развитие сельских территорий в региональной экономике страны // Вестник НГИЭИ. 2022. № 1 (128). С. 101-111. DOI: 10.24412/2227-9407-2022-1-101-111 EDNI: VUIIJQ.

References

1. Glazyev S. Yu., Kosakyan D.L. State and prospects of 6th technological mode in Russian economy. *Economics of Science*. 2024. Vol. 10, No. 2. pp. 11-29. DOI: 10.22394/2410-132X-2024-10-2-11-29 EDNI: GJOIYC. (In Russ.)
2. Antipov S.T., Panfilov V.A., Nikiforov A.V. The sixth technological structure in the agricultural sector and engineering education. *Technologies of the Food and Processing Industry of the Agro-industrial Complex-healthy Food Products*. 2019. No. 2 (28). pp. 75-80. EDNI: KBXVQN. (In Russ.)
3. Kondratyev N.D. Bol'shie cikly ekonomicheskoy kon'yunktury: Doklad. In *Problemy ekonomicheskoy dinamiki*. Moscow: Ekonomika, 1989. pp. 172-226. (In Russ.)
4. Glazyev S. Yu., Lvov D. S., Fetisov G. G. Evolyuciya tekhnо-ekonomicheskikh sistem: vozmozhnosti i granicy celenapravlennoy regulirovaniya. Moscow: Nauka, 1992. 208 p. (In Russ.)
5. Lvov D.S. Russia: the limits of reality and contours of future. *Russian Journal of Economic Theory*. 2007. No. 1. pp. 5-17. EDNI: KYEYHF. (In Russ.)
6. Althusser L. Vorwort: Heute In Für Marx: Vollständige und durchgesehene Ausgabe. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2011. p. 37.
7. Ubushiev E.V. Ekonomicheskaya bezopasnost' v razlichnykh tekhnologicheskikh ukkladah. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika*. 2018. No. 3. pp. 1-21. EDNI: YAJHCP. (In Russ.)
8. Zakshevsky V.G., Merenkova I.N., Novikova I.I., Parkhomov E.A. Sustainable rural development: a new perspective on the assessment in the context of spatial localisation. *Economy of regions*. 2023. Vol. 19, No. 3. pp. 683-696. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-6 EDNI: VTDNIJ. (In Russ.)
9. Rudoy E.V., Petukhova M.S., Kondratiev M.V., Ryumkin S.V. "New villages": towards the sustainable development of rural settlements in the sixth technological pattern. *ECO*. 2022. No. 7(577). pp. 169-184. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-7-169-184 EDNI: KEDIYQ. (In Russ.)
10. Informacionno-pravovoj portal GARANT.RU. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31 maya 2019 g. № 696 "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossijskoj Federacii "Kompleksnoe razvitie sel'skih territorij" i o vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii". Available at: <https://base.garant.ru/72260516/> (Accessed Date: 28.01.2026). (In Russ.)
11. UN. Itogovyj dokument Vsemirnogo sammita 2005 goda. Prinyat rezolyuciej 60/1 General'noj Assamblei ot 16 sentyabrya 2005 goda. Available at: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-60-1> (Accessed Date: 28.01.2026). (In Russ.)
12. Lavrikova Yu.G., Suvorova A.V. Optimal spatial organisation of the regional economy: search for parameters and dependencies. *Economy of Regions*. 2020. Vol. 16, No. 4. pp. 1017-1030. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-1 EDNI: BPNBFL. (In Russ.)
13. Stovba E.V. The formation of strategies for sustainable rural development from the perspective of a systematic approach. *Economic systems*. 2021. Vol. 14, No. 2. pp. 20-27. DOI: 10.29030/2309-2076-2021-14-2-20-27 EDNI: ENGABX. (In Russ.)
14. Shamin A.E., Zueva S.V. Sustainable development of rural areas in the regional economy of the country. *Vestnik NGIEI*. 2022. No. 1 (128). P. 101-111. DOI: 10.24412/2227-9407-2022-1-101-111 EDNI: VUIIJQ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

©Федотова Гилян Васильевна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и цифровых технологий в АПК, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий – МВА имени К.И. Скрябина, Российская Федерация, Москва, e-mail: g_evgeeva@mail.ru.

Information about the author:

©**Fedotova Gilyan Vasilievna** – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics and Digital Technologies in the Agro-Industrial Complex, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology – MBA named after K.I. Skryabin, Russian Federation, Moscow, e-mail: g_evgeeva@mail.ru.

С. Н. Яшин, Е. Н. Пузов

ДОРОЖНАЯ КАРТА ВНЕДРЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННОГО МЫШЛЕНИЯ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: СИНТЕЗ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ, КОНТРОЛЯ И ОТЧЕТНОСТИ

Ключевые слова: интегрированное мышление, дорожная карта, устойчивое развитие, трансформация модели устойчивого развития, модель трех линий, интегрированная отчетность, внутренний аудит, управление рисками.

Проблема функциональной разрозненности остается ключевым барьером на пути интеграции принципов устойчивого развития в стратегию и операционную деятельность компаний. Целью исследования является разработка практико-ориентированной дорожной карты, обеспечивающей последовательное внедрение интегрированного мышления через синтез современных моделей управления. В работе применяются методы системного и сравнительного анализа, контент-анализ руководящих документов и концептуальное моделирование. Результатом является структурированная дорожная карта, включающая этапы диагностики, планирования, внедрения и мониторинга, а также концептуальная модель «Единого поля устойчивого управления» и Матрица интеграции, детализирующая роли и процессы. Научная новизна заключается в комплексном подходе к преодолению эффекта функциональной разрозненности управления. Практическая значимость подтверждается формированием четкого вектора действий для совета директоров и менеджмента, направленного на трансформацию контрольных функций в стратегические возможности по созданию стоимости. Предложенная дорожная карта представляет собой инструмент для руководителей, столкнувшихся с необходимостью интеграции устойчивого развития в бизнес-модель. Ее ключевое преимущество – в последовательности и опоре на проверенные мировые практики, такие как модель трех линий и COSO. Благодаря этому существующие системы управления можно будет плавно трансформировать, снизив сопротивление изменениям. В результате внутренний аудит и риск-менеджмент перестают восприниматься как затратные функции: они превращаются в стратегические активы, создающие ценность. А интегрированное мышление становится объединяющим культурным кодом — оно связывает подразделения в единую систему, которая умеет превращать вызовы в долгосрочные конкурентные преимущества.

S. N. Yashin, E. N. Puzov

ROADMAP FOR IMPLEMENTING INTEGRATED THINKING FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT: SYNTHESIS OF MANAGEMENT, CONTROL AND REPORTING SYSTEMS

Keywords: integrated thinking, roadmap, sustainable development, ESG transformation, Three Lines Model, COSO, integrated reporting, internal audit, risk management.

The problem of functional silos remains a key barrier to integrating sustainable development (ESG) principles into corporate strategy and operations. The aim of the research is to develop a practice-oriented roadmap that ensures the consistent implementation of integrated thinking through the synthesis of modern management models. The study uses methods of systemic and comparative analysis, content analysis of guidance documents, and conceptual modeling. The result is a structured roadmap including stages of diagnosis, planning, implementation, and monitoring, as well as a conceptual “Unified Field of Sustainable Governance” model and an Integration Matrix detailing roles and processes. The scientific novelty lies in a comprehensive approach to overcoming management silos. The practical significance is confirmed by the formation of a clear action plan for the board of directors and management, aimed at transforming control functions into strategic assets for value creation. The proposed roadmap is a tool for managers who are faced with the need to integrate sustainable development into a business model. Its key advantage is consistency and reliance on proven global practices such as the three-line model and COSO. Thanks to this, existing control systems can be smoothly transformed, reducing resistance to change. As a result, internal audit and risk management are no longer perceived as costly functions: they turn into strategic assets that create value. And integrated thinking becomes a unifying cultural code – it binds divisions into a single system that can turn challenges into long-term competitive advantages.

Введение

Современные организации столкнулись с парадоксом. Растущее давление стейкхолдеров в области устойчивого развития требует целостного подхода, в то время как внутренняя структура управления остается фрагментированной [1]. Риск-менеджеры, финансисты, аудиторы и специалисты по устойчивому развитию часто работают в изолированных «системах», используя различные методологии и системы отчетности. Это приводит к дублированию усилий, пробелам в контроле и неспособности организации проактивно управлять рисками и возможностями, связанными с устойчивым развитием [2]. Преодолеть эту разрозненность сложно. Нужен фундаментальный сдвиг в культуре принятия решений. Нужно внедрять интегрированное мышление.

Интегрированное мышление определяется как «активное рассмотрение организацией взаимосвязи между ее различными операционными и функциональными подразделениями и капиталами, которые организация использует или на которые влияет» [3]. Однако сам по себе этот концепт остается абстракцией. Как внедрить его в ежедневные управленческие процессы? Без четкого плана это невозможно.

Цель данной статьи – предложить не просто теоретический синтез моделей, а конкретную дорожную карту, которая позволит советам директоров и топ-менеджменту реализовать этот подход на практике. А также ответить на вопрос, как построить работающую систему, где интегрированное мышление становится не лозунгом, а реальным механизмом принятия решений.

Концептуальный фундамент дорожной карты: «Единое поле устойчивого управления»

Дорожная карта должна опираться на прочную теоретическую базу. Анализ современных управленческих фреймворков позволяет выделить четыре взаимодополняющих компонента, синтез которых образует целостную систему.

Интегрированное мышление: культурный код системы

Интегрированное мышление выступает стержнем, вокруг которого выстраиваются все процессы. Это не разовое мероприятие, а непрерывный цикл, включающий управление, разработку стратегии, операционную деятельность,

мониторинг и отчетность. «Полезно рассматривать интегрированное мышление как непрерывный процесс, который начинается с первоначального целеполагания, затем следуют шаги формированию целостного подхода к управлению → стратегии → операциям → мониторингу → и отчетности» [3]. Именно этот цикл мы будем операционализировать в дорожной карте.

Модель трех линий: архитектура подотчетности

Обновленная модель трех линий [3,4] предоставляет каркас для распределения ролей.

- управляющий орган (1-я линия) отвечает за общий надзор и формирование культуры.
- менеджмент (1-я и 2-я линии) обеспечивает реализацию стратегии и управление рисками.

- внутренний аудит (3-я линия) дает независимые гарантии и консультации [5].

Эта архитектура исключает дублирование и четко разграничивает зоны ответственности.

Системы COSO – процессная инфраструктура:

- внутренний контроль COSO с его пятью компонентами (контрольная среда, оценка рисков и др.) обеспечивает достоверность информации [3].

- управление рисками (COSO ERM) интегрирует риски в стратегию и исполнение [3].

Эти системы являются тактическим инструментарием для реализации цикла интегрированного мышления.

Интегрированная отчетность: обратная связь и коммуникация

Интегрированная отчетность фиксирует результат, демонстрируя взаимосвязь между стратегией, управлением и созданием стоимости в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе [3, 6].

Синтез этих компонентов визуализирован в модели «Единого поля устойчивого управления» (рис. 1), где интегрированное мышление является связующей средой, а модели трех линий и COSO – структурирующими элементами, ведущими к интегрированной отчетности.

Дорожная карта внедрения: от диагностики к трансформации

Предлагаемая дорожная карта рассчитана на поэтапную реализацию в течение 12–18 месяцев и состоит из четырех последовательных этапов (рис. 2).

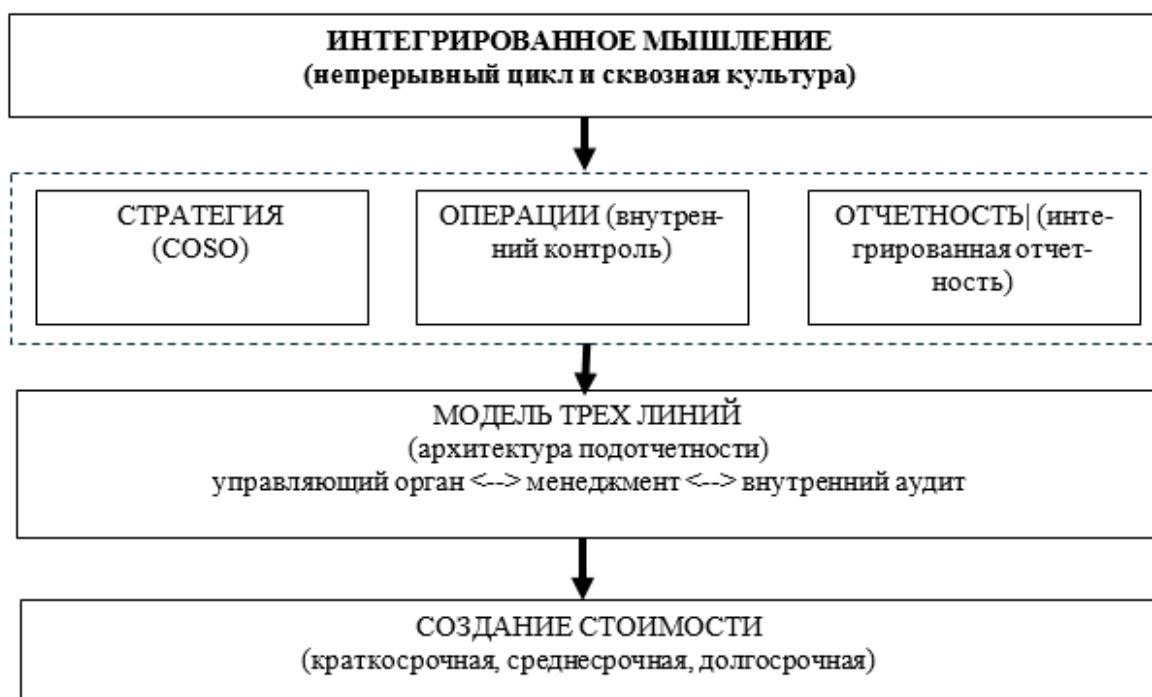

Рис. 1 – Концептуальная модель «Единого поля устойчивого управления»
Источник: разработано авторами на основе [3- 5]

Рис. 2. – Дорожная карта внедрения

Этап 1. Диагностика и оценка (кварталы 1–2)

Цель: получить объективную картину текущей зрелости процессов управления и устойчивого развития.

Действие 1.1. Провести аудит разрывов между существующими практиками и компонентами модели «Единого поля». Оценить, насколько согласованно работают риск-менеджмент, внутренний контроль, внутренний аудит и функция устойчивого развития.

Действие 1.2. Использовать матрицы самооценки, подобные предложенным в [1, 7], для определения уровня интеграции рисков в общую карту рисков организации.

Результат этапа: Отчет с оценкой зрелости, идентифицированными разрывами и приоритетными областями для улучшения.

Этап 2. Планирование и разработка (кварталы 3–4)

Цель: разработать пакет документов и регламентов, закрепляющих новые принципы работы.

Действие 2.1. Создать межфункциональную рабочую группу под эгидой совета директоров с участием руководителей по устойчивому развитию, риск-менеджменту, внутреннему аудиту, финансам и операциям.

Действие 2.2. Обновить ключевые внутренние документы: Политику управления рисками, Положение о внутреннем контроле, регламенты совета директоров – включив в них критерии устойчивого развития и принципы интегрированного мышления [5].

Действие 2.3. Разработать программу обучения для сотрудников и менеджмента, направленную на формирование общего понимания целей и языка интегрированного мышления.

Результат этапа: Утвержденный пакет документов и программа обучения, сформированный костяк команды для внедрения.

Этап 3. Пилотное внедрение и масштабирование (кварталы 5–8)

Цель: апробировать новый подход на ограниченном периметре и подготовить почву для полномасштабного развертывания [6].

Действие 3.1. Выбрать одну-две пилотные бизнес-единицы или ключевые цепочки создания стоимости (например, управление поставщиками) для реализации процессов с учетом рисков устойчивого развития [7].

Действие 3.2. Запустить подготовку интегрированного отчета для пилотных направлений, опираясь на руководящие принципы [3].

Действие 3.3. Внедрить сквозные KPI для пилотных проектов, например, «% постав-

щиков, прошедших оценку на устойчивое развитие» или «количество выявленных и смягченных рисков устойчивого развития».

Результат этапа: Отработанные на практике процессы, первые измеримые результаты, скорректированные на основе обратной связи планы масштабирования.

Этап 4. Мониторинг, оптимизация и интеграция в культуру (постоянный процесс)

Цель: закрепить изменения и обеспечить непрерывное совершенствование системы.

Действие 4.1. Внедрить систему мониторинга эффективности для всей системы в целом. Ключевые показатели могут включать: «% сотрудников, прошедших обучение», «результаты аудита достоверности нефинансовых данных» [5], «снижение стоимости капитала».

Действие 4.2. Внутренний аудит переориентируется на предоставление гарантий и консультаций по всей системе интегрированного управления, а не по отдельным ее частям.

Результат этапа: Интегрированное мышление становится неотъемлемой частью корпоративной культуры и стандартной процедурой принятия всех стратегических решений.

Матрица интеграции: инструмент синхронизации для менеджмента

Для тактической поддержки дорожной карты разработана Матрица интеграции (табл. 1), которая служит руководством для согласования действий на каждом этапе цикла интегрированного мышления с используемыми системами и ролями.

Таблица 1 – Матрица интеграции процессов (разработано авторами на основе [3-5])

Этап цикла Интегрированного мышления	Ключевые компоненты COSO ERM	Роль внутреннего аудита (3-я линия)	Практическое действие в дорожной карте
1. Управление и культура	Принципы 1–5: Управление и культура	Независимые гарантии качества управления	Создание рабочей группы под эгидой совета директоров (Этап 2)
2. Стратегия	Принципы 6–9: Стратегия и постановка целей	Консультации по интеграции устойчивого развития в стратегию	Обновление Политики управления рисками (Этап 2)
3. Операции	Принципы 10–14: Исполнение	Аудит точности данных, оценка контроля	Запуск пилотных проектов (Этап 3)
4. Мониторинг	Принципы 15–17: Анализ и пересмотр	Анализ процессов отчетности, оценка системы	Внедрение KPI для системы (Этап 4)
5. Отчетность	Принципы 18–20: Информация и отчетность	Анализ процессов отчетности, сотрудничество с внешними аудиторами	Подготовка интегрированного отчета (Этап 3)

Роль внутреннего аудита в цикле интегрированного мышления: от гарантий к стратегическому партнерству

Интегрированное мышление, представляющее собой непрерывный цикл (управление → стратегия → операции → мониторинг → отчетность), требует не менее целостного и динамичного подхода от функции внутреннего аудита. Его роль эволюционирует от предоставления исторических гарантий к активному стратегическому партнерству на каждом этапе создания стоимости [6]. Матрица интегрированного мышления [3] демонстрирует, как деятельность внутреннего аудита синхронизируется с этим циклом, обеспечивая его целостность и эффективность.

Управление и культура: гарантии этического тона сверху. На начальном этапе цикла, когда закладываются основы корпоративной культуры и управления, внутренний аудит предоставляет независимые гарантии в отношении их качества и соответствия принципам устойчивого развития [5]. Это включает оценку того, насколько совет директоров и топ-менеджмент демонстрируют приверженность честности, этическим ценностям и интегрированному подходу, что напрямую соотносится с компонентом «Контрольная среда» COSO [3]. *Внутренний аудит отвечает на ключевой вопрос: создает ли руководство среду, способствующую интегрированному мышлению?*

Стратегия и целеполагание: консультации для интеграции устойчивого развития. На этапе формулирования стратегии внутренний аудит трансформируется в консультанта. Он обеспечивает гарантии и дает рекомендации по интеграции факторов устойчивого развития в стратегическое планирование и процессы постановки целей [3]. Аудиторы анализируют,

насколько полно учтены риски устойчивого развития и возможности при определении риск-аппетита и формулировании бизнес-целей, что соответствует принципам «Стратегии и постановки целей» COSO ERM [3]. Таким образом, *внутренний аудит помогает связать долгосрочные амбиции в области устойчивого развития с конкретными стратегическими ориентирами.*

Операции: гарантии достоверности и взаимосвязанности данных. В операционной фазе критически важна достоверность данных, как финансовых, так и нефинансовых. *Здесь внутренний аудит выполняет ключевую функцию, предоставляя независимые гарантии их точности и полноты* [3]. Это напрямую поддерживает принцип интегрированной отчетности «Взаимосвязанность информации», обеспечивая, что данные о различных капиталах (финансовых, природных, человеческих) надежны и отражают реальные взаимосвязи в бизнес-модели. Путем аудита процессов сбора и верификации данных внутренний аудит устраняет «шум» и обеспечивает чистое информационное поле для принятия решений.

Мониторинг и отчетность: консультации по развитию системы. На этапах мониторинга и отчетности роль внутреннего аудита становится наиболее комплексной. Он не только оценивает эффективность системы управления рисками и контроля в свете существенных изменений, но и *выступает консультантом по развитию системы показателей, определению существенности и совершенствованию процессов отчетности* [3]. Анализируя итоговые отчеты, внутренний аудит обеспечивает их соответствие принципам краткости, надежности и сопоставимости, а сотрудничество с внешними аудиторами повышает общее доверие к раскрываемой информации (табл. 2).

Таблица 2 – Синергия внутреннего аудита и цикла интегрированного мышления (разработано авторами на основе [3])

Этап цикла	Ключевая роль внутреннего аудита	Создаваемая ценность
Управление	Независимые гарантии качества корпоративной культуры и надзора	Формирование прочного фундамента доверия и этики
Стратегия	Консультации и гарантии по интеграции устойчивого развития в стратегию и цели	Снижение стратегических рисков и выявление новых возможностей
Операции	Аудит достоверности финансовых и нефинансовых данных	Повышение качества решений и управленческой информации
Мониторинг	Оценка эффективности системы и консультации по ключевым показателям эффективности	Непрерывное улучшение и адаптивность системы управления
Отчетность	Анализ процессов отчетности и сотрудничество с внешними аудиторами	Укрепление доверия стейкхолдеров и прозрачности

Таким образом, внутренний аудит является не сторонним контролером, а интегральным элементом и катализатором цикла интегрированного мышления. Его сквозное участие на всех этапах – от формирования культуры до подготовки отчетности – обеспечивает необходимые гарантии, консультации и обратную связь, превращая разрозненные данные в согласованную систему управления стоимостью [6]. Это трансформирует саму функцию внутреннего аудита из затратной в стратегически инвестиционную, непосредственно влияющую на устойчивость и долгосрочную конкурентоспособность организации. Внедрение такого проактивного подхода является следующим логическим шагом на пути реализации предложенной дорожной карты.

Заключение

Предложенная дорожная карта представляет собой не теоретическую конструкцию, а практический инструмент для руководителей,

столкнувшихся с необходимостью интеграции устойчивого развития в бизнес-модель. Ее ключевое преимущество – в последовательности и опоре на проверенные мировые практики, такие как модель трех линий и COSO. Это снижает сопротивление изменениям и позволяет не ломать, а трансформировать существующие системы управления.

Внедрение этой дорожной карты меняет роль внутреннего аудита и риск-менеджмента. Они перестают быть просто затратными функциями. Теперь это стратегические активы, генерирующие ценность. Интегрированное мышление становится тем культурным кодом, который связывает разрозненные подразделения в единый организм, способный не только противостоять современным вызовам, но и использовать их для создания долгосрочных конкурентных преимуществ. Будущее принадлежит организациям, которые смогут мыслить и действовать целостно. Готова ли ваша компания к такому будущему?

Литература

1. Ferma. Corporate Sustainability: Risk Managers and Internal Auditors must work closer with Boards of Directors. URL: <https://ferma.eu/corporate-sustainability-risk-managers-and-internal-auditors-must-work-closer-with-boards-of-directors/> (дата обращения: 20.03.2026).
2. The Institute of Internal Auditors. Prioritizing Environmental, Social and Governance: Exploring Internal Audit's Role as a Critical Collaborator. URL: https://www.theiia.org/globalassets/site/foundation/latest-research-and-products/2021-3910-fnd-prioritizingesg-report_final_v6.pdf (дата обращения: 20.03.2026).
3. The Institute of Internal Auditors. Integrated Thinking and Sustainability. Applying Key Governance Tools and Frameworks. URL: https://www.theiia.org/globalassets/site/content/research/white-papers/integrated-thinking-and-sustainability-applying-key-governance-tools-and-frameworks/integrated_thinking_and_sustainability_final.pdf / (дата обращения: 20.03.2026).
4. The Institute of Internal Auditors. The IIA's Three Lines Model: An Update of the Three Lines of Defense. URL: <https://www.theiia.org/globalassets/documents/resources/the-iias-three-lines-model-an-update-of-the-three-lines-of-defense-july-2020/three-lines-model-updated-english.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).
5. The Institute of Internal Auditors. The ESG Risk Landscape. Part 2: Implementation, reporting, and internal audit's role. URL: https://www.theiia.org/globalassets/site/content/articles/global-knowledge-brief/2022/the-esg-risk-landscape-part-2/the_esg_risk_landscape_part_2.pdf. (дата обращения: 20.03.2026).
6. Пузов Е.Н. Стратегическое управление стоимостью компании: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 256 с.
7. The Institute of Internal Auditors. The ESG Risk Landscape. Part 1: Understanding ESG Reporting Standards in 2022 and Beyond. URL: https://internalauditor.theiia.org/globalassets/documents/content/articles/gkb/the_esg_risk_landscape_part_1.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

References

1. Ferma. Corporate Sustainability: Risk Managers and Internal Auditors must work closer with Boards of Directors. Available at: <https://ferma.eu/corporate-sustainability-risk-managers-and-internal-auditors-must-work-closer-with-boards-of-directors/> (Accessed Date: 20.03.2026).
2. The Institute of Internal Auditors. Prioritizing Environmental, Social and Governance: Exploring Internal Audit's Role as a Critical Collaborator. Available at: https://www.theiia.org/globalassets/site/foundation/latest-research-and-products/2021-3910-fnd-prioritizingesg-report_final_v6.pdf (Accessed Date: 20.03.2026).

3. The Institute of Internal Auditors. Integrated Thinking and Sustainability. Applying Key Governance Tools and Frameworks. Available at: https://www.theiia.org/globalassets/site/content/research/white-papers/integrated-thinking-and-sustainability-applying-key-governance-tools-and-frameworks/integrated_thinking_and_sustainability_final.pdf / (Accessed Date:20.03.2026).
4. The Institute of Internal Auditors. The IIA's Three Lines Model: An Update of the Three Lines of Defense. Available at: <https://www.theiia.org/globalassets/documents/resources/the-iias-three-lines-model-an-update-of-the-three-lines-of-defense-july-2020/three-lines-model-updated-english.pdf> (Accessed Date:20.03.2026).
5. The Institute of Internal Auditors. The ESG Risk Landscape. Part 2: Implementation, reporting, and internal audit's role. Available at: https://www.theiia.org/globalassets/site/content/articles/global-knowledge-brief/2022/the-esg-risk-landscape-part-2/the_esg_risk_landscape_part_2.pdf. (Accessed Date:20.03.2026).
6. Puzov E.N. Strategicheskoe upravlenie stoimost'yu kompanii: uchebnik dlya vuzov. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 256 p. (In Russ.)
7. The Institute of Internal Auditors. The ESG Risk Landscape. Part 1: Understanding ESG Reporting Standards in 2022 and Beyond. Available at: https://internalauditor.theiia.org/globalassets/documents/content/articles/gkb/the_esg_risk_landscape_part_1.pdf (Accessed Date: 20.03.2026).

Сведения об авторах:

©**Яшин Сергей Николаевич** – доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и правового регулирования финансового рынка, Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация, Нижний Новгород, e-mail: jashinsn@yandex.ru.

©**Пузов Евгений Николаевич** – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Международный инновационный университет, Российская Федерация, г. Сочи, e-mail: trends.imprint@gmail.com.

Information about the authors:

©**Yashin Sergey Nikolaevich** – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Finance and Legal Regulation of the Financial Market, Nizhny Novgorod branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Nizhny Novgorod, e-mail: jashinsn@yandex.ru.

©**Puzov Evgenii Nikolaevich** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Management, International Innovative University, Russian Federation, Sochi, e-mail: trends.imprint@gmail.com.

Р. Р. Зарипов, С. С. Кудрявцева

СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЙ КОНКУРЕНЦИЯ, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Ключевые слова: промышленность, конкуренция, конкурентоспособность, технологический суверенитет.

Статья посвящена углубленному теоретико-методологическому анализу понятий «конкуренция», «конкурентоспособность» и «технологический суверенитет» в условиях усиливающихся геополитических рисков, трансформации мировой экономической системы и необходимости долгосрочной адаптации национальной промышленности к внешним ограничениям. Целью исследования является теоретико-методологическое обоснование и уточнение данных понятий, а также разработка универсальных авторских определений данных категорий для их дальнейшего применения в анализе направлений повышения конкурентоспособности промышленности в условиях достижения технологического суверенитета. Отмечается, что данные категории широко используются в научной, экспертной и нормативной практике, однако их трактовки часто характеризуются неоднозначностью, концептуальной разобщенностью и недостаточной универсальностью, что затрудняет их применение в стратегическом планировании и промышленной политике. Авторы критически осмысливают существующие подходы к определению обозначенных категорий в отечественной и зарубежной литературе, выявляя их концептуальные ограничения. На основе междисциплинарного анализа предлагаются собственные формулировки, позволяющие устранить терминологические разночтения и обеспечить аналитическую применимость в различных уровнях исследования. Конкуренция интерпретируется как динамический процесс взаимодействия субъектов, обладающих схожими целями и ресурсами, направленный на достижение оптимальных позиций с учетом индивидуальных возможностей и реакций других участников. В логической связи с этим конкурентоспособность определяется как способность субъекта – будь то товар, предприятие, отрасль, регион или национальная экономика – эффективно участвовать в конкурентном взаимодействии посредством рационального использования ресурсов, адаптивности и стратегического потенциала развития. Особое внимание уделяется связи конкурентоспособности страны с достижением технологического суверенитета, который рассматривается как ключевой фактор устойчивости экономической системы в условиях внешних ограничений. Авторское определение технологического суверенитета акцентирует способность государства самостоятельно создавать, производить, внедрять и поддерживать критически важные технологии, обеспечивая экономическую и технологическую безопасность. Подчеркивается значимость контроля над ключевыми ресурсами, компетенциями и технологическими цепочками. Представленные концептуальные положения обладают внутренней согласованностью и формируют методологическую основу для дальнейших исследований направлений повышения конкурентоспособности промышленности в условиях необходимости достижения технологического суверенитета.

R. R. Zaripov, S. S. Kudryavtseva

THE ESSENCE OF THE CONCEPTS OF COMPETITION, COMPETITIVENESS AND TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

Keywords: industry, competition, competitiveness, technological sovereignty.

The article provides an in-depth theoretical and methodological examination of the concepts of “competition”, “competitiveness”, and “technological sovereignty” in the context of accelerating global economic transformations and increasingly complex geopolitical pressures. The study emphasizes that these categories, although widely used in academic and policy discourse, often lack conceptual clarity and methodological consistency, which complicates their application in strategic planning and industrial development. By analyzing existing domestic and international interpretations, the authors identify the main limitations of conventional definitions, including their sectoral narrowness, conceptual fragmentation, and insufficient adaptability to the challenges currently faced by national industrial systems. The article proposes original, more universal formulations developed through an interdisciplinary approach. Competition is defined as a dynamic process of interaction among actors pursuing similar objectives and utilizing comparable resources, in which each participant seeks

to secure an optimal position while responding to the actions, capabilities, and strategies of others. Building upon this conceptual foundation, competitiveness is interpreted as the ability of an entity—whether a product, firm, industry, region, or national economy—to effectively participate in competitive interactions by leveraging resources, competencies, and adaptive mechanisms to achieve a stable and advantageous position. A significant focus is placed on the relationship between national competitiveness and technological sovereignty, which has become a critical determinant of long-term economic resilience. The author’s definition of technological sovereignty highlights the capacity of a state to independently develop, produce, implement, and maintain critical technologies, ensuring both functional stability and strategic security in the face of external constraints. The analysis stresses the importance of maintaining control over essential resources, technological chains, and knowledge-intensive competencies. The proposed conceptual framework demonstrates internal coherence and provides a solid methodological foundation for future research aimed at enhancing industrial competitiveness under the imperative of achieving technological sovereignty.

Цель и задачи исследования

Целью исследования является теоретико-методологическое обоснование и уточнение понятий «конкуренция», «конкурентоспособность» и «технологический суверенитет», а также разработка универсальных авторских определений данных категорий для их дальнейшего применения в анализе направлений повышения конкурентоспособности промышленности в условиях достижения технологического суверенитета.

В соответствии с поставленной целью выделяются задачи по проведению анализа существующих научных, философских, социальных и нормативно-правовых подходов к определению понятий «конкуренция», «конкурентоспособность» и «технологический суверенитет», также необходимо выявить ограничения и противоречия в имеющихся трактовках, используемых в отечественной и зарубежной литературе. Авторы определили также задачи по формулировке собственного, универсального определения понятия «конкуренция», учитывающее мультидисциплинарную природу феномена, разработке авторского определения категории «конкурентоспособность», согласованного с ранее данным определением конкуренции и применимое на разных уровнях экономической системы. Кроме того, авторы предлагают систематизировать уровни проявления конкурентоспособности (товар, предприятие, отрасль, регион, страна) и раскрыть их существенные характеристики. Также необходимо проанализировать существующие концепции технологического суверенитета, отраженные в научных исследованиях и нормативных документах, а также сформулировать авторское определение технологического суверенитета, опирающееся на функциональный, институциональный и ресурсный подходы. В подведении итогов исследования обосновывается роль технологического суверенитета как ключевого фактора конкурентоспособности национальной промышленности.

Методы исследования

В настоящей статье использованы следующие методы научного анализа:

– Метод теоретического обобщения – для синтеза различных подходов к определению исследуемых категорий.

– Сравнительный анализ – для сопоставления трактовок понятий в разных научных школах, нормативных актах и исследованиях.

– Контент-анализ научных и нормативных источников – для выявления сущности и особенностей современных подходов к конкуренции, конкурентоспособности и технологическому суверенитету.

– Логический анализ и дедукция – для формирования авторских определений и концептуальных выводов.

– Системный подход – для рассмотрения конкурентоспособности как многоуровневой категории и технологического суверенитета как комплексного явления.

– Институциональный анализ – при оценке роли государства и нормативных механизмов.

– Функционально-структурный подход – при определении взаимосвязей между конкурентоспособностью и технологическим суверенитетом.

Понятие «конкуренция» в Российской Федерации в первую очередь определено законодательством, положения которого определяют конкуренцию, как соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке [1].

Социальное определение конкуренции раскрывает многообразие взглядов на данное явление. Одни авторы видят в конкуренции источник развития и адаптации общества (М. Вебер, Т. Парсонс), другие обращают внимание на

ее негативное воздействие на социальную сплоченность и справедливость (Э. Дюркгейм, А. Сен). Наиболее полный взгляд сочетает оба аспекта, отмечая, что конкуренция играет важную роль в социальной структуре, но требует четких рамок и регламентации для предотвращения дестабилизации и несправедливости.

В свою очередь, философия дает нам разные перспективы на конкуренцию. Некоторые мыслители считают ее естественным следствием человеческой природы (Т. Гоббс, Ф. Ницше), другие полагают, что она возникла вследствие цивилизации и частного права (Ж. – Ж. Руссо, Дж. Локк). Есть и более глубокая интерпретация, основанная на психологии и бессознательных процессах (Ж. Лакан, З. Фрейд). Все эти подходы вместе позволяют увидеть многогранность конкуренции как социального и культурного феномена.

Авторам данной статьи видится определение понятия «конкуренция» в следующем изложении. Так, конкуренция – это процесс взаимодействия субъектов, обладающих схожими целями, функциями или ресурсами, направленный на достижение наилучшего (оптимального) положения в определенной сфере деятельности, с учетом их индивидуальных характеристик, потенциала и активности других участников.

Подобное определение по мнению авторов является более универсальным и применимым к разным сферам деятельности.

Определив понятие «конкуренция», становится возможным переходить к раскрытию понятия «конкурентоспособность».

В настоящее время нет четкого, единого и универсального определения понятия «конку-

рентоспособность». Так, существующие определения, всегда дают отсылку на конкретный вид сферы, в котором рассматривается конкурентоспособность, например, конкурентоспособность:

- товара;
- предприятия;
- отрасли;
- региона;
- страны.

Авторы статьи предлагают также свое универсальное определение понятия «конкурентоспособность», данное им во взаимосвязи с ранее обозначенным определением понятия «конкуренция».

Конкурентоспособность – это способность субъекта эффективно участвовать в процессе конкуренции, обеспечивая достижение устойчиво выгодного положения в определенной сфере деятельности посредством рационального использования собственных ресурсов, потенциала и адаптации к активности других участников.

В экономической науке категория «конкурентоспособность» является многомерной и многоуровневой, отражающей совокупность свойств и характеристик объекта, определяющих его способность выдерживать рыночное соперничество при заданных условиях среды. Ее содержание конкретизируется в зависимости от уровня экономической системы, к которой она относится: от отдельного товара или предприятия до отрасли, региона и национальной экономики в целом.

В современной теории конкурентоспособности различают пять основных уровней анализа (см. таблицу).

Таблица – Уровни проявления конкурентоспособности и ключевые характеристики

Уровень Анализа	Сущностное содержание	Основные показатели оценки	Ключевые факторы формирования
Товар (продукт)	Степень соответствия продукции требованиям рынка и предпочтениям потребителей при сопоставимых условиях предложения.	Цена, качество, функциональность, инновационность, послепродажный сервис.	Технология производства, дизайн, стандарты качества, бренд, маркетинг.
Предприятие (фирма)	Способность фирмы производить и реализовывать конкурентоспособные товары, обеспечивая устойчивую прибыльность и развитие.	Производительность труда, рентабельность, доля рынка, инновационная активность.	Эффективность управления, организация бизнес-процессов, кадровый потенциал, инвестиции, НИОКР.

Уровень анализа	Сущностное содержание	Основные показатели оценки	Ключевые факторы формирования
Регион	Возможность регионального промышленного комплекса обеспечивать рост, занятость и технологическое развитие.	Индекс промышленного производства региона, доля высокотехнологичных отраслей, LQ, уровень инвестиций.	Инфраструктура, кластеры, кадры, институциональная среда, меры региональной политики.
Страна (национальная экономика)	Потенциал государства обеспечивать долгосрочное экономическое развитие и технологическую независимость.	ВВП на душу населения, экспорт высокотехнологичной продукции, глобальные рейтинги конкурентоспособности (IMD, WEF).	Макроэкономическая стабильность, институциональные институты, инновационная система, промышленная политика.

Конкурентоспособность товара представляет собой совокупность свойств и характеристик продукции, определяющих ее способность удовлетворять конкретные потребности покупателей лучше, чем товары-аналоги, представленные на рынке.

Конкурентоспособность предприятия является способностью организации эффективно функционировать в условиях рыночной конкуренции, обеспечивая устойчивую прибыльность, рост рыночной доли и возможность долгосрочного развития [2].

Конкурентоспособность отрасли определяется как способность совокупности предприятий, входящих в определенный промышленный сектор, обеспечивать устойчивое развитие, выпуск конкурентоспособной продукции и сохранение позиций на внутреннем и внешнем рынках.

Конкурентоспособность региона представляет собой способность территориальной социально-экономической системы обеспечивать устойчивое экономическое развитие, привлекать инвестиции, развивать промышленность и повышать качество жизни населения в условиях межрегиональной и международной конкуренции.

Конкурентоспособность страны – это способность национальной экономики обеспечивать устойчивый экономический рост, повышать благосостояние населения и эффективно функционировать в условиях глобальной конкуренции.

В современных геэкономических условиях конкурентоспособность страны напрямую связана с уровнем технологического суверенитета.

От способности государства самостоятельно производить критические технологии, оборудование и материалы зависит устойчивость всей национальной экономики.

В этом контексте технологическая независимость промышленного комплекса становится центральным критерием конкурентоспособности страны.

Для России ключевой задачей становится переход от ресурсно-сырьевой модели к инновационно-промышленной, основанной на собственных технологиях и научных разработках.

Именно промышленный сектор – в тесной связи с научно-исследовательским комплексом и государственной стратегией технологического развития – определяет уровень национальной конкурентоспособности и степень экономического суверенитета страны.

Разобрав понятие «конкурентоспособность», перейдем к определению и раскрытию понятия «технологический суверенитет».

Так, для начала обратимся к уже имеющимся определениям данного понятия.

Например, ученые Института системных и инновационных исследований Фраунгофера (Fraunhofer Institute for Systems and Innovation Research ISI) определяют технологический суверенитет как способность государства или федерации государств обеспечивать технологии, которые оно считает критически важными для своего благосостояния, конкурентоспособности и способности действовать, а также иметь возможность разрабатывать их или получать из других экономических областей без односторонней структурной зависимости [3].

А. А. Афанасьев, старший научный сотрудник Центра инновационной экономики и промышленной политики Института Экономики РАН раскрывает технологический суверенитет как устойчивое состояние экономической системы страны, при котором в контексте существующих и перспективных угроз обеспечивается возможность беспрепятственного использования в критически важных сферах ее жизнедеятельности необходимых современных технологий, а также существует ресурсообеспеченная способность их воспроизводства [4].

И. Э. Фролов, профессор кафедры общей экономики Экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук дал определение технологического суверенитета как эффективное функционирование системы государственного управления научно-технологическим развитием и воспроизводство под национальным контролем определенного набора критических и сквозных технологий и, соответственно, условий масштабного производства продукции на их основе, которые обеспечивают устойчивую возможность государства и общества ставить и реализовывать собственные национальные интересы [5].

В законодательных актах России такое понятие как технологический суверенитет впервые было обозначено в положениях «Концепции технологического развития на период до 2030 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 года № 1315-р (далее – Концепция). В Концепции данное понятие определяется как наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы.

Таким образом, мы можем наблюдать явную тенденцию на курс государства по обеспечению достижения технологического суверенитета, необходимость которого обусловлена уже сложившейся и складывающейся в настоящее время геополитической ситуации в реалиях экономики и политики после февраля 2022 года.

Аналогично тому, как мы дали свое определение понятиям «конкуренция» и «конкурентоспособность», также самостоятельно определим понятие «технологический суверенитет», как способность государства (или иного субъекта) самостоятельно развивать,

производить, внедрять и поддерживать критически важные технологии, обеспечивая устойчивость функционирования и безопасность в условиях внешних ограничений за счет контроля над ключевыми ресурсами, компетенциями и технологическими цепочками.

В рамках настоящего исследования технологический суверенитет предлагается рассматривать через призму авторской интерпретации, выступающей обобщающим и одновременно аналитически четким определением. Приведенная формулировка базируется на логически связанном сочетании функционального, институционального и ресурсного подходов к трактовке сущности технологического развития и его роли в обеспечении долгосрочной конкурентоспособности.

Представленное определение обладает внутренней структурной согласованностью и позволяет избежать распространенных терминологических разночтений.

Во-первых, выбор родового признака – «способность» – подчеркивает, что технологический суверенитет выступает не статическим состоянием, а динамичной характеристикой, отражающей совокупность умений и возможностей субъекта действовать в технологической сфере.

Во-вторых, детализация ключевых стадий жизненного цикла технологий – «развивать, производить, внедрять и поддерживать» – обеспечивает процессуальную полноту и делает определение применимым для анализа как стратегического, так и операционного уровня. Это особенно важно, поскольку технологическая независимость достигается не отдельными точечными решениями, а последовательным формированием устойчивой технологической инфраструктуры и компетентностной базы.

В-третьих, акцент на «критически важных технологиях» задает содержательный критерий релевантности: речь идет не о совокупности всех доступных технологий, а именно о тех, от которых зависит функционирование социально-экономических систем, безопасность и способность субъекта реагировать на внешние вызовы. Фокусировка на критичности позволяет рассматривать технологический суверенитет как инструмент управления рисками и стратегическими приоритетами, а не как абстрактную идею полного технологического самообеспечения.

Важной особенностью представленной интерпретации является указание на «условия внешних ограничений». В современных экономических и геополитических условиях тех-

нологическая зависимость способна трансформироваться в фактор уязвимости, ограничивающий свободу принятия решений, снижая устойчивость национальной экономики и сдерживая потенциал промышленного роста. Таким образом, технологический суверенитет в авторском понимании выступает не изолированной целью, а механизмом минимизации критических рисков и обеспечения устойчивости функционирования в условиях высокой волатильности внешней среды.

Наконец, ключевым элементом определяющего признака является «контроль над ключевыми ресурсами, компетенциями и технологическими цепочками». Такой подход интегрирует категорически важные составляющие: наличие материально-технической базы, развитых технологических компетенций, кадрового потенциала, производственных и логистических цепочек, а также институциональных механизмов координации. Все эти компоненты позволяют не только формировать технологическую независимость, но и поддерживать ее на устойчивом уровне, обеспечивая способность системы адаптироваться к изменениям и сохранять стратегическую целостность.

Таким образом, предложенное определение обладает концептуальной ясностью, интегративностью и применимостью для дальнейшего теоретического и эмпирического анализа. Оно обеспечивает возможность операционализации понятия технологического суверенитета через систему индикаторов, отражающих уровень развития НИОКР, качество технологических компетенций, степень диверсификации цепочек поставок и способность к воспроизводству критически значимых технологий. Такое понимание позволяет в дальнейшем выстроить методологически последовательную оценку факторов и направлений повышения конкурентоспособности промышленности в условиях достижения технологического суверенитета.

В условиях современных технологических и геоэкономических трансформаций конкурентоспособность национальной экономики все в большей степени определяется не только качеством продукции, эффективностью предприятий или структурой отраслей, но и уровнем ее технологической автономности.

Технологический суверенитет выступает системообразующей основой национальной конкурентоспособности, формируя условия для устойчивого развития производственных цепочек, долгосрочной инновационной динамики и экономической безопасности.

Эта связь проявляется по нескольким ключевым направлениям:

- ресурсно-производственная зависимость – если критически важные комплектующие, технологии или материалы зависят от внешних поставщиков, конкурентоспособность национальной промышленности становится уязвимой. Технологический суверенитет снижает зависимость от внешних ограничений и обеспечивает устойчивость производственных цепочек, что является фундаментальным условием конкурентоспособности;

- инновационная способность – конкурентоспособность в XXI веке напрямую основана на скорости генерации, внедрения и масштабирования технологий, в свою очередь, технологический суверенитет обеспечивает доступ к собственным научным школам, независимость критических НИОКР и долгосрочный цикл воспроизводства технологий. Таким образом, суверенность инновационной системы становится ядром конкурентных преимуществ;

- технологический контроль над цепочками стоимости – страны, контролирующие ключевые участки цепочек стоимости, получают возможность формировать цены, стандарты и правила доступа. Следовательно, технологический суверенитет – это механизм закрепления конкурентного положения в глобальных цепочках стоимости;

- стратегическая устойчивость – конкурентоспособность должна быть не только высокой, но и устойчивой при внешних шоках (санкциях, разрывах поставок, изменениях рынков). Страны с высоким уровнем технологического суверенитета демонстрируют меньшую чувствительность к внешнему давлению, более стабильную траекторию роста, а также большую экономическую маневренность;

- институциональная и нормативная база – технологический суверенитет требует стратегического планирования, модернизации промышленной политики и инвестиций в компетенции.

Указанные элементы одновременно являются и институтами, формирующими конкурентоспособность.

Авторами статьи также разработана собственная концептуальная блок-схема, раскрывающая технологический суверенитет как системное обоснование конкурентоспособности (см. рисунок).

Подводя итоги данной статьи, необходимо отметить, что авторами были даны собственные и уникальные определения понятий «конкуренция», «конкурентоспособность» и «технологический суверенитет», а также раскрыты сущности данных определений.

Рисунок – Технологический суверенитет как системное обоснование конкурентоспособности

Определения, приведенные авторами статьи, являются универсальными и актуальными для настоящего времени, обусловленного в частности для России, беспрецедентным экономическим и политическим давлением, которые вынуждают менять и подстраивать многие

концепции промышленности, адаптируя их под необходимость достижения технологического суверенитета в целом, обеспечивая тем самым, экономическую безопасность страны.

Литература

1. КонсультантПлюс. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 10.02.2026).
2. Халиулин Р.А., Кудрявцева С.С. К вопросу о конкурентоспособности промышленного предприятия в цепочке создания стоимости // Логистика: форсайт-исследования, профессия, практика: материалы III Национальной научно-образовательной конференции: в 2 ч., Санкт-Петербург, 28 октября 2022 года. Ч. 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. С. 129-132.

3. Edler J., Blind K., Frietsch R., Kimpeler S., Kroll H., Lerch C., Reiss T., Roth F., Schubert T., Schuler J., Walz R. Technology sovereignty. From demand to concept. Executive Summary. Karlsruhe: Fraunhofer ISI, 2020. P. 5.
4. Афанасьев А.А. Технологический суверенитет: к вопросу о сущности // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 10. С. 3691-3708. DOI: 10.18334/ce.16.10.116406. EDNI: ECAHWB.
5. Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук. Фролов И.Э. Выступление: «Проблемы достижения технологического суверенитета России в условиях форсированного импортозамещения». URL: <https://ecfor.ru/publication/problemy-dostizheniya-tehnologicheskogo-suvereniteta-rossii/> (дата обращения: 10.02.2026).

References

1. Konsul'tantPlyus. Federal'nyj zakon "O zashchite konkurencii" ot 26.07.2006 № 135-FZ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (Accessed Date: 10.02.2026). (In Russ.)
2. Afanasev A.A. Technological sovereignty: a question of essence. Creative Economy. 2022. Vol. 16, No. 10. pp. 3691-3708. DOI: 10.18334/ce.16.10.116406. EDNI: ECAHWB. (In Russ.)
3. Haliulin R.A., Kudryavceva S.S. K voprosu o konkurentosposobnosti promyshlennogo pred-priyatiya v serpochke sozdaniya stoimosti. In Logistika: forsajt-issledovaniya, professiya, praktika: materialy III Nacion-al'noj nauchno-obrazovatel'noj konferencii: v 2 ch., Sankt-Peterburg, 28 oktyabrya 2022 goda. CH. 1. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, 2022. pp. 129-132. (In Russ.)
4. Edler J., Blind K., Frietsch R., Kimpeler S., Kroll H., Lerch C., Reiss T., Roth F., Schubert T., Schuler J., Walz R. Technology sovereignty. From demand to concept. Executive Summary. Karlsruhe: Fraunhofer ISI, 2020. P. 5.
5. Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya Rossijskoj akademii nauk. Frolov I.E. Vystuplenie: "Problemy dostizheniya tekhnologicheskogo suvereniteta Rossii v usloviyah forsi-rovannogo importozameshcheniya". Available at: <https://ecfor.ru/publication/problemy-dostizheniya-tehnologicheskogo-suvereniteta-rossii/> (Accessed Date: 10.02.2026). (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Зарипов Руслан Ринатович** – соискатель кафедры логистики и управления, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: Locdoc21@mail.ru.

©**Кудрявцева Светлана Сергеевна** – доктор экономических наук, профессор кафедры логистики и управления, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: sveta516@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Zaripov Ruslan Rinatovich** – applicant of the Department of Logistics and Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: Locdoc21@mail.ru.

© **Kudryavtseva Svetlana Sergeevna** – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Logistics and Management, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: sveta516@yandex.ru.

Д. В. Сотников, А. В. Аксянова

ПОТРЕБЛЕНИЕ ПЛАТНЫХ УСЛУГ В РОССИИ: АНАЛИЗ ДИНАМИКИ И ФАКТОРОВ

Ключевые слова: платные услуги, доходы населения, потребительское поведение, структура потребления, виды услуг, социально-экономические факторы.

В статье рассматривается динамика потребления платных услуг населением России и выявляются ключевые социально-экономические факторы, определяющие её изменение. Показано, что на горизонте последних 30 лет динамику потребления услуг можно условно разделить на три периода. В 1995–2008 гг. наблюдался устойчивый рост, который в 2009–2021 гг. сменился замедлением темпов. В 2022–2025 гг. зафиксировано их ускорение, что может свидетельствовать о структурных изменениях в потребительском поведении и восстановлении потребительской активности после пандемийного периода. Международное сопоставление показывает, что, несмотря на более высокие темпы роста потребления услуг в России, доля услуг в структуре потребления остаётся существенно ниже, чем в развитых экономиках. Это указывает на сохраняющийся потенциал дальнейшего расширения сектора услуг по мере роста доходов населения и изменения структуры потребительских предпочтений. Анализ структуры потребления выявил, что основными драйверами роста являются медицинские и бытовые услуги, что отражает усиление внимания населения к качеству жизни и состоянию здоровья. В то же время транспортные и коммунальные услуги демонстрируют более сдержанную динамику, что может быть связано с особенностями регулирования и характера спроса. Эконометрический анализ на основе квартальных данных за 2015–2025 гг. показал, что ключевым фактором, определяющим динамику потребления платных услуг, являются реальные располагаемые доходы населения. Их влияние проявляется как в текущем периоде, так и с временным лагом, тогда как краткосрочные изменения цен на услуги и уровня безработицы статистически незначимы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что рост потребления услуг в России носит устойчивый характер и в первую очередь определяется динамикой доходов населения, подтверждая наличие значительного потенциала дальнейшего развития сектора услуг.

D. V. Sotnikov, A. V. Aksyanova

CONSUMPTION OF PAID SERVICES IN RUSSIA: ANALYSIS OF DYNAMICS AND FACTORS

Keywords: paid services, household income, consumer behavior, consumption structure, types of services, socioeconomic factors.

This article examines trends in the consumption of paid services by the Russian population and identifies the key socioeconomic factors driving these changes. It is shown that over the past 30 years, the dynamics of service consumption can be conditionally divided into three periods. In 1995–2008, steady growth was observed, which was replaced by a slowdown in 2009–2021. In 2022–2025, an acceleration was recorded, which may indicate structural changes in consumer behavior and a recovery in consumer activity following the pandemic period. An international comparison shows that, despite higher growth rates in service consumption in Russia, the share of services in the consumption structure remains significantly lower than in developed economies. This indicates continued potential for further expansion of the services sector as household incomes rise and the structure of consumer preferences changes. An analysis of the consumption structure revealed that the main drivers of growth are medical and household services, reflecting the public's increasing focus on quality of life and health. At the same time, transportation and utility services are showing more subdued growth, which may be linked to regulatory specifics and the nature of demand. An econometric analysis based on quarterly data for 2015–2025 showed that real disposable income is the key factor determining trends in the consumption of paid services. Its influence is evident both in the current period and with a time lag, whereas short-term changes in service prices and the unemployment rate are statistically insignificant. The results indicate that the growth in service consumption in Russia is sustainable and is primarily determined by changes in household income, confirming the significant potential for further development of the service sector.

Сфера услуг является важной составляющей структуры потребления населения. По мере экономического развития и расширения цифровых технологий возрастает разнообразие предоставляемых услуг, а также увеличивается их роль в удовлетворении повседневных потребностей населения. В отличие от материальных товаров услуги обладают рядом специфических характеристик. В частности, их потребление, как правило, происходит одновременно с процессом оказания, а возможности накопления или создания запасов услуг ограничены. В связи с этим динамика потребления услуг в значительной степени отражает текущие изменения в уровне и структуре спроса населения и может рассматриваться как один из индикаторов социально-экономической ситуации. Формирование спроса на услуги определяется совокупностью социально-экономических факторов, оказывающих влияние на структуру и уровень потребления населения. Целью настоящего исследования является анализ потребления платных услуг населением в России и выявление социально-экономических факторов, оказывающих влияние на его уровень. Для достижения поставленной цели анализируется динамика потребления платных услуг, проводится их сопоставление с другими компонентами потребления населения и выполняется сравнительный анализ с международными тенденциями. На заключительном этапе исследования с использованием эконометрических методов оценивается влияние ключевых социально-экономических факторов.

Основным показателем, отражающим динамику потребления услуг в данном исследовании, является показатель «объем платных услуг населению», публикуемый Росстатом [1, 2]. Для учета влияния ценового фактора используется показатель индекса физического объема, данные

по которому доступны начиная с 1995 года (рис. 1).

Динамика показателя имеет выраженный восходящий тренд: к концу 2025 года объем потребления платных услуг увеличился почти вдвое по сравнению с уровнем середины 1990-х годов. При этом численность населения за рассматриваемый период существенно не изменилась и демонстрирует скорее слабую нисходящую динамику [3]. Это позволяет сделать вывод о том, что рост потребления услуг происходил преимущественно за счёт увеличения потребления на душу населения.

На рассматриваемом горизонте (1995–2025 гг.) динамику потребления услуг условно можно разделить на несколько этапов. В период с 1995 по 2008 год фиксируется относительно устойчивый рост со среднегодовыми темпами около 2,8 %. В последующий период, с 2009 по 2021 год, темпы роста замедлились и в среднем составляли около 1,3 % в год. При этом для более корректной оценки динамики целесообразно отдельно рассмотреть период 2009–2019 годов, поскольку показатели 2020–2021 годов существенно искажены влиянием пандемии. В 2020 году наблюдалось значительное сокращение потребления услуг, за которым последовало восстановление в 2021 году. Тем не менее, за счёт последующего восстановления в 2021 году среднегодовые темпы роста в 2020–2021 гг. в целом соответствовали уровню предыдущего периода и составили около 1,3 %. Начиная с 2022 года темпы роста потребления платных услуг заметно ускорились и в среднем составили около 4,8 % в год. Такое изменение динамики может свидетельствовать о возможных структурных сдвигах в сфере услуг и трансформации потребительского поведения населения.

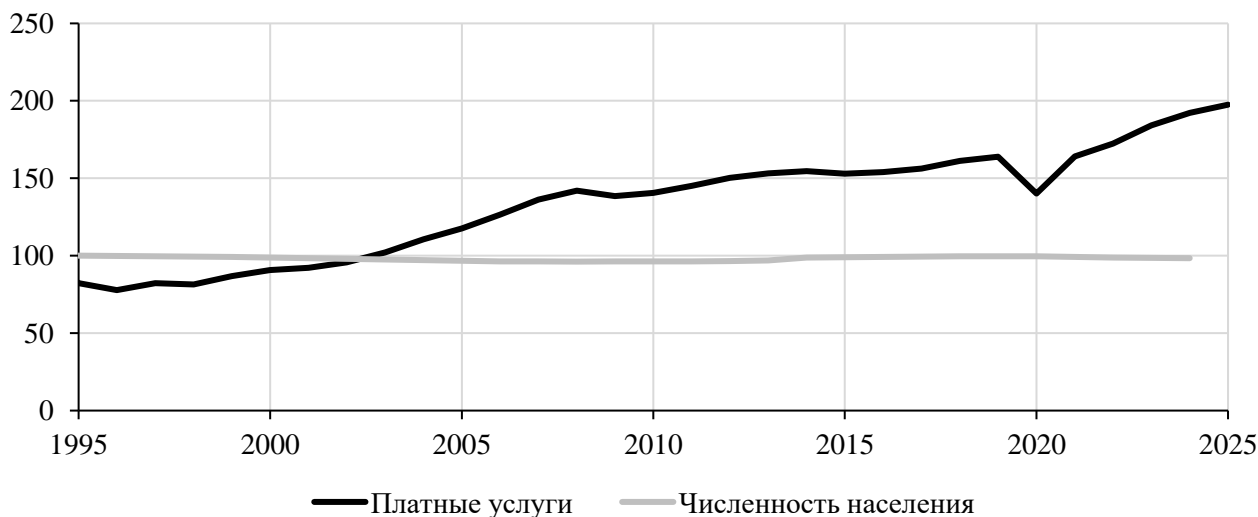

Рис. 1 – Накопленные темпы роста к уровню 1994 года, %

Для сопоставления динамики потребления услуг целесообразно обратиться к международному сравнению (рис. 2). На рисунке представлен накопленный рост потребления услуг населением в России [1, 2], США [4] и странах Европы [5] к уровню 2007 года. Следует отметить, что в международных сопоставлениях чаще используется показатель доли услуг в структуре ВВП. Однако данный показатель охватывает значительно более широкий круг услуг, включая услуги, сопровождающие коммерческую деятельность. В настоящем исследовании рассматривается именно потребление услуг населением, статистика по которому представлена в международных базах значительно более ограниченно. В связи с этим для сравнения используются данные по США и странам еврозоны. Как видно из представленного графика, во всех рассматриваемых экономиках наблюдается устойчивый восходящий тренд потребления услуг. Исключением является 2020 год, когда вследствие пандемии произошло резкое сокращение потребления услуг. При этом в странах еврозоны снижение оказалось менее выраженным, а последующие темпы роста в целом сопоставимы с доковидной динамикой. Более высокие темпы роста отмечаются в США и России. Начиная с 2023 года накопленный рост по-

требления услуг в России превышает соответствующий показатель для США. По итогам 2025 года прирост к уровню 2007 года составил около 45 % в России и около 39 % в США. Таким образом, динамика потребления услуг в России в последние годы характеризуется более высокими темпами роста по сравнению с рядом развитых экономик.

Помимо общей динамики важным элементом сравнения является доля услуг в структуре потребления (рис. 3). Несмотря на более высокие темпы роста, уровень развития сектора услуг в России остаётся ниже, чем в развитых экономиках. В данном случае картина для рассматриваемых стран существенно различается. На протяжении последних десятилетий в США доля услуг в структуре потребительских расходов стабильно находится в диапазоне 60–70 % [6]. Это свидетельствует о высокой доле услуг в структуре потребления. В России, напротив, доля услуг значительно ниже и не превышает 30 %, что указывает на более высокую роль потребления товаров [7]. В странах Европы доля услуг также ниже, чем в США, однако структура потребления является более сбалансированной [5]. При этом динамика данного показателя в рассматриваемых странах остается относительно устойчивой на протяжении длительного периода.

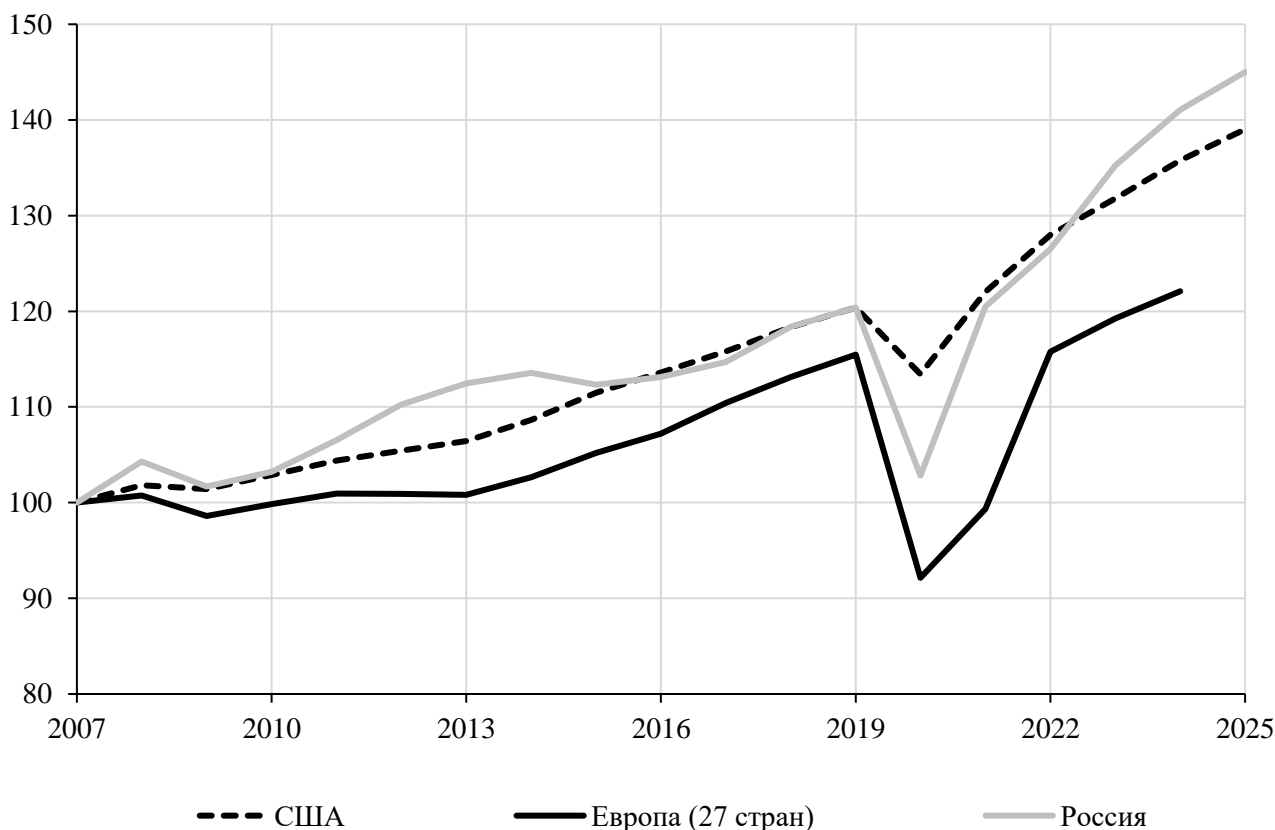

Рис. 2 – Накопленные темпы роста потребления услуг населением к уровню 2007 года, %

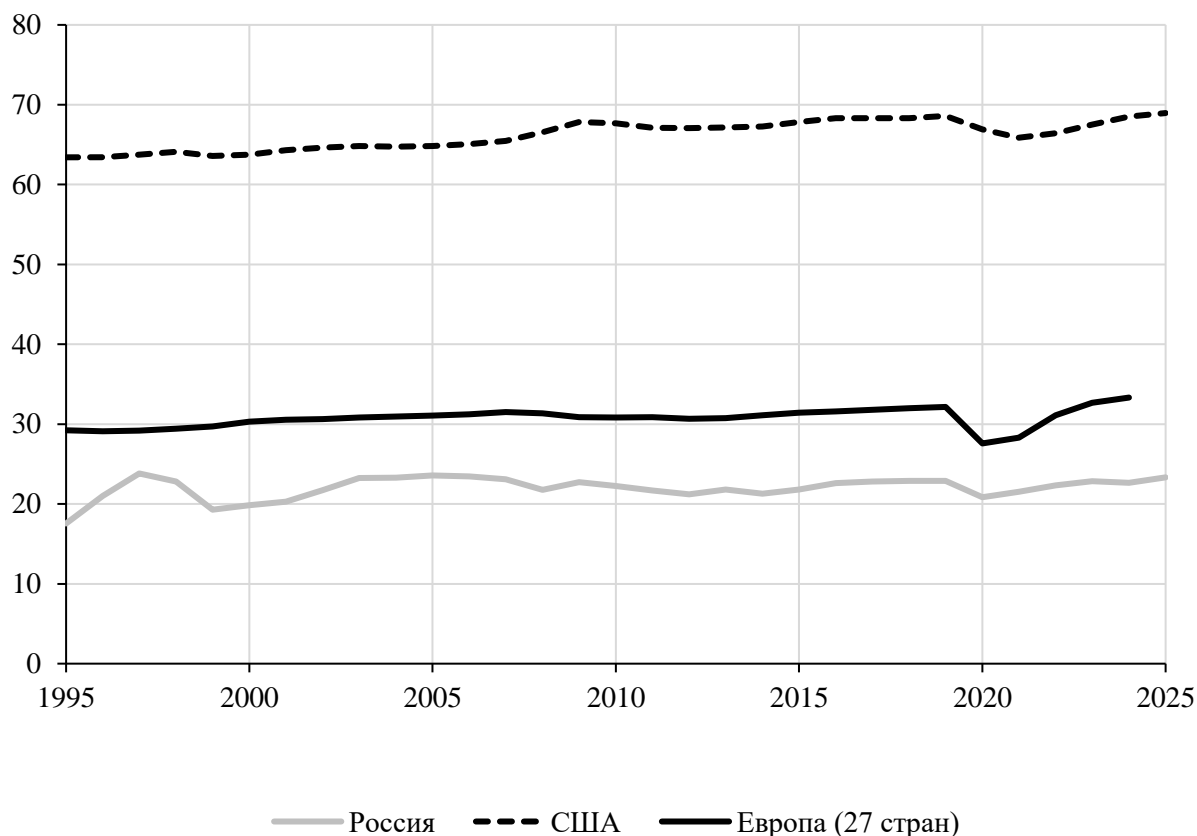
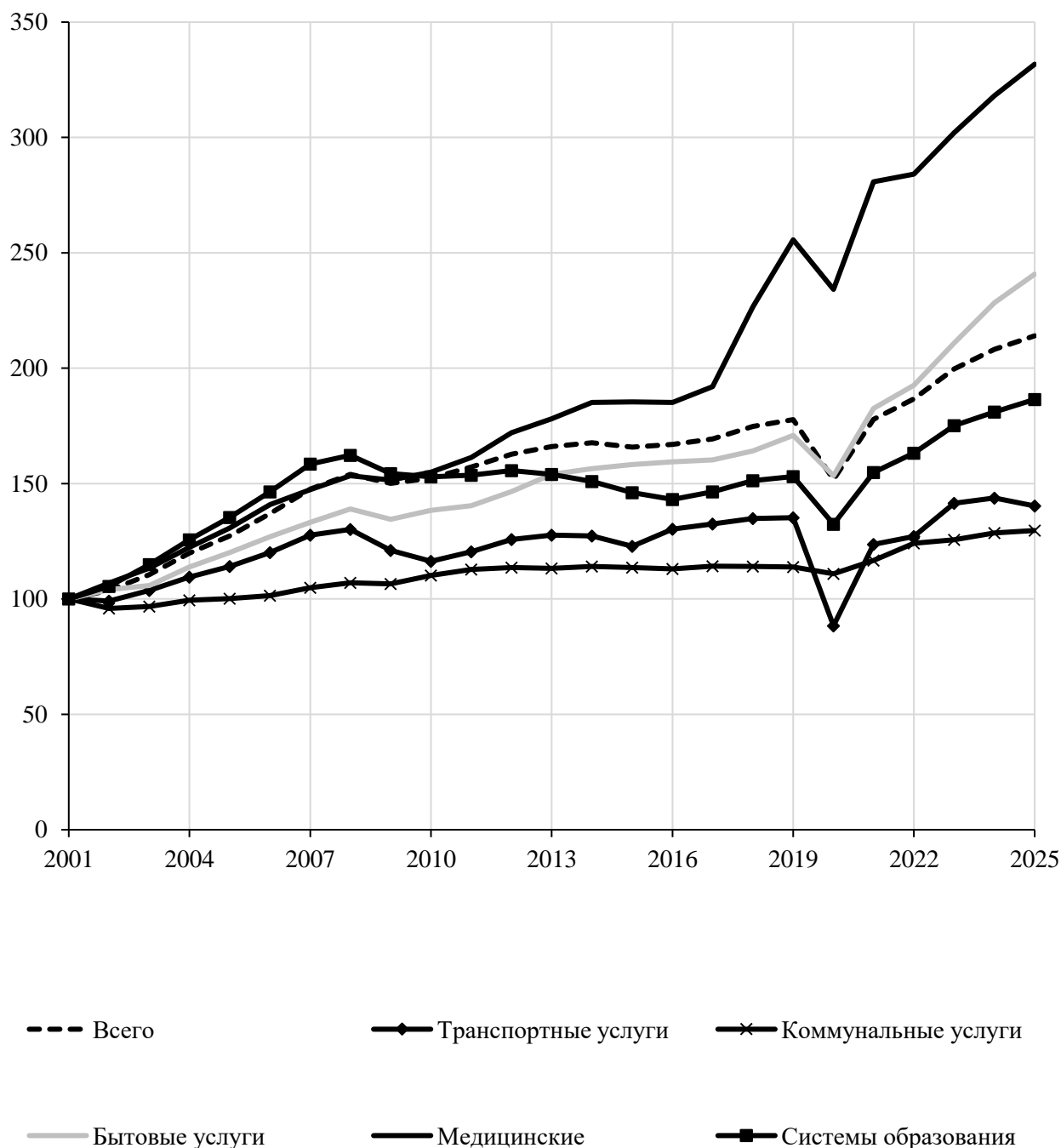

Рис. 3 – Доля услуг в структуре потребления, %

Это может свидетельствовать о сформировавшихся особенностях потребительского поведения населения, которые оказываются достаточно устойчивыми к экономическим колебаниям и структурным изменениям в экономике. Кроме того, сохранение относительно стабильной доли услуг при одновременном росте их потребления указывает на то, что увеличение расходов происходит не только в сегменте услуг, но и в потреблении в целом.

Анализ структуры и динамики основных видов платных услуг населению в России (рис. 4) позволяет выделить медицинские и бытовые услуги как ключевые драйверы роста. Рост медицинских услуг в последние годы во многом связан с изменением потребительского поведения населения, в том числе после пандемии. Повышенное внимание к вопросам здоровья привело к увеличению спроса на медицинские услуги, включая профилактические и диагностические процедуры. Медицинские услуги трансформируются из социального блага в полноценный сегмент сервисной экономики, где ключевыми драйверами становятся качество сервиса, цифровизация и поведенческие факторы спроса [8]. Другим значимым сегментом являются бытовые услуги. В их состав входит широкий спектр услуг, сопровождающих повсе-

дневную жизнь населения, включая ремонт жилья, обслуживание транспортных средств, услуги сферы красоты и другие виды услуг. Расширение данного сегмента отражает рост спроса на услуги, связанные с поддержанием и улучшением качества жизни. Менее выраженная динамика наблюдается в сфере образовательных услуг. Это может быть связано как с особенностями структуры спроса на образование, так и с относительно стабильным характером потребления данного вида услуг. В последние годы наблюдается замедление динамики транспортных услуг: их общий уровень остается близким к доковидным значениям 2019 года. Значительную роль в структуре данного сегмента занимают услуги пассажирских авиаперевозок, железнодорожного и другого пассажирского транспорта. Коммунальные услуги демонстрируют значительно более умеренные темпы роста по сравнению с другими видами услуг. Это связано как с их высокой степенью необходимости для населения, так и с регулированием тарифов со стороны государства. Более низкие темпы роста данного сегмента в сравнении с другими видами услуг позволяют предположить, что общее увеличение объема потребления услуг в рассматриваемый период позволяют предположить, что рост в значительной степени обеспечен рыночными услугами.

Рис. 4 – Накопленные темпы роста потребления видов услуг к уровню 2001 года, %

В качестве факторов для анализа динамики потребления платных услуг были выбраны ключевые социально-экономические показатели.

Доходы населения представлены реальными располагаемыми денежными доходами, отражающими средства, доступные населению после уплаты обязательных платежей. Предполагается, что доходы напрямую влияют на уровень потребления услуг, особенно тех, которые не являются первостепенными.

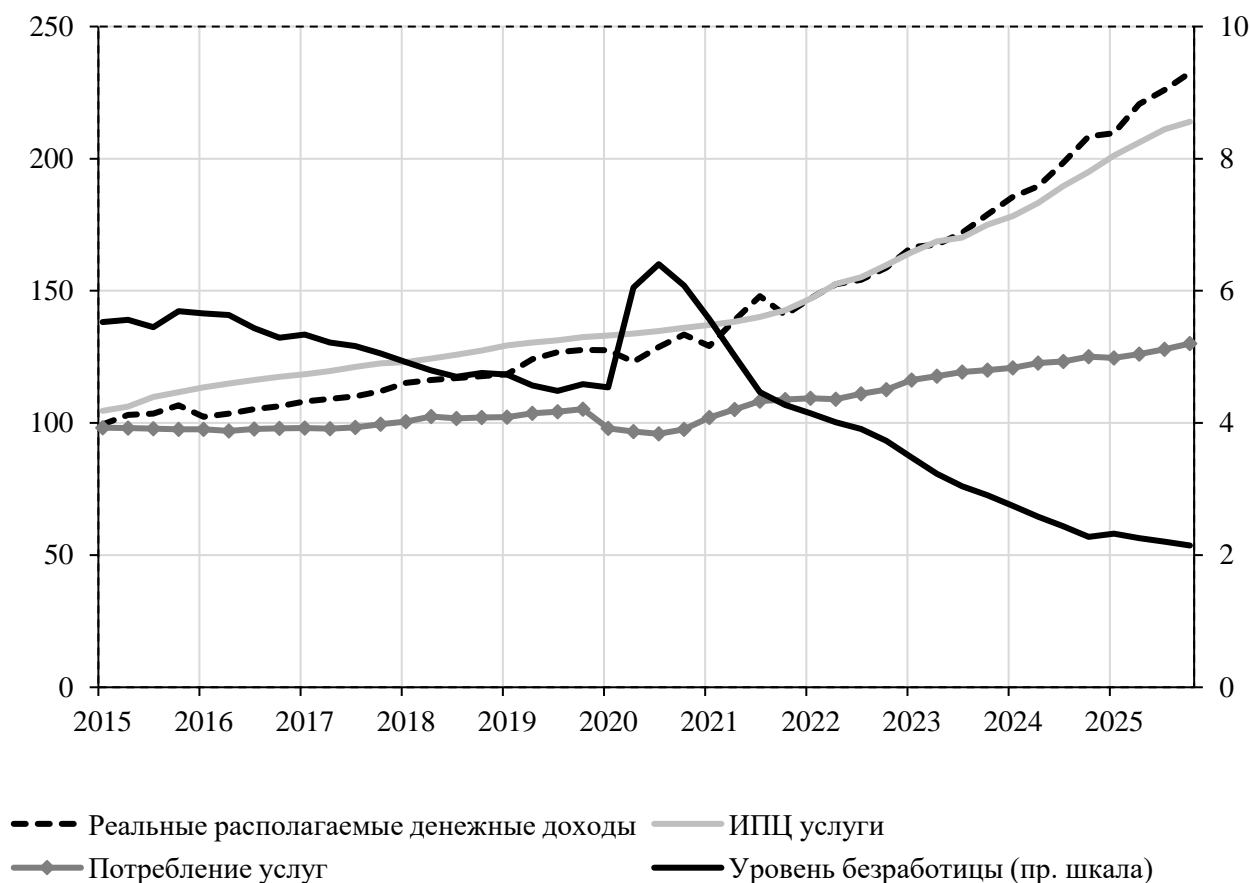
Ценовой фактор учитывается через индекс потребительских цен на услуги. Теоретически снижение темпов роста цен или их замедление может стимулировать потребление услуг за счёт увеличения покупательной способности.

Уровень безработицы рассматривается как индикатор экономической неопределённости и склонности к сбережению, что также может ограничивать спрос на услуги.

Выбор этих переменных обусловлен тем, что доходы отражают возможности потребления, цены – ограничения, связанные с покупательной способностью, а безработица – общую экономическую ситуацию и степень финансовой осторожности населения.

Рассматриваемый период охватывает квартальные данные с 2015 по 2025 год. На

рис. 5 представлен график накопленных темпов роста к первой точке датасета. На графике видно, что потребление услуг и реальные доходы населения в последние годы значительно выросли, а уровень безработицы демонстрирует заметный нисходящий тренд.

Рис. 5 – Накопленные темпы роста основных показателей к уровню 4 квартала 2014 года, для безработицы – уровень, %

В качестве зависимой переменной использовались квартальные темпы роста объема платных услуг населению на основе сезонно скорректированных данных (в модели – SERVICES). В качестве объясняющих переменных были включены темпы роста доходов (INCOME) [9], темпы роста цен на услуги (CPI) [10] и уровень безработицы (UNEMPLOYMENT) [11]. Для анализа применялась множественная регрессия.

На предварительном этапе данные корректировались на сезонность, а также были учтены экстремальные значения в период пандемии COVID-19 (2 и 3 кварталы 2020 года), чтобы исключить их влияние на результаты анализа.

Сначала была построена полная модель, включающая все выбранные факторы. На рис. 6 показаны результаты регрессии полной модели:

влияние доходов положительное, однако краткосрочные колебания цен и безработицы статистически незначимы, а их включение частично маскировало эффект доходов.

Рис. 7 показывает итоговую модель со значимыми факторами.

После упрощения модели до значимых факторов выяснилось, что основной движущей силой динамики платных услуг остаются доходы населения как текущие, так и с квартальной задержкой (рис. 7). Их суммарное влияние объясняет существенную часть колебаний услуг, тогда как краткосрочные изменения цен и уровня безработицы практически не оказывают влияния. Модель демонстрирует удовлетворительную объясняющую способность.

Dependent Variable: SERVICES
 Method: Least Squares
 Date: 03/18/26 Time: 14:29
 Sample: 2015Q1 2025Q4
 Included observations: 44

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
CPI	-0.202363	0.273811	-0.739061	0.4642
INCOME	0.151929	0.100507	1.511617	0.1385
UNEMPLOYMENT	-0.269078	0.241112	-1.115987	0.2711
C	106.8876	30.35010	3.521820	0.0011
R-squared	0.110266	Mean dependent var		100.6129
Adjusted R-squared	0.043536	S.D. dependent var		1.680558
S.E. of regression	1.643569	Akaike info criterion		3.918125
Sum squared resid	108.0527	Schwarz criterion		4.080324
Log likelihood	-82.19875	Hannan-Quinn criter.		3.978276
F-statistic	1.652419	Durbin-Watson stat		1.602115
Prob(F-statistic)	0.192624			

Рис. 6 – Результаты регрессионного анализа

Dependent Variable: SERVICES
 Method: Least Squares
 Date: 03/18/26 Time: 14:32
 Sample (adjusted): 2015Q2 2025Q4
 Included observations: 43 after adjustments

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
INCOME	0.204206	0.091831	2.223710	0.0319
INCOME(-1)	0.207451	0.090951	2.280916	0.0280
C	58.68570	14.39996	4.075408	0.0002
R-squared	0.175363	Mean dependent var		100.6700
Adjusted R-squared	0.134131	S.D. dependent var		1.656712
S.E. of regression	1.541605	Akaike info criterion		3.770739
Sum squared resid	95.06179	Schwarz criterion		3.893613
Log likelihood	-78.07089	Hannan-Quinn criter.		3.816051
F-statistic	4.253105	Durbin-Watson stat		1.765668
Prob(F-statistic)	0.021147			

Рис. 7 – Результаты регрессионного анализа (итоговый результат)

Регрессионный анализ также показал, что рост потребления услуг носит инерционный характер и характеризуется эффектом частичной коррекции: изменения в доходах отражаются в динамике услуг как в текущем, так и в следующем квартале.

Резюмируя, в период с 2022 по 2025 год потребление платных услуг в России продемонстрировало значительный рост. Такая динамика отмечается практически во всех видах услуг, особенно заметно в сегменте медицинских и бытовых услуг, что отражает изменения в потребительских приоритетах населения. Рынок услуг в России продолжает активно развиваться, однако

доля услуг в структуре потребления по-прежнему существенно ниже, чем в развитых странах, что указывает на существующий потенциал для дальнейшего роста.

Эконометрический анализ показал, что среди рассмотренных социально-экономических факторов доходы населения остаются ключевым драйвером роста потребления платных услуг, как текущие, так и с квартальной задержкой. Краткосрочные колебания цен на услуги и уровень безработицы на последних периодах не оказывают статистически значимого влияния, что говорит о стабильно растущем характере потребления услуг в современных условиях.

Таким образом, динамика платных услуг в России определяется прежде всего ростом доходов населения, а общая картина указывает на

устойчивый потенциал расширения рынка услуг в будущем.

Литература

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Индекс физического объема платных услуг населению (в сопоставимых ценах в % к предыдущему году) по 2016 г. URL: <https://fedstat.ru/indicator/40555> (дата обращения: 06.03.2026).
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Индекс физического объема платных услуг населению (в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году) с 2017 г. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58473> (дата обращения: 06.03.2026).
3. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Численность постоянного населения в среднем за год. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 06.03.2026).
4. U.S. Bureau of Economic Analysis. Real Personal Consumption Expenditures by Major Type of Product. URL: <https://www.bea.gov/itable/> (дата обращения: 06.03.2026).
5. Eurostat. Household final consumption expenditure by purpose (COICOP 2018). URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/main/data/database> (дата обращения: 06.03.2026).
6. Росстат. Доклад «Социально-экономическое положение России». URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 06.03.2026).
7. U.S. Bureau of Economic Analysis. Personal Consumption Expenditures by Major Type of Product. URL: <https://www.bea.gov/itable/> (дата обращения: 06.03.2026).
8. Субботина Т.Н., Безродных В.М. Развитие рынка платных медицинских услуг в России: перспективы и факторы роста // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. №. 12-2. С. 175-178. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-12-2-175-178. EDNI: FMQIFH.
9. Росстат. Реальные и реальные располагаемые денежные доходы населения по Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 06.03.2026).
10. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Индексы потребительских цен на товары и услуги. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31074> (дата обращения: 06.03.2026).
11. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Уровень безработицы (по методологии Международной организации труда) (оперативные данные). URL: <https://fedstat.ru/indicator/57341> (дата обращения: 06.03.2026).

References

1. Edinaya mezhvedomstvennaya informacionno-statisticheskaya sistema. Indeks fizicheskogo ob"ema platnyh uslug naseleniyu (v sopostavimyh cenah v % k predydushchemu godu) po 2016 g. Available at: <https://fedstat.ru/indicator/40555> (Accessed Date: 06.03.2026). (In Russ.)
2. Edinaya mezhvedomstvennaya informacionno-statisticheskaya sistema. Indeks fizicheskogo ob"ema platnyh uslug naseleniyu (v sopostavimyh cenah, v % k predydushchemu godu) s 2017 g. Available at: <https://fedstat.ru/indicator/58473> (Accessed Date: 06.03.2026). (In Russ.)
3. Edinaya mezhvedomstvennaya informacionno-statisticheskaya sistema. CHislennost' postoyannogo naseleniya v srEDNi:em za god. Available at: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (Accessed Date: 06.03.2026). (In Russ.)
4. U.S. Bureau of Economic Analysis. Real Personal Consumption Expenditures by Major Type of Product. Available at: <https://www.bea.gov/itable/> (Accessed Date: 06.03.2026).
5. Eurostat. Household final consumption expenditure by purpose (COICOP 2018). Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/main/data/database> (Accessed Date: 06.03.2026).
6. Rosstat. Doklad "Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii". Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (Accessed Date: 06.03.2026). (In Russ.)
7. U.S. Bureau of Economic Analysis. Personal Consumption Expenditures by Major Type of Product. Available at: <https://www.bea.gov/itable/> (Accessed Date: 06.03.2026).
8. Subbotina T.N., Bezrodnykh V.M. Development of the paid medical services market in Russia: prospects and growth factors. Economics and Business: Theory and Practice. 2022. No. 12-2. pp. 175-178. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-12-2-175-178. EDNI: FMQIFH. (In Russ.)
9. Rosstat. Real'nye i real'nye raspologaemye denezhnye dohody naseleniya po Rossijskoj Federacii. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (Accessed Date: 06.03.2026). (In Russ.)

10. Edinaya mezhdomstvennaya informacionno-statisticheskaya sistema. Indeksy potrebitel'skih cen na tovary i uslugi. Available at: <https://fedstat.ru/indicator/31074> (Accessed Date: 06.03.2026). (In Russ.)
11. Edinaya mezhdomstvennaya informacionno-statisticheskaya sistema. Uroven' bezroboticy (po metodologii Mezhdunarodnoj organizacii truda) (operativnye dannye). Available at: <https://fedstat.ru/indicator/57341> (Accessed Date: 06.03.2026). (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Сотников Данила Вячеславович** – аспирант кафедры бизнес-статистики и экономики, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: sotnikovdanila@gmail.com.

©**Аксянова Анна Владимировна** – доктор экономических наук, заведующий кафедры бизнес-статистики и экономики, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: axyanova-anna@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Sotnikov Danila Vyacheslavovich** – Postgraduate Student of the Department of Business Statistics and Economics, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: sotnikovdanila@gmail.com.

©**Aksyanova Anna Vladimirovna** – Doctor of Economic Sciences, The Head for the Department of Business Statistics and Economics, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: axyanova.anna@yandex.ru.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.4

DOI: 10.55421/2499992X_2026_2_37

Э. А. Зинуров

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ В ПОКОЛЕНЧЕСКОМ ФОРМАТЕ:
ФАКТОР КОНВЕРГЕНЦИИ

Ключевые слова: социальная активность, социальные действия, социальные представления, профессиональная активность, трудовая активность, профессиональное самоопределение, занятость, поколения молодежи.

Статья раскрывает концептуализацию понятия «социальная активность» российскими исследователями, виды проявления социальной активности, на основе эмпирических данных описаны проявления социальных действий в профессиональной и трудовой сферах деятельности как наиболее массовых для поколений молодежи. Показано, что виды социальной активности могут реализоваться в комбинации социальных действий, так как в социуме невозможно создать идеальные типы социального поведения, которыми обычно оперируют при концептуализации понятий. Исходя из интеракционистской и феноменологической логики построения авторской исследовательской программы, социальные действия в определенных видах активности представлены в сознании взаимодействующих акторов как образы – коллективные представления относительно социальных действий другой социальной группы. Методический вызов в данном случае заключался в том, что не всегда возможно зафиксировать конкретные социальные действия, составляющие вид социальной активности. Скажем, понятно, что к экономической активности можно отнести факт трудоустройства, выбор отраслевой принадлежности организации. И стереотипные представления о присутствии таких социальных действий тому или иному поколению относительно легко фиксируются. Гораздо сложнее получить информацию о более сложносоставных видах социальной активности, которые интегрируют в себе целые «букеты» социальных действий, причем в тесной связи как чисто поведенческого, так и мировоззренческого характера таковых. Статья демонстрирует причинно-следственные связи в процессе конвергенции профессиональной и трудовой активности двух поколений молодежи.

E. A. Zinurov

SOCIAL ACTIVITY IN A GENERATIONAL FORMAT:
THE CONVERGENCE FACTOR

Keywords: social activity, social actions, social perceptions, professional activity, labor activity, professional self-determination, employment, and youth generations.

The article reveals the conceptualization of the concept of “social activity” by Russian researchers, the types of social activity, and describes the manifestations of social actions in the professional and labor spheres as the most widespread among young generations based on empirical data. It is shown that the types of social activity can be realized in a combination of social actions, as it is impossible to create ideal types of social behavior in society, which are usually used in the conceptualization of concepts. Based on the interactionist and phenomenological logic of the author's research program, social actions in certain types of activity are represented in the minds of interacting actors as images – collective representations of the social actions of another social group. The methodological challenge in this case was that it is not always possible to fix specific social actions that constitute a type of social activity. For example, it is clear that economic activity includes the fact of employment and the choice of an organization's industry affiliation. It is relatively easy to fix stereotypical ideas about the inherent nature of such social actions in one generation or another. However, it is much more difficult to obtain information about more complex forms of social activity that integrate a wide range of social actions, both in terms of behavior and worldview. This article explores the causal relationships between the professional and work activities of two generations of young people.

Социальная активность поколений современного российского общества включает в себя разнообразные виды ее проявления. В наиболее общем виде под социальной активностью понимается сознательная деятельность личности и социальных групп, направленная на участие в социальных процессах и на изменение окружающих социальных условий. Социальная активность может осуществляться как индивидуальные действия людей, а также коллективные действия социальных групп. Социальная активность инициируется интересами и возможностями субъектов социальных действий. Наиболее массовыми для поколений молодежи являются проявления социальной активности в профессиональной и трудовой сферах деятельности.

При этом виды социальной активности могут реализоваться в комбинации социальных действий, так как в социуме невозможно создать идеальные типы социального поведения, которыми обычно оперируют при концептуализации понятий. При изучении реальных социальных процессов для эмпирического исследования проводится операционализация понятий. Исходя из интеракционистской и феноменологической логики построения исследовательской программы, которой придерживается автор, сама социальная активность и составляющие ее действия не могут интерпретироваться непосредственно, как скажем движение физического тела из точки А в точку Б. Они представлены в сознании взаимодействующих акторов как образы, трактуемые в диссертации как коллективные представления относительно социальных действий другой социальной группы – это идеи, чувства, убеждения, традиции, верования, мнения, моральные суждения, которые разделяются членами группы и влияют на восприятие и оценку социальных действий другой группы. Коллективные представления выполняют и идентифицирующую функцию, задающую осознание как своей принадлежности к группе, так и «приписывание» других людей к определенным группам (в том числе и поколенческим), через «привязку» к ним типичных (по мнению оценивающего) видов социальной активности и составляющих ее действий. Такие образы социальных действий других, т. е. коллективные представления – устойчивы и даже стереотипированы. Методический вызов в данном случае заключался в том, что не всегда возможно зафиксировать конкретное социальное действие, составляющее вид социальной активности. Скажем, понятно, что к экономической активности можно отнести факт трудоустройства, выбор отраслевой принадлежности организации. И стереотипные представления о присутствии таких

социальных действий тому или иному поколению относительно легко фиксируются. Гораздо сложнее получить информацию о более сложносоставных видах социальной активности, которые интегрируют в себе целые «букеты» социальных действий, причем в тесной связи как чисто поведенческого, так и мировоззренческого характера таковых.

Социальная активность в большинстве исследований рассматривается во взаимосвязи с социумом, посредством которой субъект познает, преобразует социальную реальность и самого себя. «Социальной может быть признана лишь та активность, которая способствует общественному прогрессу, ориентирована на положительные общественные ценности, наполняющие жизнь человека высоким смыслом» [1].

Социальная активность – это мера включенности личности в систему общественных отношений, показатель ее участия во всех видах общественной деятельности. Социальная активность – готовность личности к деятельности, которая проявляется в соответствующих актах поведения и представляет собой целенаправленную творческую социальную деятельность, преобразующую объективную действительность и саму личность [2]. В более узком смысле социальная активность, как ее раскрывает А. П. Петров, понимается как «социальная мера проявления интенсивности деятельности, направленной на совершенствование общественного развития» [3].

Следующие определения во многом развивают общее понимание названной категории (Е. В. Власова, Т. Н. Мальковская, М. Д. Лебедев и др.): социальная активность – «сознательная, целенаправленная деятельность человека, ориентированная как на преобразование социальных условий, так и на формирование социальных качеств собственной личности (активной жизненной позиции)» [4].

Социологи Е. А. Якуба и А. А. Кратко считают, что «социальная активность – это системное социальное качество личности, в котором выражается и реализуется уровень ее социальности, то есть глубина и полнота связей с социумом, уровень преобразования личности в субъект общественных отношений» [5, с. 46]. Еще один из авторов А. Г. Ковалев утверждает, что «неравнодушие ко всему, что происходит вокруг, заинтересованность событиями не только рядом, в коллективе, но и поселке, городе, деревне, и стране, во всем мире, неравнодушие, сказывающееся во всем поведении личности в ее труде, опыте, в общественной работе и в отношениях с друзьями, – это и есть социальная активность. Когда говорят об активности

личности, то имеют в виду меру участия в общественно-трудовой жизни» [6, с. 75].

Близким к данному подходу является определение одного из современных авторов – Н. В. Пилипчевской. По ее мнению, «социальная активность – сложное интегрированное качество личности, проявляющееся в инициативной, направленной, социально значимой деятельности и готовности действовать в интересах социальной общности» [7, с. 18]. По определению С. Л. Комаровой, «социальная активность – это системное образование, которое характеризуется проявлением интенсивности освоения совокупности, предоставляемых обществом потенциальных возможностей для достойной жизнедеятельности и участия человека в развитии общества» [8, с. 11]. Д. А. Леонтьев добавляет, что «для того, чтобы почувствовать способность активно влиять на ситуацию, человек должен постоянно взаимодействовать с миром, формируя свою жизненную позицию, свои жизненные смыслы» [9, с. 109]. А. А. Баранов отмечает, что именно «во взаимодействии человек начинает ощущать себя как часть реального мира, оценивать свои силы и активизировать свой социальный потенциал» [10, с. 183].

Таким образом, социальная активность всегда проявляется в конкретном виде деятельности во всех сферах жизнедеятельности общества. Соответственно, социальную активность личности можно подразделить на виды ее проявления в социальных действиях. С. В. Тетерский выделяет следующие уровни социальных инициатив и, соответственно, социальной активности: «человек-человек (благотворительный уровень), человек-природа (экологический уровень), человек-производство (социально-экономический уровень), человек-общество (культурный и информационный уровень), человек-государство (социально-политический уровень)» [10].

Основные виды социальной активности могут подразделяться на подвиды. В отдельных сферах жизни личность может проявлять большую социальную активность, чем в других. Причем все они существуют не просто как отдельные и тем более обособленные виды активности, а как проявления этого целостного интегрального качества в различных видах деятельности.

Так, проявления профессиональной и трудовой активности невозможно представить в автономии друг от друга. Между ними существует устойчивая причинно-следственная связь. Рассмотрим какую роль играет профессиональное образование в дальнейшем выборе

профессии, трудоустройстве и проблемных зонах, связанных с занятостью молодежи в социально-экономической структуре Республики Татарстан.

Трудоспособное население Республики Татарстан по открытым данным 2024 года составляет 2296031 человек, к которым относятся мужчины в возрасте 16-62 года и женщины в возрасте 16-57 человек. К трудоспособной молодежи относятся лица в возрасте от 14 до 35 лет включительно (закреплено законодательно), составляющие 1353672 человека (59 % трудоспособного населения). Эта социальная группа, активно ищущая свое место в жизни, проходит этап профессионального становления, требующий социальной поддержки, создания рабочих мест и адаптации к рынку труда.

Молодежь представляет собой основной трудовой потенциал, занятый в различных отраслях, включая промышленность, а также активный пользователь сервисов подработки. Уровень занятости молодежи в России, по прогнозам, достигнет 50 % к 2029 году (данные по Российской Федерации в целом). Поэтому автор считает, что данный вид социальной активности требует сфокусированного исследования. Молодежь характеризуется высоким уровнем социальной мобильности и необходимостью освоения новых профессиональных ролей. Среди проблем отмечаются сложности с трудоустройством, высокая безработица в отдельных группах, необходимость адаптации к требованиям работодателей.

По данным Росстата на начало 2025 года, каждый пятый россиянин в возрасте 20-24 лет не может найти работу, что в сравнении с другими поколениями почти в три раза превышает общий уровень безработицы по стране. Государственная молодежная политика направлена на обеспечение благоприятных условий для развития, социализации и трудоустройства молодежи.

По данным Росстата, молодежь в возрасте 15-29 лет составляет 24,3 % от всего занятого и 42 % от безработного населения России. Идентичны показатели и по Республике Татарстан: 26,1 % от занятого и 40,7 % от безработного населения составляют молодые люди в возрасте 15-29 лет. Таким образом, среди зарегистрированных безработных почти половина – молодежь. Одной из наиболее распространенных причин невостребованности молодых специалистов является несоответствие между полученной в учебном заведении профессией (специальностью) и структурой спроса экономики на рабочую силу. В центрах занятости населения помощь в профессиональ-

ной ориентации получили более 74 тыс. человек, из них около 47 тыс. – молодежь в возрасте до 29 лет.

В республике Татарстан по данным на 2025 год. 25 головных вузов (15 государственных и 10 негосударственных), а также 19 филиалов. Общее число студентов – 143,9 тыс. человек, из них около 16,3 тыс. – иностранные студенты. В 96 средних профессиональных образовательных организациях обучается 71,1 тыс. студентов, в том числе квалифицированных рабочих (служащих) – около 12,5 тыс. человек.

В 2025 году увеличился процент сдающих ЕГЭ по информатике, физике, химии и географии. Наблюдалось снижение количества сдающих по обществознанию, биологии, английскому языку, немецкому языку, истории, литературе, французскому языку и китайскому языку.

По данным Министерства образования и науки РТ, самые массовые направления подготовки представляют машиностроение, сельское хозяйство, технику и технологии наземного транспорта, строительство, экономику и управление, энергетику, педагогические науки, технологию продовольственных продуктов и потребительских товаров, специальности нефтяной и нефтехимической отрасли. Татарстан в числе 14 регионов вошел в проект по развитию центров опережающей профессиональной подготовки (ЦОПП). Центры появятся в рамках национального проекта «Образование», они будут ориентированы на развитие системы профессионального образования и молодежи, и граждан предпенсионного возраста и пенсионеров.

Мировые тенденции в образовании и на рынке труда диктуют необходимость развития надпрофессиональных и междисциплинарных навыков. Универсальные компетенции призваны уйти от институциональной обособленности и стать ключевыми компетенциями, на основании которых выстраивается жизненный путь молодого человека и профессиональная траектория. К метакомпетенциям относится группа компетенций саморазвития, саморегулирования и самоорганизации, открытости новому опыту, способность ответственно выстраивать собственную профессиональную и образовательную траекторию, предприимчивость и инициативность.

Концепция «Человеческий капитал 2.0» создает предпосылки для формирования группы компетенций, благодаря которым человек становится открытым к восприятию инновационных видов действия, способен изменять «устаревшие рутины и институты», действовать в условиях обновляющихся технологий и

открывающихся экономических стимулов, ориентироваться в своих действиях на этические принципы общего блага. Деятельность молодежи по созданию индивидуального профессионального проекта включает: создание открытой онлайн-платформы как многофункциональных центров коммуникаций и сотрудничества для проявления инициатив молодежи, размещение онлайн-курсов и образовательных программ, создание новой инфраструктуры по типу центров «Сириус» и «Артек»; разработку индивидуальных образовательных программ на основе цифровизации образовательного процесса и создания онлайн-платформы для включения сектора малого и среднего бизнеса, негосударственных учреждений в проект (например, для предпринимателей «Фонд поддержки предпринимательства»).

Согласно федеральному проекту «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» вузы Татарстана берутся увеличить количество выпускников системы профессионального образования с ключевыми компетенциями цифровой экономики в 3,5 раза. При подготовке по специальным дисциплинам студенты вузов помимо компетенций, предусмотренных образовательным стандартом, получают дополнительные компетенции, связанные с разработкой и применением современных цифровых технологий организации и управления производством, использованием систем инженерного анализа и виртуального инжиниринга. Эти компетенции необходимы для работы на предприятиях высокотехнологичных отраслей промышленности.

В современном мире существует необходимость совершенствовать навыки и компетенции в течение всей жизни, то есть включиться в систему непрерывного образования. Оно реализуется в виде формального (в рамках образовательных учреждений), неформального (в рамках зарегистрированных курсов и кружков, ассоциаций и союзов, публично объявленных образовательных программ без цели аттестацию учащихся), информального образования (в изменчивых формах поиска и получения информации, слабо проявляющихся в публичном пространстве, в том числе самостоятельное обучение и дообучение с учетом потребностей профессии).

Самообразование становится частью непрерывного образования. Современные молодые люди мотивированы самообразовываться, в социальных сетях существует множество курсов по формированию новых практических навыков. Онлайн-платформы предлагают

образовательные краткосрочные курсы с получением сертификатов. В последние годы наблюдается интересная тенденция – появились неакадемические и неуниверситетские площадки для публичных лекций на серьезные научные темы для самой широкой аудитории. Лидером в данном движении выступает ЦСК «Смена». Инициативная группа «Думай!» проводит в Казани масштабные некоммерческие мероприятия, направленные на популяризацию научного знания и критического мышления. Открытые лекции проводятся и в высших учебных заведениях Республики Татарстан.

На реализацию программы переподготовки и стажировки в ведущих отечественных и зарубежных научно-образовательных центрах «Алгарыш» ежегодно направляется до 100 млн рублей. Положительно зарекомендовали себя молодежные конкурсы «Кадровый резерв», «Вверх», инновационные форумы молодежи, которые стали действенными площадками для выявления и поддержки одаренной молодежи. Кроме того, благодаря усилиям педагогов-наставников и детей оформился пул знаковых мероприятий в качестве комфортной среды для развития творческого потенциала. В частности, идея форума «Сэлэт» заключается в создании развивающей среды, объединяющей творческую интеллектуально-ориентированную молодежь, заинтересованную в духовном и культурном общении.

В качестве альтернативных форм образования перспективен ресурс организаций круглогодичного функционирования стационарного типа, позволяющий проводить профильные смены для молодежи с разными запросами в профессиональной деятельности. Республиканские профильные программы реализуются в рамках деятельности Министерства по делам молодежи РТ. Реализуются социально-педагогические, физкультурно-спортивные, гражданско-патриотические, технические, информационно-технологические и художественные программы. В качестве примера можно привести программы «Движение», «Калейдоскоп», «Молодые профессионалы», «Dance your soul camp», «Миллэтэбез хэзинэлэре», «Дни татарской молодежи», «Иделем акчарлагы», «Форпост», «Территория Мы», Школа олимпиадной подготовки «Сэлэт-Олимп», «От знака ГТО – к Олимпийским медалям», «Киношкола Фокус», «Республиканская профильная смена поисковых отрядов», Профильная смена начинающих программистов «Юные компьютерщики», «Робот, на старт!» и др.

Универсальные компетенции включают категорию лидерских качеств. Навыки самостоятельности и инициативы формируются через коллективное творчество, деятельность общественных организаций, добровольчество и волонтерство. В Республике Татарстан сформированы условия для системного развития и поддержки добровольчества, республика является победителем всероссийского конкурса «Регион добрых дел». Действуют свыше 900 добровольческих объединений с численностью 46 900 молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, из них 660 – добровольческие объединения на базе школ, 117 объединений на базе вузов, 76 на базе ссузов. В Татарстане организована работа по созданию информационно-ресурсного центра добровольчества, проводятся очные и дистанционные образовательные программы, и обучающие мероприятия для волонтеров и волонтерских организаций. 15 октября 2019 года прошел итоговый образовательный форум «Волонтеры Победы – 75-й шаг». В 2019 году к Чемпионату мира по рабочим специальностям World Skills подготовлены и задействованы 3,5 тысячи волонтеров со всей страны. В 2020 году планируется развитие добровольчества в рамках федерального проекта «Социальная активность», который вошел в нацпроект «Образование» по итогам майских указов президента. В Татарстане реализуется проект «Личная книжка волонтера», которая является важным инструментом мотивации (волонтерский опыт учитывается вузами при приеме студентов в дополнительные 10 баллов). Развитие добровольчества через корпоративное волонтерство реализуется в проекте «Добрая Казань». Его суть состоит в организации взаимодействия нуждающихся в помощи с теми, кто может помощь оказать. Проект «Я – ДоброТворец» объединяет талантливую и неравнодушную молодежь для творческой помощи социальным учреждениям. В 2018 году КНИТУ совместно с АНО «Казанский открытый Университет Талантов» и Открытым университетом Сколково прошло мероприятие «Школа наставников». В настоящее время наставничество и система дополнительного образования взаимодействуют в деятельности Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов, Центра разработки и коммерциализации новых технологий, кружковое движение, Всероссийские многопрофильные инженерные соревнования для команд школьников, сеть фестивалей технического творчества, организацию цифровой платформы управления талантами, деятельность проектных школ «Практики будущего». Актуальна система

внутрикорпоративного образования (проведение мастер-классов, тренинги). На предприятиях создаются советы молодых специалистов, призванные не только отстаивать интересы работающей молодежи, но и привлекать к рационализаторской и изобретательской работе перспективных студентов и выпускников вузов, проявивших способности к научно-исследовательской деятельности.

Подготовка к трудовой активности предполагает этап профессионального самоопределения молодежи Республики Татарстан. Профориентация – процесс сложный, многоступенчатый, затрагивающий все уровни образования. Его этапы включают первую примерку к профессии, мотивированный выбор профессии после окончания вуза и трудоустройство по специальности диплома.

При этом можно отметить тот факт, что выпускники выбирают весь спектр дисциплин из числа предметов по выбору, в том числе общественные и гуманитарные дисциплины. В обществе существует полемика о доступности получения образования и профессиональном самоопределении молодых людей. Спорными считаются вопросы равенства образовательных возможностей для всех групп молодежи. В научных источниках актуальной становится тема преодоления барьеров в получении образования, первым из которых являются результаты Единого государственного экзамена. Когда речь идет о доступности получения высшего образования, ЕГЭ часто называют критерием выравнивания прав молодых людей на получение достойного образования. Предполагается, что выпускник средней школы может поступить в любое высшее учебное заведение страны. Однако на пути к качественному образованию встают социокультурный и территориальный барьеры.

Большинству жителей мегаполисов и районных центров доступно качественное образование, молодые люди обладают правом на выбор профессиональной траектории. Шансы молодого человека, проживающего на селе, стремятся к нулю, если при выборе образовательного учреждения они ориентируются на близость к дому. Отметим, что для тех, кто обучается на территории Российской Федерации обеспечивается справедливость и равенство шансов. Отъезд стобалльников для учебы в другие регионы очевидно грозит потерями для республики.

Родители, чьи доходы выше среднего, предпочитают при подготовке к ЕГЭ индивидуальные занятия с профессионалом, они могут позволить себе обучать детей в частных образовательных учреждениях. Дети, чьи родители вовлечены в систему интеллектуального труда,

также нацелены на получение качественного высшего образования, их семьи готовы нести дополнительные финансовые расходы. К экономическому барьеру относится платность высшего образования. При получении высшего образования выделяют явное и латентное неравенство. Явные экономические барьеры – доходы семьи и ее возможности оплачивать высшее образование детей. Величина прожиточного минимума в Татарстане за 2025 год составила 16430 рублей в расчете на душу населения.

Получение достойного образования, не имея ресурса выехать с места проживания, повышает значение онлайн-образования (онлайн курсов, обучение на онлайн-платформе, дистанционные формы образования), онлайн-образовательных маршрутов. Практика показывает, что информатизация образования способствует уменьшению неравенства в получении качественного образования. Продвижение услуг службы занятости населения реализуется при помощи различных популярных среди молодежи социальных сетей и интернет-порталов. Приоритетом в трудоустройстве и профориентационных мероприятиях обладают Центры занятости населения республики.

Создание профессиональной пробы – новая технология в системе профориентационной работы по инновационным профессиям или профессиям будущего, на базе предприятий или технопарков. Технология профессиональной пробы создаст соответствующий механизм – от выявления способностей до реализации их в какой-либо форме по специальности, создание собственного бизнеса, развитие индивидуальной научной, творческой или спортивной карьеры.

Встраивание молодежи в производственные, предпринимательские и продуктивные социальные практики в процессе получения образования способствует формированию универсальной компетенции – компетенции выбора как способности действовать инициативно, трансформируя профессиональную среду. Профориентационный проект основывается на анализе изменений рынка труда, включает группы новых профессий (проект «Атлас новых профессий»), технологии профессионального самоопределения и формирование мета-компетенций вне формального образования.

В рамках профориентационных мероприятий работает программа студенческих отрядов (см. таблицу), предоставляющих возможность углубления профессиональных компетенций будущих молодых специалистов.

Таблица – Деятельность профильных студенческих отрядов в отраслях экономики Республики Татарстан

Профиль отряда	Доля, в %
Строительство	22,0 %
Оздоровительные лагеря	14,6 %
Сельское хозяйство	4,2 %
Транспортные перевозки	2,8 %
Сервис	23,4 %
Дорожное строительство	0,8 %
Медицина	1,2 %
Лесное хозяйство	0,8 %
Восстановление памятников	1,1 %

Получение образования является основной накопления человеческого капитала. Профорентация – механизм для реализации профессиональной траектории. Для молодого человека путь в образовании и путь в профессии одинаково самоценны, а образовательная и профессиональная траектории оказываются расположенными рядом как в ценностных ориентациях, так и в социальной практике. Профорентационные мероприятия призваны стать продуманным алгоритмом действий, включающим мировые, российские и региональные тренды, новые технологии.

Результаты социологических опросов показывают, что талантливая молодежь Республики Татарстан предпочитает вузы в Казани, это 54 %, в одном из городов Республики – 12 %, Москву выбирают 11 %, Санкт-Петербург – 10 %. Планируют учиться за рубежом 13 % выпускников. При этом за последние шесть лет наблюдений ценность Москвы неуклонно падает, а ценность Петербурга и отъезда за границу только растет. Москва перестает котироваться и в глазах казанской молодежи. Разумеется, важно не удерживать молодежь в республике запретами и силой, а заниматься ее возвратом. Отток талантливой молодежи и потеря человеческого капитала могут тормозить развитие любого региона. Сегодня в Республике Татарстан научились выявлять и развивать таланты, но ежегодно из Татарстана уезжают несколько сотен лучших абитуриентов, в том числе почти 50 % из числа «стобалльников». В целом миграция молодежи в Татарстане носит характерные для всей России центростремительные тенденции. Крупнейшим центром, стягивающим молодежь, является столица. Теряют молодежь все нестоличные города, однако некоторым удается компенсировать это за счет внешнего притока. Выяснилось, что 28 % опрошенных в Казани и 37 % в Набережных Челнах заявили о намерении покинуть свои населенные пункты (моло-

дежь в возрасте 18-30 лет). Отметим, что у молодежи до 25 лет идентичность и связь с Казанью гораздо выше, чем с Татарстаном. Появление связи с республикой наблюдается только к 30 годам, отчего молодежь в республике чаще всего считает себя ответственной не по отношению к Татарстану, а к своему населенному пункту.

Причины оттока молодежи из села в город, на наш взгляд, следующие: отъезд в мегаполисы на место учебы, отсутствие дистанционных форм получения квалификации и возможности построить профессиональную карьеру на селе. Возможности получить дополнительные навыки, связанные ведением собственного дела в сельских поселениях также слабо реализованы, сказывается и отсутствие на селе профессиональных кластеров, включающих предприятия малого и среднего бизнеса. Результаты исследования, проведенные по инициативе Университета талантов, показали, что на первом месте среди мер поддержки, необходимых для развития талантов, стоит финансовая (22 %), на втором месте запрос на наставника (15 %), а каждый десятый молодой человек желает получить поддержку родителей. В качестве положительного примера работы с молодежью можно привести создание центров креативного пространства во многих вузах – по образцу Резиденции креативных индустрий «Штаб». Такие мини-«штабы» созданы в КФУ, в КНИТУ-КАИ, в КГАСУ, в Набережночелнинском госуниверситете и других вузах республики. Таким образом, необходимо повышать уровень конкурентоспособности и престижность обучения в Казани. Не менее важно продолжать сотрудничество с молодежью из Татарстана, которая учится в признанных мировых центрах, предлагая ей привлекательные места работы, карьерные траектории. Эффективность работы с одаренными детьми должна оцениваться с позиций их последующей профессиональной самореализации.

Иначе есть риск, что сил и ресурсов будет вложено много, а результаты будут получены в лучшем случае за пределами региона или страны.

В России реализуется ряд государственных инициатив, направленных на снижение уровня безработицы среди молодых людей. На федеральном уровне действуют масштабные программы, которые дополняются региональными проектами с учетом специфики местных рынков труда. Флагманским проектом можно считать федеральную программу «Первое рабочее место», запущенную в 2023 году. Программа «Содействие занятости молодежи» в рамках национального проекта «Демография» предусматривает бесплатное обучение цифровым

навыкам и актуальным профессиям, персональное карьерное консультирование, стимулирование предпринимательской активности молодежи. Проект «Профстажировки 2.0», позволяет студентам на платформе выполнять научные работы по заказу компаний с перспективой дальнейшего трудоустройства. В 2025 году на платформе представлено 6500 кейсов от 1970 компаний-работодателей.

Свою роль играют и поколенческие особенности. Младшее поколение зет демонстрирует иные приоритеты в отношении карьеры и работы, чем их предшественники. Для них важнее баланс работы и личной жизни, социальная миссия своего труда и возможности для саморазвития, чем стабильность и высокий доход.

Литература

1. Ануфриев Е.А. Социальный статус и активность личности: личность как объект и субъект социальных отношений. Москва: Изд-во Московского университета, 1984. 285 с.
2. Гончарова Н.В., Поповкина О.П. Социальная активность личности: теоретический аспект в научной литературе // Евразийский союз ученых. 2019. № 4-5 (61). С. 17-19. EDNI: HGXWGV.
3. Мухина Т.К. Сущность социальной активности личности // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 1 (127). С. 1-4. DOI: 10.23670/IRJ.2023.127.134. EDNI: MHVRHY.
4. Каргаполова Ю.В. Теоретический анализ основных подходов к определению понятия «социальная активность» // Молодой ученый. 2014. № 21 (80). С. 575-577. EDNI: TCVBRT.
5. Кратко А.А., Якуба Е.А. Социология. Харьков: Изд-во Константа, 1996. 192 с.
6. Мясичев В.Н. Психология отношений. Москва: Статус, 1995. 217 с.
7. Пилипчевская Н.В. Изучение социальной активности студентов педагогического вуза: теория и практика // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. № 2 (76). С. 15-19. EDNI: JWKUOT.
8. Комарова С.Л. Оптимизация отношений субъектов политической деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2002. 29 с.
9. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Москва: Изд-во Смысл, 2007, 513 с.
10. Баранов А.А. Стресс-толерантность педагога: теория и практика. Москва: Изд-во Ижевск, 2002. 422 с.

References

1. Anufriev E.A. Social'nyj status i aktivnost' lichnosti: lichnost' kak ob"ekt i sub"ekt social'nyh otnoshenij. Moscow: Publishing House of the Moscow University, 1984. 285 p. (In Russ.)
2. Goncharova N.V., Popovkina O.P. Social'naya aktivnost' lichnosti: teoreticheskij aspekt v nauchnoj literature. Evrazijskij soyuz uchenyh. 2019. № 4-5 (61). pp. 17-19. EDNI: HGXWGV. (In Russ.)
3. Mukhina T.K. The essence of individual social activity. International Research Journal. 2023. No. 1 (127). pp. 1-4. DOI: 10.23670/IRJ.2023.127.134. EDNI: MHVRHY. (In Russ.)
4. Kargapolova Yu.V. Teoreticheskij analiz osnovnyh podhodov k opredeleniyu ponyatiya "social'naya aktivnost'". Molodoj uchenyj. 2014. No. 21 (80). pp. 575-577. EDNI: TCVBRT. (In Russ.)
5. Briefly A.A., Yakuba E.A. Sociologiya. Kharkiv: Constant Publishing House, 1996. 192 p. (In Russ.)
6. Myasishchev V.N. Psihologiya otnoshenij. Moscow: Status, 1995. 217 p. (In Russ.)
7. Pilipchevskaya N.V. Izuchenie social'noj aktivnosti studentov pedagogicheskogo vuza: teoriya i praktika. Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2008. No 2 (76). pp. 15-19. EDNI: JWKUOT. (In Russ.)
8. Komarova S.L. Optimizaciya otnoshenij sub"ektov politicheskoy deyatelnosti: avtoref. dis. ... kand. psi-hol. nauk. Moscow, 2002. 29 p. (In Russ.)
9. Leontiev D.A. Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. Moscow: Smysl Publishing House, 2007, 513 p. (In Russ.)

10. Baranov A.A. Stress-tolerantnost' pedagoga: teoriya i praktika. Moscow: Izhevsk Publishing House, 2002. 422 p. (In Russ.)

Сведения об авторе:

©**Зинуров Эрик Альбертович** – преподаватель, Московский юридический институт, Российская Федерация, Москва, e-mail: erick.zinurov@gmail.com.

Information about the author:

©**Zinurov Erick Albertovich** – Lecturer, Moscow Law Institute, Russian Federation, Moscow, e-mail: erick.zinurov@gmail.com.

В. З. Панина, М. К. Панина

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ
АДВОКАТУРЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕХОДА
ОТ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ К СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ**

Ключевые слова: профессиональная этика, адвокатура, советское наследие, социология профессий, правосознание, институциональная трансформация, адвокатская тайна, независимость адвокатуры, Кодекс профессиональной этики адвоката, историческая преемственность.

Профессиональная этика адвоката формируется под влиянием исторических, социальных и институциональных факторов, при этом смена политических режимов не приводит к автоматической трансформации ценностных установок профессионального сообщества. Цель исследования заключается в выявлении сохраняющихся элементов советского этоса в сознании современных российских адвокатов и определении степени влияния исторического наследия на реализацию этических принципов независимости, адвокатской тайны и приоритета интересов доверителя. Методологическую основу работы составляет междисциплинарный подход, сочетающий историко-правовой анализ нормативных документов и социологическое исследование профессионального правосознания. Теоретической базой выступает концепция профессионального габитуса П. Бурдьё. Эмпирическую основу образуют результаты авторского анкетирования практикующих адвокатов (N=124, 2025 год), а также анализ Положений об адвокатуре 1922-1980 годов и Кодекса профессиональной этики адвоката. В результате исследования выявлены ключевые параметры советского этоса: государственный подход, институционализация партийного контроля, формализм защиты. Установлено, что современный Кодекс профессиональной этики закрепляет принципиально иную систему ценностей, однако социологический опрос демонстрирует сохранение элементов советского габитуса. Показано, что 47 % респондентов сохраняют ориентацию на «служение правосудию» в ущерб интересам доверителя, 31 % поддерживают усиление государственного контроля, 23 % допускают разглашение адвокатской тайны. Выявлена корреляция между возрастом адвокатов и их установками: среди адвокатов старше 50 лет доля сторонников усиления государственного контроля составляет 52 %, среди адвокатов до 35 лет – 18 %. Научная значимость работы состоит в применении социологического инструментария к изучению профессиональной этики, позволяющего выявить разрыв между формальными нормами и реальными практиками. Практическая значимость заключается в возможности использования выводов при совершенствовании программ подготовки адвокатов.

V. Z. Panina, M. K. Panina

**TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL ETHICAL STANDARDS
IN THE LEGAL PROFESSION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE TRANSITION
FROM THE SOVIET MODEL TO CONTEMPORARY RUSSIAN PRACTICE**

Keywords: professional ethics, legal profession, Soviet heritage, sociology of professions, legal consciousness, institutional transformation, attorney-client privilege, independence of the bar, Code of Professional Ethics of a Lawyer, historical continuity.

The professional ethics of a lawyer are formed under the influence of historical, social and institutional factors, while the change of political regimes does not lead to an automatic transformation of the value attitudes of the professional community. The purpose of the study is to identify the preserved elements of the Soviet ethos in the minds of modern Russian lawyers and to determine the degree of influence of the historical heritage on the implementation of ethical principles of independence, attorney-client privilege and the priority of the client's interests. The methodological basis of the work is an interdisciplinary approach combining historical and legal analysis of normative documents and a sociological study of professional legal consciousness. The theoretical base is the concept of professional habitus by P. Bourdieu. The empirical basis is formed by the results of the author's survey of practicing lawyers (N=124, 2025), as well as an analysis of the Regulations on the Bar of 1922-1980 and the Code of Professional Ethics of a Lawyer. The study reveals the key parameters of the Soviet ethos: the statist approach, the institutionalization of party control, and formalism of defense. It is established

that the modern Code of Professional Ethics enshrines a fundamentally different value system, but the sociological survey demonstrates the preservation of elements of the Soviet habitus. It is shown that 47 % of respondents retain a focus on “serving justice” to the detriment of the client's interests, 31 % support increased state control, and 23 % allow disclosure of attorney-client privilege. A correlation was found between the age of lawyers and their attitudes: among lawyers over 50 years old, the proportion of supporters of strengthening state control is 52 %, among lawyers under 35 years old – 18 %. The scientific significance of the work lies in the application of sociological tools to the study of professional ethics, which makes it possible to identify the gap between formal norms and real practices. The practical significance lies in the possibility of using the findings to improve training programs for lawyers.

Введение

Профессиональная этика юриста представляет собой многомерное явление, в котором переплетаются правовые нормы, корпоративные традиции, моральные принципы и социальные ожидания. Для понимания современного состояния этических стандартов юридической профессии принципиальное значение приобретает анализ их генезиса и тех исторических разрывов, которые сопровождали развитие отечественной адвокатуры на протяжении XX столетия. Смена политического режима в 1917 году привела не просто к реорганизации института адвокатуры, а к коренной ломке ее этоса – глубинных ценностных ориентаций, определяющих профессиональное поведение.

Современные исследователи отмечают, что процесс трансформации правосознания в российском обществе сталкивается с серьезными вызовами, включая деформацию профессиональных установок под влиянием различных факторов [1, 2]. В условиях цифровизации и изменения социальных коммуникаций эти процессы приобретают новую динамику [3, 4]. Особое значение приобретает формирование профессионального правосознания юристов, которое во многом определяет качество правоприменительной практики [5, 6].

Настоящее исследование исходит из понимания профессии не просто как вида занятий, а как социального института, обладающего собственной системой норм, ценностей и механизмов воспроизводства. В этом контексте теоретическую базу работы составляют концепции социологии профессий. Важное значение для нашей работы имеет понятие профессионального габитуса, предложенное П. Бурдьё. Габитус представляет собой систему устойчивых предрасположенностей. Они усваиваются человеком в процессе вхождения в профессию и в дальнейшем бессознательно определяют то, как он оценивает рабочие ситуации и какие решения принимает [7]. Советский габитус адвоката, сформированный в условиях тотального государственного контроля и подчинения интересов личности интересам государства, не мог исчезнуть мгновенно с принятием новых законов – он

продолжает воспроизводиться в практиках, установках и неформальных нормах профессионального сообщества.

Проблема исследования заключается в противоречии между формально-юридическим закреплением новых этических стандартов, соответствующих принципам независимой адвокатуры и состязательного правосудия, и сохраняющимися в профессиональном сознании элементами советского этоса. Как отмечает А. В. Рагулин, последние изменения в Кодексе профессиональной этики адвоката вызывают неоднозначные оценки в профессиональном сообществе и требуют глубокого осмысления их влияния на адвокатскую практику [8]. Исследователи также указывают на сохраняющиеся проблемы в реализации этических норм [9].

Цель настоящей работы состоит в выявлении сохраняющихся элементов советского этоса в сознании современных российских адвокатов и определении степени влияния исторического наследия на практическую реализацию этических принципов независимости, адвокатской тайны и приоритета интересов доверителя.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. выявить ключевые параметры советского этоса адвоката на основе анализа нормативных документов и исторических исследований;
2. определить концептуальные изменения в этическом регулировании адвокатской деятельности, закрепленные в современном Кодексе профессиональной этики адвоката;
3. провести социологический анализ профессиональных установок современных адвокатов для выявления степени сохранности советских элементов этоса;
4. установить корреляции между различными факторами (возраст, стаж, специализация) и отношением к этическим вопросам.

Научная значимость работы заключается в применении социологического инструментария для изучения этических аспектов юридической профессии, что позволяет преодолеть ограниченность формально-догматического подхода и выявить реальное функционирование этических норм в профессиональном сообществе.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных выводов при совершенствовании программ профессиональной подготовки и повышения квалификации адвокатов, а также при разработке мер, направленных на укрепление этических основ адвокатской деятельности.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает профессиональная этика адвокатов как система социальных норм и ценностных ориентаций, регулирующих профессиональное поведение. Предмет исследования – трансформация этой системы в процессе перехода от советской модели адвокатуры к современной российской модели.

Методологическая основа исследования базируется на принципах междисциплинарности, историзма и системности. Использование социокультурного подхода позволило рассматривать этические стандарты не как абстрактные нормативные требования, а как элемент профессиональной культуры, формирующийся под влиянием исторических, социальных и политических факторов. Теоретическую базу исследования составила концепция профессионального габитуса П. Бурдьё, позволяющая анализировать устойчивые диспозиции профессионального сознания [7].

Эмпирическую базу исследования составили две группы источников. Первую группу образуют нормативные документы, регулировавшие организацию и деятельность адвокатуры в советский и постсоветский периоды: Положение об адвокатуре РСФСР 1922 года, Положение об адвокатуре СССР 1939 года, Положение об адвокатуре РСФСР 1962 года, Закон СССР «Об адвокатуре в СССР» 1979 года, Положение об адвокатуре РСФСР 1980 года, Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» 2002 года [10], Кодекс профессиональной этики адвоката 2003 года (в редакции 2021 года) [11].

Вторую группу источников образуют результаты авторского социологического исследования, проведенного в 2025 году. Методом сбора информации выступило анкетирование практикующих адвокатов (N=124). Выборка формировалась по квотному принципу с контролем по возрасту, стажу адвокатской деятельности и региону. В структуре респондентов 42 % составили адвокаты со стажем до 5 лет, 35 % – со стажем от 5 до 15 лет, 23 % – со стажем свыше 15 лет. По возрастному составу: до 35 лет – 38 %, 35-50 лет – 41 %, старше 50 лет – 21 %. География опроса охватила Москву, Санкт-Петербург,

а также адвокатские палаты пяти субъектов Российской Федерации (Республика Татарстан, Нижегородская область, Свердловская область, Краснодарский край, Новосибирская область).

Инструментарий исследования включал вопросы, направленные на выявление отношения к принципу независимости адвокатуры, понимания приоритета интересов доверителя, отношения к адвокатской тайне, восприятия роли адвоката в судопроизводстве, оценки влияния государства на адвокатскую деятельность. Обработка полученных данных проводилась с использованием методов описательной статистики и корреляционного анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Результаты и их обсуждение

Советский этос адвоката: ключевые характеристики. Формирование советской адвокатуры происходило в условиях принципиально иного понимания роли права и правовых институтов. Правовые институты расценивались как сугубо политические, находящиеся в распоряжении государства. В этом контексте адвокатура не могла рассматриваться как независимый институт гражданского общества – она должна была стать частью государственного механизма, выполняющей вспомогательную функцию при отправлении правосудия.

Анализ нормативных документов позволяет выделить следующие ключевые параметры советского этоса адвоката. Первый параметр – государственный подход, рассматривающий адвоката прежде всего как помощника правосудия, а не как независимого защитника интересов доверителя. В Положении о коллегиях защитников 1922 года задачи адвокатуры формулировались без акцента на защиту прав личности – акцент делался на содействии суду в осуществлении правосудия. Данная установка последовательно воспроизводилась в последующих нормативных актах на протяжении всего советского периода. Второй параметр – институционализация партийного и государственного контроля над адвокатурой. Как показывает анализ Положения 1922 года, первый состав коллегий утверждался губернским исполкомом по представлению отдела юстиции, а за исполкомом сохранялось право отвода любого нового члена коллегии. В состав коллегий в обязательном порядке вводились члены партии, которые занимали все руководящие посты, зачастую не осуществляя непосредственно адвокатской деятельности. Это создавало механизм не только внешнего, но и внутреннего партийного контроля над профессиональным сообществом. Третий параметр – формализм

защиты и ограничение состязательности. В условиях, когда суд рассматривался как орган борьбы с классовыми врагами, полноценная защита, предполагающая реальную состязательность с обвинением, оказывалась невозможной. Защита сводилась к формальному соблюдению процедуры при отсутствии реального влияния на исход дела. Четвертый параметр – низкий уровень автономии и корпоративной солидарности. Адвокат рассматривался не как член независимого профессионального сообщества, а как работник юридической консультации, подчиняющийся президиуму коллегии, который, в свою очередь, находился под контролем партийных и советских органов.

Современная модель этического регулирования. Принятие Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» 2002 года [10] и Кодекса профессиональной этики адвоката 2003 года [11] ознаменовало концептуальный разрыв с советской моделью регулирования адвокатской деятельности. Впервые на законодательном уровне были закреплены принципы, соответствующие международным стандартам независимости адвокатуры.

Кодекс профессиональной этики адвоката закрепляет принципиально иную систему ценностных ориентиров. В соответствии со статьей 1 Кодекса, адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством средствами. Акцент смещается с «помощи правосудию» на защиту интересов доверителя. Адвокатская тайна провозглашается безусловным приоритетом – статья 6 Кодекса устанавливает, что срок хранения адвокатского производства не ограничен во времени. Принцип независимости адвоката закреплен в статье 5, не допускающей вмешательства в адвокатскую деятельность либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом.

Принципиальное значение имеет закрепление корпоративного самоуправления как основы организации адвокатского сообщества. Адвокатские палаты субъектов Российской Федерации и Федеральная палата адвокатов формируются самими адвокатами и обладают значительными полномочиями в вопросах допуска в профессию, дисциплинарной ответственности и этического контроля. Это принципиально иная модель, нежели советская система с ее жестким внешним контролем со стороны органов юстиции и партийных структур.

Однако современные исследователи отмечают сохраняющиеся проблемы в реализации этических норм. А. В. Рагулин анализирует

последние изменения в Кодексе профессиональной этики адвоката, указывая на их неоднозначное влияние на адвокатскую практику [8]. В. С. Горячев и Д. Ц. Хугаева обращают внимание на отдельные проблемы применения Кодекса, требующие дальнейшего осмысления [9]. Выступления на профессиональных форумах также свидетельствуют о сохраняющейся дискуссии относительно понимания независимости адвокатуры [12].

Социологический анализ профессиональных установок. Проведенное анкетирование позволило выявить ряд значимых тенденций в профессиональном сознании современных российских адвокатов, свидетельствующих о сохранении элементов советского этоса.

Первый блок вопросов был посвящен пониманию роли адвоката в судопроизводстве. Респондентам предлагалось определить, что в большей степени соответствует их представлению о профессиональной роли: «защита интересов доверителя любыми законными средствами» или «содействие суду в установлении истины и осуществлении правосудия». Результаты распределились следующим образом: 68 % респондентов выбрали первый вариант, 32 % – второй. На первый взгляд, это свидетельствует о доминировании современного понимания адвокатской роли. Однако при углубленном анализе выясняется, что 47 % респондентов в той или иной степени согласны с тезисом о том, что «адвокат прежде всего должен служить правосудию в целом, а не интересам конкретного доверителя» (сумма ответов «полностью согласен» и «скорее согласен»). Данное противоречие свидетельствует о сохраняющейся в профессиональном сознании дилемме между ориентацией на доверителя и ориентацией на «общее благо», понимаемое в государственническом ключе. Это соотносится с выводами исследователей о деформации профессионального правосознания [1, 2].

Второй блок вопросов касался независимости адвокатуры и ее взаимоотношений с государством. На вопрос о том, должно ли государство осуществлять более жесткий контроль за деятельностью адвокатов, 31 % респондентов ответили утвердительно. При корреляционном анализе выявлена прямая зависимость между возрастом респондентов и их ответами: среди адвокатов старше 50 лет доля поддерживающих усиление государственного контроля составляет 52 %, среди адвокатов до 35 лет – 18 % (коэффициент корреляции Спирмена 0,42, $p < 0,01$). Это свидетельствует о постепенном изменении поколенческих установок, но также и о сохранении установок на государственное по-

кровительство у значительной части профессионального сообщества. Проблема формирования правосознания молодых юристов приобретает особую актуальность в современных условиях [5, 6].

Третий блок вопросов был направлен на выявление отношения к адвокатской тайне и ее границам. Респондентам предлагалось оценить гипотетическую ситуацию, в которой доверитель сообщает адвокату о готовящемся преступлении, не связанном с делом, по которому осуществляется защита. Возможность разглашения такой информации (с уведомлением соответствующих органов) допустили 23 % опрошенных. При этом в открытых вопросах некоторые респонденты обосновывали такую позицию «социальной ответственностью» и «необходимостью предотвращения вреда обществу». Данный результат показывает, что принцип абсолютности адвокатской тайны, закрепленный в Кодексе профессиональной этики, не является безусловным для части профессионального сообщества, допускающей возможность его ограничения соображениями «общественной пользы». В условиях цифровой трансформации и информационного перенасыщения проблема сохранения профессиональной тайны приобретает новые аспекты [3, 4].

Четвертый блок вопросов касался оценки реального состояния независимости адвокатуры. Только 27 % респондентов оценили уровень независимости адвокатской деятельности в современной России как высокий или скорее высокий. 45 % оценили его как средний, 28 % – как низкий или скорее низкий. В качестве основных факторов, ограничивающих независимость, респонденты называли зависимость от судебного усмотрения (76 %), давление правоохранительных органов (58 %), экономическую зависимость от «удобных» для государства дел (43 %). Полученные в ходе опроса цифры перекликаются с оценками специалистов, которые обращают внимание на то, что вопросы подлинной независимости адвокатуры до сих пор не нашли своего полного разрешения [12, 13].

Адвокаты, работающие в Москве и Санкт-Петербурге, оценивают степень своей самостоятельности заметно выше, чем их коллеги из регионов. Доля высоких оценок в столицах составила 34 % против 22 % в субъектах федерации. Такая разница, вероятно, объясняется как более широкими экономическими возможностями, так и более развитыми механизмами корпоративной защиты в крупных адвокатских образованиях.

Результаты опроса систематизированы в таблице.

Таблица – Результаты социологического опроса практикующих адвокатов

Показатель	Группа респондентов	Доля, %
Согласие с тезисом о приоритете «служения правосудию» над интересами доверителя (сумма ответов «полностью согласен» + «скорее согласен»)	до 35 лет	38
	35–50 лет	48
	старше 50 лет	58
	стаж до 5 лет	40
	стаж 5–15 лет	47
	стаж свыше 15 лет	55
Поддержка усиления государственного контроля за адвокатурой	до 35 лет	18
	35–50 лет	29
	старше 50 лет	52
	стаж до 5 лет	21
	стаж 5–15 лет	30
	стаж свыше 15 лет	48
Допущение разглашения адвокатской тайны (в описанной ситуации)	до 35 лет	19
	35–50 лет	23
	старше 50 лет	28
	стаж до 5 лет	20
	стаж свыше 15 лет	27
Оценка уровня независимости как «высокий / скорее высокий»	Москва и Санкт-Петербург	34
	регионы	22
	до 35 лет (в целом)	31
	старше 50 лет (в целом)	21
Оценка уровня независимости как «низкий / скорее низкий»	Москва и Санкт-Петербург	24
	регионы	30

Обсуждение результатов. Проведенное исследование подтверждает предположение о том, что процесс перестройки профессионального этоса в адвокатской среде нельзя считать завершенным. Хотя современное законодательство и Кодекс профессиональной этики закрепили принципиально иные ориентиры (независимость, приоритет прав доверителя, безусловность адвокатской тайны), этого оказалось недостаточно для того, чтобы эти ценности органично вошли в повседневную практику всего общества.

Одной из наиболее сложных остается дилемма, которую можно обозначить как выбор между «служением правосудию» и «защитой доверителя». Как справедливо подчеркивается в экспертных публикациях, сегодняшние реалии требуют пересмотра многих устоявшихся подходов к профессиональной этике [13]. Между тем советская традиция последовательно формировала представление о безусловном приоритете государственных интересов над интересами отдельной личности, и этот стереотип продолжает влиять на позицию части современных адвокатов. Исследователи справедливо связывают с данной проблемой и более широкий вопрос – становление правового государства, которое остается ключевой задачей для профессионального сознания юристов [13].

Заслуживает внимания и выявленная в ходе корреляционного анализа зависимость между возрастом респондентов и их профессиональными установками. Более молодые адвокаты в большей степени ориентированы на защиту интересов доверителя и менее склонны к компромиссам с государством. Это позволяет предположить, что профессиональная социализация в постсоветский период постепенно меняется: новое поколение в меньшей мере несет на себе груз прежних стереотипов. Вместе с тем ответы на вопросы, касающиеся адвокатской тайны, показывают, что и среди молодых специалистов значительная часть допускает возможность отступления от принципа ее абсолютности.

Необходимо также учитывать институциональные факторы, влияющие на сохранение элементов советского этоса. Современная российская судебная система сохраняет ряд характеристик, унаследованных от советского периода: обвинительный уклон, низкий уровень состязательности в реальной судебной практике, зависимость судей от административного давления. В этих условиях адвокат объективно ограничен в реализации своей профессиональной роли, что может приводить к воспроизводству советских стратегий поведения – формализма

защиты, ориентации на «договоренности» с судом, избегания конфликтов с обвинением.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов, имеющих значение для понимания современного состояния профессиональной этики российской адвокатуры и перспектив ее развития.

Трансформация этических стандартов адвокатской деятельности при переходе от советской модели к современной российской представляет собой длительный и противоречивый процесс, не заверченный до настоящего времени. Советский этос адвоката, сформировавшийся на протяжении более семи десятилетий, включал такие ключевые характеристики, как государственный подход, рассматривающий адвоката прежде всего как помощника правосудия; институционализация партийного и государственного контроля над адвокатурой; формализм защиты в условиях несостязательного процесса; низкий уровень корпоративной автономии и солидарности. Данные принципы не остались лишь формальными предписаниями они были усвоены профессиональным сообществом на глубинном уровне. В результате сформировались устойчивые модели восприятия и оценки рабочих ситуаций, которые продолжают действовать даже после изменения внешних обстоятельств. Принятие в 2002–2003 годах нового законодательства об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката ознаменовало концептуальный разрыв с советской моделью регулирования. Впервые на законодательном уровне были закреплены принципы независимости адвокатуры, приоритета интересов доверителя, безусловности адвокатской тайны, корпоративного самоуправления. Эти принципы соответствуют международным стандартам и создают нормативную основу для формирования современного профессионального этоса. Однако, как показывают современные исследования, реализация этих принципов сталкивается с серьезными проблемами [8, 9].

Социологический анализ профессиональных установок практикующих адвокатов выявляет сохранение существенных элементов советского габитуса. Почти половина опрошенных адвокатов в той или иной степени сохраняют ориентацию на «служение правосудию» в ущерб интересам доверителя. Почти треть респондентов демонстрирует готовность принять усиление государственного контроля над адвокатской деятельностью. Значительная часть профессионального сообщества (23 % опрошен-

ных) допускает компромиссы в отношении адвокатской тайны, обосновывая это соображениями «общественной пользы». Все это говорит о том, что одного лишь введения новых этических норм в тексте закона и кодекса недостаточно, чтобы они стали естественной частью профессионального мировоззрения.

Существенные различия в профессиональных установках прослеживаются и в возрастном разрезе. Молодые адвокаты заметно чаще ориентированы на отстаивание интересов доверителя и предъявляют более высокие требования к собственной независимости от государства. Это позволяет говорить о том, что смена поколений постепенно меняет профессиональную среду. Вместе с тем рассчитывать на быстрый результат не приходится: подобные изменения требуют времени и системной работы, особенно в сфере юридического образования и правового просвещения [5, 6]. Нельзя упускать из виду и новые вызовы – цифровизацию, трансформацию способов правовой социализации, которые также накладывают свой отпечаток на формирование профессиональных установок [1, 4].

Проведенное исследование показывает, что профессиональную этику нельзя сводить только к набору формальных предписаний. Она представляет собой часть профессиональной культуры, которая складывается под воздействием исторического опыта, социального контекста и институциональных условий. Само по себе закрепление новых стандартов в докумен-

тах – это необходимый шаг, но далеко не достаточный для того, чтобы они реально заработали в сообществе. Нужна последовательная, продуманная работа по формированию такого этоса, который бы соответствовал состязательной модели судопроизводства и принципам правового государства.

Научная новизна работы связана с применением социологических методов к исследованию профессиональной этики. Такой подход позволяет выйти за пределы формально-юридического анализа и увидеть, как этические нормы реально функционируют в среде практикующих юристов. В работе показано, что институциональные изменения, даже будучи закреплёнными законодательно, сами по себе не ведут к автоматической перестройке профессионального сознания. Этот процесс зависит от множества обстоятельств – возраста и опыта юристов, региональных условий, особенностей их вхождения в профессию.

В качестве перспективных направлений дальнейших исследований можно выделить более пристальное изучение механизмов профессиональной социализации, оценку влияния образовательных программ на формирование этических установок, а также сопоставительный анализ развития профессиональной этики в странах, переживших схожие институциональные переходы. Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как преодолевать деформации профессионального правосознания в современных условиях [1, 5] и как адаптировать этические стандарты к вызовам цифровой эпохи [4].

Литература

1. Гараева Г.Ф. Трансформация правовой социализации в эпоху интернет-коммуникации и ее влияние на правосознание: социально-философский анализ // Социально-политические науки. 2025. Т. 15, № 5. С. 190-198. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-5-190-198. EDNI: DPBCAR.
2. Карнаушенко Л.В. Деформация правосознания в условиях интернет-пространства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 3 (65). С. 85-89. EDNI: EGFTJN.
3. Ведомости. Морозова А. Профессиональная этика юриста в Российской Федерации: вызовы, реалии и императивы. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/09/15/professionalnaya-etika-yurista-v-grossiiskoi-federatsii-vizovi-realii-i-imperativi (дата обращения: 27.02.2026).
4. Чиквин А.Б. Понятие цифровой трансформации в праве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2025. № 2(46). С. 82-88. EDNI: JWBFQH.
5. Герцог Т.Ю. Правовая информированность граждан и проблема правового информационного выгорания // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 20. С. 616-626. DOI: 10.20310/2587-9340-2021-5-20-616-626. EDNI: FCYMMZ.
6. Tereshchenko E., Ivanchenko E., Meleshkin V., Zhuzhgov I., Balakireva L. Features of legal education in the aspect of the formation of professional legal consciousness in lawyers // Relacoes Internacionais no Mundo Atual. 2023. No 2 (40). e06532. DOI: 10.21902/Revrima.v2i40.6532.
7. Бурдые П. Практический смысл. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. 560 с.
8. Рагулин А.В. Изменения в Кодекс профессиональной этики адвоката в России – 2025: отказ от европейских ценностей и окончательное подчинение диктату государства // Евразийская адвокатура. 2025. № 1 (72). С. 61-68. DOI: 10.52068/2304-9839_2025_72_1_61. EDNI: SBKRWX.

9. Горячев В.С., Хугаева Д.Ц. Некоторые проблемы Кодекса профессиональной этики адвоката // Молодой ученый. 2024. № 19 (518). С. 116-118. EDNI: VBVCMY.
10. КонсультантПлюс. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 27.02.2026).
11. КонсультантПлюс. «Кодекс профессиональной этики адвоката». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ (дата обращения: 27.02.2026).
12. Юридический факультет СПбГУ. Закон, профессиональная этика и ответственность: независимость адвокатуры обсудили на ПМЮФ. URL: https://law.spbu.ru/all_news/2025-05-23-3/ (дата обращения: 27.02.2026).
13. Вестов Ф.А., Фаст О.Ф. Правовое, социальное и полицейское государство в оценках студентов-юристов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, № 3. С. 326-332. DOI: 10.18500/1994-2540-2020-20-3-326-332. EDNI: GYZZHK.

References

1. Garaeva G.F. Transformation of legal socialization in the era of internet communication and its impact on legal consciousness: a socio-philosophical analysis. *Social'no-politicheskie nauki*. 2025. Vol. 15, No. 5. pp. 190-198. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-5-190-198. EDNI: DPBCAR. (In Russ.)
2. Karnaushenko L.V. The deformation of legal consciousness in the context of the development of the internet. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2024. No. 3 (65). pp. 85-89. EDNI: EGFTJN. (In Russ.)
3. Vedomosti. Morozova A. Professional'naya etika yurista v Rossijskoj Federacii: vyzovy, realii i imperativy. Available at: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/09/15/professionalnaya-etika-yurista-v-rossiiskoi-federatsii-vizovi-realii-i-imperativi (Accessed Date: 27.02.2026). (In Russ.)
4. Chikvin A.B. The concept of digital transformation in law. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2025. No. 2(46). pp. 82-88. EDNI: JWBFQH. (In Russ.)
5. Gertsog T.Y. Legal awareness of citizens and legal information burnout issue. *Current Issues of the State and Law*. 2021. Vol. 5, No. 20. PP. 616-626. DOI: 10.20310/2587-9340-2021-5-20-616-626. EDNI: FCYMMZ. (In Russ.)
6. Tereshchenko E., Ivanchenko E., Meleshkin V., Zhuzhgov I., Balakireva L. Features of legal education in the aspect of the formation of professional legal consciousness in lawyers. *Relacoes Internacionais no Mundo Atual*. 2023. No 2 (40). e06532. DOI: 10.21902/Revrima.v2i40.6532.
7. Bourdieu P. *The Logic of Practice*. St. Petersburg: Aleteya, 2020. 560 p. (In Russ.)
8. Ragulin A.V. Amendments to the code of professional ethics of a lawyer in russia – 2025: rejection of european values and final submission to the dictates of the state. *Evrazijskaya advokatura*. 2025. No. 1 (72). pp. 61-68. DOI: 10.52068/2304-9839_2025_72_1_61. EDNI: SBKRWX. (In Russ.)
9. Goryachev V.S., Khugaeva D.C. Nekotorye problemy kodeksa professional'noj etiki advokata. *Molodoy uchenyj*. 2024. No. 19 (518). pp. 116-118. EDNI: VBVCMY. (In Russ.)
10. ConsultantPlus. Federal'nyj zakon “Ob advokatskoj deyatelnosti i advokature v Rossijskoj Federacii” ot 31.05.2002 № 63-FZ. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (Accessed Date: 27.02.2026).
11. ConsultantPlus. “Kodeks professional'noj etiki advokata”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ (date of application: 27.02.2026). (In Russ.)
12. Faculty of Law of St. Petersburg State University. Zakon, professional'naya etika i otvetstvennost': nezavisimost' advokatury obsudili na PMYUF. URL: https://law.spbu.ru/all_news/2025-05-23-3/ (Accessed Date: 27.02.2026). (In Russ.)
13. Vestov F.A., Fast O.F. The legal state as a problem of professional consciousness of lawyers. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* 2020. Vol. 20, No. 3. pp. 326-332. DOI: 10.18500/1994-2540-2020-20-3-326-332. EDNI: GYZZHK. (In Russ.)

Сведения об авторах:

©Панина Венера Zufаровна – старший преподаватель кафедры промышленного менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: sadvenera@mail.ru.

©Панина Майя Константиновна – студент, Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Российская Федерация, Казань, e-mail: mauya.panina.00@mail.ru.

Information about the authors:

©**Panina Venera Zufarovna** – Senior Lecturer of the Department of of Industrial Managemen, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: sadvenera@mail.ru.

©**Panina Maya Konstantinovna** – student, Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Russian Federation, Kazan, e-mail: mayya.panina.00@mail.ru.

Р. И. Зинурова, А. Р. Тузиков

МОЛОДЕЖНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ключевые слова: молодежь, гражданская активность, гражданское общество, социальные практики, социокультурный подход, структурный функционализм, сетевые практики, ценности.

Статья раскрывает особенности гражданской активности молодежи, проявление которой в последнее десятилетие погранично к постепенному принятию допустимости протестной активности как формата участия в политической жизни. Потенциальная готовность молодежи критически воспринимать повседневные практики старшего поколения может служить триггером протестных действий. Поэтому молодежь выступает одновременно и объектом влияния более опытных политических сил, и субъектом гражданской активности. Активность при этом может носить как конструктивный, так и деструктивный характер. Теоретическим обоснованием таких активно-критических мировоззренческих позиций и поведения молодежи выступает идея саморегуляции социально-политической системы, так как протесты указывают на «проблемные места» во взаимодействии властей и граждан. Улица выступает своеобразным индикатором неблагополучия и показывает, что какая-то проблема «назрела». Молодежь, в силу своих возрастных социально-психологических характеристик является наиболее мобилизуемым актором «политики улиц». Наименее изученным, но актуальным является изучение особенностей взглядов и поведенческих практик нового поколения, которое порой называют цифровым поколением. Значение их исследования обусловлено тем, что все основные общественные процессы, касающиеся политических, социально-экономических, духовно-ценностных преобразований, идут с массовым и качественно заметным участием молодых людей в своих странах. Молодежь данного поколения наследуя определенную степень развития общества, формирует образ желаемого будущего и может рассматриваться как потенциал развития общества. Опираясь на результаты авторских исследований, проведенные методом анкетирования и фокус-группового интервью в молодежной среде, в статье представлены социальные практики и их смысловые параметры, характерные для современного поколения молодежи.

R. I. Zinurova, A. R. Tuzikov

CIVIC ENGAGEMENT IN MODERN SOCIETY IN THE YOUTH DIMENSION

Keywords: youth, civic engagement, civil society, social practices, sociocultural approach, structural functionalism, network practices, values.

The article reveals the features of youth civic engagement, which in the last decade has been on the verge of gradually accepting the permissibility of protest activity as a format of participation in political life. The potential readiness of young people to critically perceive the everyday practices of the older generation can serve as a trigger for protest actions. Therefore, young people are both an object of influence from more experienced political forces and a subject of civic engagement. This engagement can be both constructive and destructive. The theoretical basis for such active and critical worldviews and behavior among young people is the idea of self-regulation in the socio-political system, as protests indicate “problem areas” in the interaction between the authorities and citizens. The street acts as a kind of indicator of unhappiness and shows that a certain problem is “ripe”. Young people, due to their age-related socio-psychological characteristics, are the most mobilized actors in “street politics”. The importance of their research is due to the fact that all major social processes related to political, socio-economic, and spiritual-value transformations are taking place with the mass and qualitatively significant participation of young people in their countries. This generation of young people, inheriting a certain level of societal development, is shaping the image of the desired future and can be considered as a potential for societal development. Based on the results of the author's research conducted through questionnaires and focus group interviews among young people, the article presents the social practices and their semantic parameters that are characteristic of the current generation of young people.

Актуальность социальной проблемы гражданского активизма молодого поколения обусловлена тем, что все основные общественные процессы, касающиеся политических, социально-экономических, духовно-ценностных преобразований, идут с массовым и качественно заметным участием молодых людей в своих странах, равно как и в России. Молодежь поколения Z наследует степень развития общества, формирует образ будущего и рассматривается как потенциал жизнедеятельности общества.

Питирим Сорокин как основоположник социокультурного подхода утверждал, что «...самые важные и кардинальные изменения в обществе происходят тогда, когда оно переживает «основательную и эпохальную революцию в человеческой культуре» [1].

В нашем случае это позволяет трактовать динамику молодежного уличного гражданского активизма не только как процесс, связанный со структурными изменениями в обществе (численность молодежи, ее социально-психологические характеристики, трансформации в социальных институтах и т.п.), но и как результат культурных перемен, вытекающих из изменений мировоззренческих матриц, ценностных ориентаций, стандартов и технологий коммуникации (сетевой формат) [4].

Диалектика каузальности (причинно-следственных отношений) социальных и культурных факторов, обуславливающих гражданский активизм в уличном формате, не является линейной и предполагает их взаимосвязанное единство. Это в свою очередь определяет сочетание количественных и качественных методов ее исследования.

Методология объективного научного анализа и спецификации гражданского активизма поколения Z строится на социокультурном подходе к анализу развития социальных процессов с использованием избранного объекта исследования как целостного явления, обусловленного многообразием социальных, культурных и исторических факторов, а также концепции множественных социальных идентичностей В. А. Ядова и Е. Н. Даниловой. Социокультурный подход в рамках исследования носит полипарадигмальный характер, раскрывается в системе частных социологических теорий социально-функционального характера.

Разработанность. Гражданская активность стала предметом изучения многих социологов, которые анализировали её в контексте гражданского общества, социальных движений, политической активности и ценностных ориентаций. Так, например, Е. А. Савельева в своих исследованиях рассматривает гражданскую ак-

тивность в контексте политической вовлечённости, социального капитала и участия в негосударственных общественных движениях, Л. Д. Козырева, представившая политологический прогноз реализации поколения зет в политике, Т. В. Большунова описывает политическую индифферентность современной молодежи, которая проявляется в низком уровне участия в выборах и отсутствии интереса к политическому процессу в целом, в сочетании с активным участием в акциях протеста на стороне оппозиции. Е. В. Храмова изучает включенность молодежи в общественную, политическую жизнь республики.

Среди зарубежных ученых проблема гражданской активности также актуальна. Известны работы А. Токвиля «О демократии в Америке», Р. Патнэма, подчеркивающего роль гражданской активности в диалоге с властью, М. Фоули и Б. Эдварде, рассмотревших гражданскую активность как протесты, Г. Альмонда и С. Вербы, представивших анализ политических культур пяти стран, где граждане ранжированы по степени политического участия на три категории: «подданные», «прихожане» и «участники». М. Grasso и М. Giugni провели исследование в 7 европейских странах (в Бельгии, Великобритании, Италии, Нидерландах, Испании, Швеции и Швейцарии) и суммарно опрошено более 10 000 респондентов из числа участников протестных акций [2, 3].

Применительно к странам Ближнего Востока «политику улицы» рассматривает в своей работе Азадех Замирирад [5]. Для автора «местом политического» в восточном, в том числе в иранском обществе, которое описывает автор, сосредоточилось на таких территориях как Улица, Базар, Мечеть, Университет. «В городских агломерациях Ближнего и Среднего Востока улочки и прилегающие к ним площади являются микрокосмом общества, пространством бесед и тайных встреч» [6]. Контент политик улицы показывает значимость идеологов, которые конструируют формы и технологии привлечения людей на улицы, вдохновляя политический активизм.

В последнее десятилетие тематика уличного активизма стала исследовательским фокусом большого ряда авторов, которые выделяют специфику гражданских движений в России 2011–2013 гг. [7]; когнитивные технологии подачи информации о протестах в средствах массовой информации [8]; классификацию гражданских инфраструктур на формальные и неформальные [9].

Какова бы ни была направленность и мотивация политического активизма, он отражает

не просто высшую степень вовлечения в политический процесс, но участие в самом ядре его организации и использование его как форму самореализации. Самими участниками активизма так говорится об этом феномене: «Активизм — изобретение левых. Он предполагает существование коллектива, движимого за счет сознательности, основанного на принадлежности и убеждении, что политиком или общественным деятелем может быть каждый..., объединяет людей вокруг идеологии и программы, более или менее широкой и определенной.... Если социальный активизм — это искусство давления, то политический активизм — это искусство убеждения. ... Архетип социальщика — это профсоюзный лидер. Архетип политактивиста — оратор на рыночной площади, «демагог» (в положительном смысле этого слова). Адресатом социального активизма является власть. Адресатом политического активизма — массы, сограждане» [10].

В отечественной и зарубежной литературе политический активизм часто изучается на стыке с проблемой девиации, радикализации, экстремистского поведения, что определяет междисциплинарность таких исследований. Это во многом связано с тем, что молодежь остро реагирует на характерные проявления несправедливости в окружающем социуме и быстро накапливает и выплескивает в мир протестный потенциал [11-16]. В последний период появились также исследования, раскрывающие природу сетевых коммуникаций молодежи, что предоставляет возможность проследить эволюцию и роль сетей, в которых формируются и распространяются смыслы гражданской активности молодежи [17-19].

Большинство примеров политики улицы носит деструктивный характер для дальнейшего диалога не только с представителями власти, но и между социальными группами в обществе. По данным мониторинговых опросов молодые слои населения наиболее эмоционально и активно выражают свои чувства, являясь наиболее чувствительной, а также и наиболее внушаемой группой в отношении перемен, с готовностью поддерживают радикальные доктрины. Активнее всех свои протестные настроения выражает молодежь в возрасте до 25 лет [20].

ВЦИОМ замеряет индекс общественного протестного потенциала (насколько россияне считают возможными массовые акции протеста) и индекс личного протестного потенциала (показывает готовность россиян к участию в массовых акциях протеста). И хотя, как справедливо отмечают исследователи «на основе долгосрочных социологических наблюдений и мониторинга информации СМИ можно констатиро-

вать, что реально в протестных акциях участвуют от трети до половины лиц, ранее намеревавшихся это осуществить» [21], но это не отменяет наметившийся и отраженный в исследованиях тренд к признанию «политики улиц» важной составной частью современной социально-политической жизни нашей страны.

Помимо социокультурного и системного подходов как общенаучных, для достижения целей данного проекта существенными для нас являются: структурно-функциональный анализ, позволяющий выявить специфические функции гражданского молодежного активизма, институциональный подход для выявления институциональных и неинституциональных форм гражданской активности.

Реализация методологических подходов предполагает использование в рамках проекта методов общественно-политических наук, метода анализа текстов и материалов, размещаемых в интернет, социологических методов (массовый опрос, фокус-группы) для выявления интересов и потребностей молодежи в развитии политической и социальной активности, изучение программ и документов, отражающих направления молодежной политики.

Междисциплинарность исследования заключается в системе политологических, социологических, культурологических, антропологических, социально-психологических подходов как к самому объекту исследования - гражданский (политический) активизм особой социально-демографической подгруппы молодежи поколения Z, так и возможностям решения фундаментальной научной задачи по раскрытию диалектики взаимосвязи «сетевого сознания» поколения Z особенностей их уличного гражданского активизма.

Анализ научных подходов по проблеме исследования позволил вывить, что «гражданский активизм» включает в себя две составляющие: политическую и неполитическую. Данное понятие достаточно противоречиво, если рассматривать его с точки зрения форм гражданской активности. К ним относят не только протесты, митинги, петиции, революции, марши, но и участие в благотворительности, поддержку некоммерческих проектов и негосударственных организаций.

Следующая классификация, рассмотренная в исследовании, строилась на основе степени вовлеченности гражданской активности в реальную практику и включала две группы: 1. Мягкие формы активизма (дискуссии, флешмобы, высказывания по актуальным вопросам). 2. Жесткие формы активизма («демон-

стративные» действия, которые могут выражаться в протестах, митингах, петициях и пр.) [22, 23].

Исследователи Ю. А. Головин и А. А. Фролов представили типологию социальных движений в сетевом пространстве, рассмотрели новые практики сетевой гражданской активности в России, а также выделили три вида сетевых гражданских движений: низовые сетевые инициативы, протровертикальные сетевые движения и гибридные сетевые движения [24].

Участники Проекта выделили следующие типы активности: индивидуальные и коллективные; стихийные или тщательно запланированные; по формату – предполагающие четкую повестку, сценарий действий, ролевые распределения, а также не имеющие конкретной повестки. По масштабам действия или влияния активизм варьируется от одиночных пикетов или локальных соседских инициатив до всемирных маршей и протестов.

На основании данных полевых исследований, а также статистических данных и их вторичного анализа Е. В. Храмова и ее коллеги зафиксировали сформировавшуюся единую характеристику современной молодежи (и не только татарстанской) – это поколение «тринадцатой статьи». Поколение «тринадцатой статьи» — это те, кому сегодня до тридцати пяти лет, те, кто родился и социализируется в условиях деидеологизирующей общества Статьи 13 Конституции Российской Федерации. Статья, которая формирует пробел в целевых идеологических установках нескольких поколений, начиная с распада Советского Союза. движения [25]. Идеофобия советских поколений породила у постсоветских поколений отрицание любой идеологии и лишила их возможности полноценно и рационально участвовать в политической жизни страны, молодое поколение становится инструментом в политизированных играх, которые все более приобретают радикализованный характер.

Методы и результаты. Основная цель исследования проекта по изучению гражданской активности молодого поколения Республики Татарстан заключалась в попытке создания исследовательской межпоколенческой команды, которая дала бы возможность неангажированного анализа политики улиц. Молодые ученые и школьники, входящие в состав Проекта, приобрели опыт объективного анализа информации, а участие в полевых исследованиях представителей поколения Z сделали результаты исследований более значимыми.

Оригинальность подходов и методов, на которых построен проект, заключается в созда-

нии межпоколенческой (разновозрастной) команды молодых исследователей под руководством наставника, имеющего значительный научный и организационный опыт, что дает возможность неангажированного анализа политики улиц. Молодые ученые и школьники, входящие в команду проекта, приобрели опыт объективного анализа информации, разработки методического инструментария. Опросы и фокус-группы были проведены с участием школьников с использованием электронной формы «Анкетолог». Таким образом, участие в полевых исследованиях представителей поколения Z внесло в результаты исследований весомые возрастные акценты изучаемой группы молодежи.

В соответствии с целью и задачами проекта разработана программа социологического исследования. Анкетным опросом было охвачены учащиеся старших классов средних общеобразовательных школ и гимназий г. Казани. Выборка исследования целевая, разновидность выборки по методу «снежного кома». Для привлечения респондентов привлекались сотрудники учебных заведений, представители органов молодежной политики республики. Выборка двух опросов из учащихся 9-11 классов в возрасте 15-18 лет представляет все типы учебных заведений всех районов города Казани (N=1150). Массовые опросы школьников проводились по замыслу проекта самими школьниками.

Результаты опросов позволили сделать следующие выводы. Повышенная чувствительность к справедливости и выраженное чувство свободы влияют на проявления гражданской активности, основываются не на экспертном и профессиональном мнении или устойчивой позиции по отношению к органам власти, а обусловлены характеристиками поколения.

По мнению исследователей, повышенный интерес к проявлению чувства справедливости в обществе часто вызывает непреднамеренную активную реакцию, проявляющуюся в нелегитимных формах общественного участия – протестных движениях.

Современное поколение обладает характеристиками, сензитивными к проявлению активной гражданской позиции. Современное поколение характеризует высокий уровень цифровой грамотности (77,2 % респондентов выбрали эту категорию в качестве основной характеристики поколения). Это поколение, зависимое от гаджетов (88,8 % ответов), обладающее повышенным интересом к новым технологиям (86,6 %), хорошо работающее в области многозадачности (67,2 %), которым не важен материальный или финансовый показатель их жизни

(69,2 %). Они свободны от мнения других (73,2 %) и нацелены на успех (72,6 %). Социальные институты, такие как семья или образование, или институт профессии в дальнейшем подвергнутся трансформации, так как характеристики поколения, определяющего содержание социальных институтов в будущем, отличаются от поколения их родителей.

Современная молодежь считает себя нерешительной и несамостоятельной (77 %), склонной к риску (78,7 %), для них снижены культурные межрасовые и межэтнические барьеры (для 72,6 % характерна толерантность по отношению к другим культурам, религиям и этносам, принятие и общение с людьми с отклонениями от культурных норм для них вполне допустимы). Респонденты отметили, что вступают в недолговечные отношения с людьми (77,6 %) и прислушиваются к мнению людей своего возраста (59,2 %). Это также предполагает, слабую привязанность к дому или вещам (66,7 %), важность комфорта в жизни (76,5 %) подтверждая идею, что представители современного поколения – люди – «кочевники». 68,4 % не доверяют власти и авторитетам и 60,1 % верят в собственные силы.

Гражданский активизм проявляется в форме социальных практик, основанных на системе гражданских ценностей, в том числе в системе школьного самоуправления и онлайн-среде. Знание о гражданских правах имеет ключевое значение, их несоблюдение, по мнению респондентов, может стать причиной гражданской активности молодежи протестного характера. Опрос показал, нарушение гражданских прав на свободу и личную неприкосновенность занимает лидирующую позицию: 87,8 % респондентов указали, что соблюдение этого права для них в настоящее время имеет наибольшее значение. Вторую и третью позиции занимают право на свободу мысли и слова – 74 % респондентов, право на жизнь – 70,8 % респондентов. Наименьшее значение для респондентов (14,9 %) имеет право определять и указывать свою национальную принадлежность. Только 9,4 % респондентов указали на актуальность для них права на создание общественных объединений и 9,9 % респондентов указали, что значение имеет право на проведение публичных мероприятий.

Молодежь приобретает теоретические знания в области гражданственности в ходе изучения общественных дисциплин. Уровень преподавания влияет на формирование заинтересованности к политической жизни и политическим событиям, происходящим в стране и мире. Только 30,4 % опрошенных ответили, что поли-

тическая жизнь вызывает интерес, 39 % наблюдают за политическими событиями в стране и 13,3 % затруднились ответить на этот вопрос.

Цифровое глобальное общество оказало значительное влияние на становление идейно-ценностного ряда поколения «Z». Протестный потенциал молодежи поколения Z объединяет виртуальную реальность и реальную действительность.

События последних месяцев наложили ограничения в использовании мессенджеров. Ответы респондентов показывают, что за последние два месяца наиболее популярный ресурс – это группа ВКонтакте, ее выбирают для общения 90,6 % респондентов. Активность в онлайн-среде предполагает, что пользователи оставляют цифровой след в форме одобрений, комментариев или репоста. Наибольшее значение будет иметь выход темы, обсуждаемой в онлайн-формате на офлайн-площадки и в молодежные сообщества. 70 % респондентов выбирают в качестве реакции на онлайн-кейсы знак одобрения («лайк»), оставляют свое мнение в качестве комментария 12,9 % респондентов. Лишь пятая часть – 18,2 % респондентов готовы обсуждать информацию в социальной реальности. По результатам опроса выявлено, что в настоящее время ведущим источником информации для молодежи стали социальные сети.

Среди форм общественной и политической активности наибольшее одобрение, а также возможно дальнейшее участие, вызывают такие формы как участие в выборах в органы власти (42 % респондентов положительно относятся к такой форме активности) и участие в локальных проектах местного сообщества (38,1 % ответов). Если для 37 % активность проявляется в мероприятиях развлекательного, спортивного, музыкального, досугового характера, лишь 15,5 % респондентов выбрали участие в деятельности общественно-политических организаций, 13,8 % респондентов в деятельности политических партий и 14,9 % респондентов выбрали в качестве одобряемой формы участие в политических процессах, происходящих стране. 44,8 % респондентов считают, что молодежь региона в качестве социальной активности выбирает участие в политических партиях. Школьное самоуправление является основой для формирования социальной активности молодежи. При этом только 19,3 % респондентов активно участвуют в социальной жизни учебного заведения, являясь лидерами. 34,3 % респондентов не принимают участия совсем и 46,4 % респондентов редко принимают участие. Вызывает озабоченность процент не участвующих или не задействованных в жизни школьного заведения молодых людей,

что должно стать одной из задач административных и общественных структур в системе образования.

Молодежь в процессе своей социализации осуществляет полную инсталляцию системы социальных ценностей очередного этапа существования социума. Соответственно, сегмент социальной системы ценностей, связанный с гражданским активизмом, осваивается и используется ими заново. Так молодежь создает новый контур социально-политической практики своего поколения, в котором ценности социальной активности и социально-политическое поведение молодежи включаются в особую конфигурацию политической жизни и деятельности поколения. Главным в жизни поколения Z считает свободу, ее выбрал 81 % респондентов так же, как и интересную работу – для 81 % опрошенной молодежи она имеет значение.

Анализ социальных практик, характерных для представителей поколения зет, проведен методом фокус-группового интервью. Проведение фокус-групп носило не только исследовательский характер, но и решало задачи наставничества по обучению молодых участников проекта методике проведения фокус-группового исследования по теме гранта, создание оптимального коммуникационного пространства, организация и сопровождение модератором процесса проведения фокус-групповых исследований в молодежной среде на политическую, социальную и молодежную тематику, выявление мнений респондентов о характеристиках поколения Z, участие социально-активной молодежи в научно-исследовательской деятельности.

Медийные стереотипы об основных характеристиках поколения, требуют постоянного мониторинга в связи с быстрой мобильностью в смене поколений. Фокус-групповые исследования позволили выявить характеристики гражданской активности представителей поколения зет, акцентирующие их социальные взаимодействия с внешней средой.

В соответствии с целями проведения фокус-группового исследования, участниками проекта, выполняющих роль со-модераторов получены знания и опыт ведения фокус-групповых дискуссий. В целом со-модераторами отмечена важность изучения мнений молодежи о роли и участии в жизни страны. Результаты исследования показали обоснованное представление молодежи в отношении собственных (поколенческих) личностных характеристик, степень участия в политической и социальной

жизни страны, опыт коммуникационных взаимодействий, определенных возрастными и историческими границами поколения.

Фокус-группы проходили в формате групповой дискуссии на заявленные вопросы. Встречи проводились в офлайн- и онлайн-формате в общеобразовательных учреждениях города Казани. Участниками стали граждане России, активные участники школьного самоуправления, юноши и девушки в возрасте 15-18 лет.

Участники фокус-групп обсудили социальные практики, характерные для представителей поколения Z. Для дискуссии выделены темы: 1) характеристики поколения Z; 2) взаимоотношения с родителями; 3) досуговая деятельность поколения Z; 4) коммуникации в сетевых сообществах; 5) ценности поколения Z; 6) позитивные и негативные эмоции поколения Z; 7) общение со сверстниками; 8) профессиональное самоопределение поколения Z; 9) отношение к патриотизму.

Поколение Z – поколение информационного общества, респонденты отметили следующие особенности поколения Z: быстрая адаптация к изменяющимся условиям, коммуникабельность, осознанность, высокий уровень толерантности, стремление к свободе, самовыражению и саморазвитию. Возможностей к самореализации у людей поколения Z больше, чем у предыдущих поколений, поскольку поколение Z мыслит шире, живет быстрее, успевает затронуть как можно больше разных аспектов за счет ускоряющегося потока жизни.

Обсуждения на фокус-группах показали, что поколение Z представляет собой не только социально-демографическую общность, но и поколенческую группу людей, отличающихся от других возрастных групп по целому ряду параметров.

В определенной степени можно утверждать, что в нашей стране происходит постепенное принятие со стороны граждан допустимости протестной активности как формата участия в политической жизни. Теоретически – это инструмент саморегуляции социально-политической системы, так как протесты указывают на «проблемные места» во взаимодействии властей и граждан. Улица выступает своеобразным индикатором неблагополучия и показывает, что какая-то проблема «назрела». Молодежь, в силу своих возрастных социально-психологических характеристик (поиск идеалов, максимализм, тяга к переменам, стремление выразить себя, в том числе, и в формате «непослушания» и т. п.) является наиболее мобилизуемым актором «политики улиц». Это показывает и исторический

опыт как прошлого, так и настоящего века. Институционализации «политики улиц» в России препятствует, как минимум, во-первых, истории с вмешательством «внешних сил» (оранжевые технологии), во-вторых, отсутствие «культуры митинга» и потенциальная опасность использования мирного протеста, примкнувшим к нему экстремистам [26].

Для определения эффективных технологий молодежной политики, соответствующих особенностям молодого поколения предпринято включенное наблюдение за реакцией лидеров и руководителей государственных структур по работе с молодежью на социальные, электоральные, публичные активности в молодежной среде, а также анализ программ, локальных документов, формирующих нормативное и содержательное поле взаимодействия с молодежью в целом, и поколением 15-18 лет в частности. Развитие позитивных тенденций и использование потенциала гражданской активности поколения Z в интересах создания и гражданского служения может быть достигнуто при формировании новой молодежной политики, в участии государства и общества в процессах социализации молодежи, развитии цивилизованных механизмов взаимоотношений между обществом и входящими в него поколениями. На наш взгляд, молодежная политика должна включать три направления: базовое; специфичные; конкретные. Среди задач, реализуемых молодежной политикой, можно отметить следующие: выполнение многопрофильной деятельности, направленной на работу с разными целевыми группами и проблемами молодежи по всем вопросам их жизнедеятельности в социуме; создание вариативных организационных форм с молодежной группой в социальной среде конкретного региона; привлечение значительного числа молодых людей к региональным проектам, событиям в рамках комплексных целевых программ.

В определенной степени можно утверждать, что в нашей стране происходит постепенное принятие со стороны граждан допустимости протестной активности как формата участия в политической жизни. Теоретически – это инструмент саморегуляции социально-политической системы, так как протесты указывают на «проблемные места» во взаимодействии властей и граждан. Улица выступает своеобразным индикатором неблагополучия и показывает, что какая-то проблема «назрела». Молодежь, в силу своих возрастных социально-психологических характеристик (поиск идеалов, максимализм, тяга к переменам, стремление выразить себя, в том числе и в формате «непослушания» и т.п.) является наиболее мобилизуемым актором «политики улиц». Это показывает и исторический

опыт как прошлого, так и настоящего века. Институционализации «политики улиц» в России препятствует, как минимум, во-первых, истории с вмешательством «внешних сил» (оранжевые технологии), во-вторых, отсутствие «культуры митинга» и потенциальная опасность использования мирного протеста примкнувшим к нему экстремистам.

«Политика улиц» предполагает, на наш взгляд, не только фигуры «уличного гражданина», но и фигуры «уличного действующего власти пререждающего», у которого определенная смелость и готовность к риску выступает профессионально-значимым качеством. Адекватная реакция лидеров государственных служб и общественных организаций создает конструктивный результат молодежной политики.

Без сомнений оранжевые уличные сценарии с применением силового противостояния властям и разгулом экстремистских проявлений должны пресекаться со стороны правоохранительных органов и спецслужб. Но надо учитывать, что зачастую уличные протесты, особенно молодежные, проходят скорее на эмоциональном отторжении действующей политики и властных фигур, а в придачу данные эмоции еще и подогреваются в социальных медиа технологиями в стиле «газлайтинг». Де-факто молодежь выходит за справедливость, за идеалы демократии (которые, увы в реальной политике не всегда присутствуют во всех странах), за «уверенность в завтрашнем дне», за «все хорошее против всего плохого». В этом плане, крайне желателен перевод протестной повестки в стиле «дой» в конструктивный разбор проблем, вызвавших протестный всплеск.

Что касается институционализации молодежного максимализма и активности, то требуется поиск и обобщение передового опыта в реализацию принципа «запуска и поддержки процессов самоорганизации и саморегуляции» в молодежной политике.

Рефлексия молодежью своего статуса и возможностей происходит в контексте сконструированного ими образа будущего. Видение своего будущего и наделение его позитивным, или негативным смыслом играет значимую роль в регулировании ее настроений. Настроения, связанные с негативным образом будущего и выраженные преимущественно в разочаровании, раздражении, возмущении, гнев становятся одним из факторов перехода вопросов молодежной повестки на политический уровень, зачастую в протестном формате. Так формируется особый тип саморегуляционной стратегии, существенную роль в которой играет «политика улиц».

Литература

1. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. Москва: Академический проект, 2024. 975 с.
2. Grasso M. Giugni M. Do Issues Matter? Anti-Austerity Protests' Composition, Value Orientations, and Action Repertoires Compared // *Research in Social Movements, Conflicts and Change*. Greenwich: JAI Press. 2016. P. 31-58.
3. Giugni M., Grasso M. *Street Citizens: Protest Politics and Social Movement Activism in the Age of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press. 2019. 244 p.
4. Дзен. Политика улиц: социальный портрет европейских протестующих. URL: <https://dzen.ru/a/Xd2HIs-SfnGOLiAR> (дата обращения: 30.03.2026).
5. Замирирад А. Политика улицы // *Вопросы национализма*. 2012. № 4 (12). С. 129-137. EDNI: QBJBCP.
6. Zammirad A. *Politik der Strasse // Das politische System Irans*. Potsdam: WeltTrends e. V., 2011. S. 94-104.
7. Политика аполитичных. Гражданские движения в России 2011–2013 гг.: коллективная монография. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 472 с.
8. ВШЭ. Раков Г.Р. Фрейминг протестов в государственных СМИ России. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/366007493>. (дата обращения: 30.03.2026).
9. Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. Т. 22, № 1. С. 162-192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8. EDNI: VVKYRG.
10. Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2012. № 2. С. 130-163. EDNI: UGCNZN.
11. Зинурова Р.И. Актуальная молодежная повестка дня в Республике Татарстан // *Управление устойчивым развитием*. 2019. № 6 (25). С. 57-62. EDNI: BEYDNJ.
12. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Идеологический дискурс экстремизма: видимое и невидимое. Казань: Издательство КНИТУ, 2010. 180 с.
13. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Региональные особенности гражданской идентификации в Республике Татарстан: опыт социологического исследования // *Управление устойчивым развитием*. 2019. № 1 (20). С. 48-54. EDNI: RHSRWC.
14. Тузиков А. Р. Динамика политических предпочтений граждан России и проектирование политических «стартапов» // *Управление устойчивым развитием*. 2020. № 6(31). С. 64-70. EDNI: RKXJJO.
15. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И., Алексеев С.А. Особенности проявления миграционных и этноконфессиональных региональных рисков в г. Казани // *Управление устойчивым развитием*. 2019. № 3 (22). С. 57-62. EDNI: CFVKUQ.
16. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Социология студенчества: теоретический статус и исследовательские практики // *Высшее образование в России*. 2019. Т. 28, № 6. С. 40-51. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-6-40-51. EDNI: QOPVQH.
17. Максимова О.А. Цифровая грамотность поколения «третьего возраста» как адаптационный ресурс в условиях информационного общества // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17, № 2. С. 103-110. DOI: 10.15688/lp.jvol.su.2018.2.10. EDNI: YPCJCH.
18. Максимова О.А., Лаукарт-Горбачева О.В. Информационно-сетевые ресурсы в повседневных практиках цифрового поколения: структура и особенности потребления // *Вестник экономики, права и социологии*. 2018. № 2. С. 179-182. EDNI: XUJWCT.
19. Максимова О.А., Шандрик Е.О. Социальные сети как пространство самоидентификации молодежи // *Вестник экономики, права и социологии*. 2016. № 4. С. 246-248. EDNI: XVAHNF.
20. Попов Н.П. Сравнительный анализ социально-политических взглядов российской и американской молодежи // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 1(149). С. 126-152. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.06. EDNI: ZBJAGD.
21. Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Бормотова Т.М., Жуков П.С. Состояние и динамика протестной активности в современном российском обществе // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2020. № 1. С. 139-151. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-139-151. EDNI: YMCAEU.
22. Зинурова Р.И. Формы гражданской активности молодого поколения // *Управление устойчивым развитием*. 2021. № 6 (37). С. 45-49. EDNI: CMGGIS.
23. Бронников И.А. Гражданский активизм в сетевых сообществах // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2020. № 1. С. 7-18. EDNI: GTFMUV.

24. Головин Ю.А., Фролов А.А. Практики сетевой гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 195-198. EDNI: WFADPJ.
25. КФУ. Эксперты КФУ – участники международного конгресса по молодежной политике. URL: <https://media.kpfu.ru/news/eksperty-kfu-uchastniki-mezhdunarodnogo-kongressa-po-molodezhnoy-politike>. (дата обращения: 30.03.2026).
26. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография. Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. 500 с.

References

1. Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships. Moscow: Academic Project, 2024. 975 p. (In Russ.)
2. Grasso M. Giugni M. Do Issues Matter? Anti-Austerity Protests' Composition, Value Orientations, and Action Repertoires Compared. In Research in Social Movements, Conflicts and Change. Green-wich: JAI Press. 2016. pp. 31-58.
3. Giugni M., Grasso M. Street Citizens: Protest Politics and Social Movement Activism in the Age of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press. 2019. 244 p.
4. Dzen. Politika ulic: social'nyj portret evropejskih protestuyushchih. Available at: <https://dzen.ru/a/Xd2HIs-SfnGOLIAR> (Accessed Date: 30.03.2026).
5. Zamirirad A. Politics of the street. Voprosy nacionalizma. 2012. No. 4 (12). pp. 129-137. EDNI: QBJBCP. (In Russ.)
6. Zamirirad A. Politic der Strasse. Das politische System Irans. Potsdam: WeltTrends e. V., 2011. S. 94-104.
7. Politika apolitichnyh. Grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011-2013 gg.: kollektivnaya monografiya. Moscow: New Literary Review, 2015. 472 p. (In Russ.)
8. Higher School of Economics. Rakov G.R. Frejming protestov v gosudarstvennyh SMI Rossii. Available at: <https://www.hse.ru/edu/vkr/366007493> . (Accessed Date: 30.03.2026). (In Russ.)
9. Zhelnina A. A., Tykanova E. V. Formal and informal civic infrastructure: contemporary studies of urban local activism in Russia. The Journal of Sociology and Social Anthropology. 2019. Vol. 22, No. 1. pp. 162-192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8. EDNI: VVKYRG. (In Russ.)
10. Bikbov A. Metodologiya issledovaniya "vnezapnogo" ulichnogo aktivizma (rossijskie mitingi i ulichnye lagerya, dekabr' 2011 - iyun' 2012). Laboratorium: Russian Review of Social Research. 2012. No. 2. pp. 130-163. EDNI: UGCNZN. (In Russ.)
11. Zinurova R.I. Current youth agenda in the Republic of Tatarstan. Managing Sustainable Development. 2019. No. 6 (25). pp. 57-62. EDNI: BEYDNJ.
12. Tuzikov A.R., Zinurova R.I. Ideologicheskij diskurs ekstremizma: vidimoe i nevidimoe. Kazan: KNRTU Publishing House, 2010. 180 p. (In Russ.)
13. Tuzikov A.R., Zinurova R.I. Regional features of civil identification in Tatarstan: experience of sociological research. Managing Sustainable Development. 2019. No. 1 (20). pp. 48-54. EDNI: RHSRWC. (In Russ.)
14. Tuzikov A. R. Dynamics of political preferences of Russian citizens and design of political "start-ups". Managing Sustainable Development. 2020. No. 6(31). pp. 64-70. EDNI: RKXJJO. (In Russ.)
15. Tuzikov A.R., Zinurova R.I., Alekseev S.A. Peculiarities of migration and ethnoconfessional regional risks manifestation in Kazan. Managing Sustainable Development. 2019. No. 3 (22). pp. 57-62. EDNI: CFVKUQ. (In Russ.)
16. Tuzikov A.R., Zinurova R.I. Sociology of students: a theoretical perspective and research practice. Higher Education in Russia. 2019. Vol. 28, No. 6. pp. 40-51. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-6-40-51. EDNI: QOPVQH. (In Russ.)
17. Maksimova O.A. Digital literacy of the "third age" generation as an adaptive resource in the information society. Logos et Praxis. 2018. Vol. 17, No. 2. pp. 103-110. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2018.2.10. EDNI: YPCJCH. (In Russ.)
18. Maksimova O.A., Laukart-Gorbacheva O.V. Information and network resources in everyday practice of digital generation: structure and consumption features. The Review of Economy, the Law and Sociology. 2018. No. 2. pp. 179-182. EDNI: XUJWCT. (In Russ.)
19. Maksimova O.A., Shandrik E.O. Social networks as a self-identification space for youth. The Review of Economy, the Law and Sociology. 2016. No. 4. pp. 246-248. EDNI: XVAHNF. (In Russ.)

20. Popov N.P. Comparative analysis of social and political views of Russian and American youth. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019. No. 1(149). pp. 126-152. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.06. EDNI: ZBJAGD. (In Russ.)
21. Yudina T.N., Mazaev Yu.N., Bormotova T.M., Zhukov P.S. State and dynamics of protest activity in modern Russian society Perm University Herald. Series Philosophia. Psychology. Sociology. 2020. No. 1. pp. 139-151. DOI: 10.17072/2078-7898/2020-1-139-151. EDNI: YMCAEU. (In Russ.)
22. Zinurova R.I. Forms of civil activity of the young generation. Managing Sustainable Development. 2021. No. 6 (37). pp. 45-49. EDNI: CMGGIS. (In Russ.)
23. Bronnikov I.A. Civic activism in network communities. Lomonosov Political Science Journal. 2020. No. 1. pp. 7-18. EDNI: GTFMUV. (In Russ.)
24. Golovin Yu.A., Frolov A.A. Network practices of civic activity in contemporary Russia. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2016. No. 2. pp. 195-198. EDNI: WFADPJ. (In Russ.)
25. KFU. Eksperty KFU – uchastniki mezhdunarodnogo kongressa po molodezhnoj politike. Available at: <https://media.kpfu.ru/news/eksperty-kfu-uchastniki-mezhdunarodnogo-kongressa-po-molodezhnoy-politike>. (Accessed Date: 30.03.2026). (In Russ.)
26. Samoregulyaciya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i social'nye praktiki: mono-grafiya. Belgorod: Epicenter LLC, 2021. 500 p. (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.
©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, зав. кафедрой государственного управления, истории, социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Zinurova Raushaniia Ilshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.
©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, the Head of the Department for Public Administration, History, Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: an.tuzikoff@yandex.ru.

М. А. Козырев, З. С. Шангареева

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Ключевые слова: эволюция семьи, собственность, молодёжь, традиционные семейные ценности, брак, брачно-семейные отношения.

В эпоху геополитики, геоэкономики и цифровых технологических трансформаций особую актуальность приобретают традиционные ценности, определяющие дальнейшее развитие социального института семьи. Глобализация перестраивает социальный институт семьи, брачно-семейные роли и отношения, экономической основой которых является собственность. Гипотеза исследования: модифицирование социального института семьи и брачно-семейных ценностей в начале XXI века характеризуется тенденцией снижения рождаемости, выходящей за рамки отдельных регионов и приобретающей мировой масштаб. Социологические методы научного изложения в статье: 1) в рамках системного подхода использован структурно-функциональный метод; 2) сравнительный, ориентированный на сходство; 3) эмпирический, опирающийся на сбор конкретных фактов и выявление закономерностей. Статья посвящена исследованию традиционных ценностей современной молодёжи в брачно-семейных отношениях, рассматриваемых как ключевой фактор воспроизводства культурных и духовно-нравственных основ российского общества. Индивидуализация и урбанизация образа жизни, характерные для современного этапа развития российского общества, оказывают значительное влияние на семейные установки и поведение молодёжи, формируя новые семейные модели. Авторы анализируют международные и отечественные социологические исследования, раскрывающие тенденции снижения рождаемости, отсроченного вступления в брак, а также влияние социально-экономических факторов на принятие решений о создании семьи и деторождении. Результаты исследований демонстрируют устойчивость традиционных семейных ценностей среди молодёжи, высокую значимость семьи как социальной и эмоциональной опоры, а также положительное отношение к официальному браку и родительству. Вместе с тем фиксируются негативные тенденции, такие как рост числа молодых людей, откладывающих вступление в брак или рождение детей, а также относительная лояльность части молодёжи к альтернативным формам семейных отношений.

M. A. Kozyrev, Z. S. Shangareeva

TRADITIONAL VALUES IN THE TRANSFORMATION OF THE SOCIAL INSTITUTION OF THE FAMILY

Keywords: family evolution, property, youth, traditional family values, marriage, marital and family relations.

In the era of geopolitics, geoeconomics, and digital technological transformation, traditional values, which determine the further development of the social institution of the family, are particularly relevant. Globalization is reshaping the social institution of the family, marital and family roles, and relationships, the economic foundation of which is property. Research hypothesis: The modification of the social institution of the family and marital and family values at the beginning of the XXI century is characterized by a trend toward declining fertility, which extends beyond individual regions and assumes a global scale. Sociological methods of scientific presentation in the article: 1) a structural-functional method is used within the framework of a systems approach; 2) a comparative method, focused on similarities; 3) an empirical method, based on the collection of specific facts and the identification of patterns. This article is devoted to the study of traditional values of modern youth in marital and family relationships, which are considered a key factor in the reproduction of the cultural, spiritual, and moral foundations of Russian society. The individualization and urbanization of lifestyles characteristic of the current stage of Russian society's development are significantly influencing the family attitudes and behavior of young people, shaping new family models. The authors analyze international and domestic sociological studies that reveal trends in declining birth rates, delayed marriage, and the influence of socioeconomic factors on decisions about starting a family and having children. The research findings demonstrate the persistence of traditional family values among young people, the high importance of family as a social and emotional support system, and a positive attitude toward formal marriage and parenthood. At the same time, negative trends are also noted, such as the increasing number of young people postponing marriage or having children, as well as the relative acceptance of alternative forms of family relationships by some young people.

Фонд ООН в области народонаселения в 2025 году провёл опрос 14 тысяч респондентов репродуктивного и нерепродуктивного возраста, проживающих в США, Индии, ЮАР, Германии и других странах. Выборка исследования охватила треть населения мира. Каждый пятый респондент отметил, что не может иметь желаемое количество детей [1]. По прогнозу ООН, к 2080 году в мире число людей в возрасте 65 лет и старше превысит число детей до 18 лет [2]. Человечество вступает в фазу демографического перехода, характеризующуюся достижением пика численности населения в ряде стран при одновременном сокращении доли трудоспособного населения и росте доли пожилых людей.

С позиции классической социологической теории демографические изменения взаимосвязаны с процессами урбанизации и индивидуализации. Французский социолог и философ Э. Дюркгейм описывает два типа солидарности: механическую, характерную для традиционного общества с преобладанием коллективизма и сохранением традиционных ценностей, и органическую, свойственную современным индустриальным обществам, которая формируется на основе разделения труда, роста городов и утраты социальных связей [3, с. 25]. Переход от механического к органическому типу солидарности сопровождается ослаблением брачно-семейных установок, ростом нуклеарных семей, что отражается на отношении к деторождению и воспитанию детей.

Снижение рождаемости выступает не только демографическим, но и социальным феноменом, отражающим изменение семейных ценностей современного общества, в том числе молодёжи. К числу ключевых факторов снижения рождаемости также относятся изменения брачно-семейных установок, ориентация на потребительские модели поведения в браке, рост социального неравенства, неопределённости и распространение прекаризации форм занятости.

Прекаризация труда, выражающаяся в нестабильности занятости без социальных гарантий, отражается на качестве жизни и репродуктивном поведении населения. Неуверенность в перспективах будущей жизни сказывается на важных социальных проблемах – вступлении в брак и планировании рождения детей [4].

Согласно исследованию, опубликованному в журнале *The Lancet* в 2024 г., к 2100 году в 97,0 % стран прирост населения окажется недостаточным для поддержания его численности, что подтверждает глобальный характер проблемы [5]. Формирование брачно-семейных отношений предполагает долгосрочное планиро-

вание, наличие социального, культурного и экономического капитала, что существенно осложняется текущей геополитической напряжённостью, структурной и идеологической конфронтацией между государствами, а также глобальным экономическим кризисом. В результате принятие решений о вступлении в брак, рождении и воспитании детей откладывается до достижения относительной стабильности в общественно-политической и социально-экономической сферах.

Российская Федерация за 2024 год заняла девятое место в мире по численности населения, при этом демографическая ситуация в стране остаётся одной из наиболее сложных из-за исторических и социально-экономических особенностей [6]. Великая Отечественная война, холодная война, развал СССР и последующий социально-экономический кризис 1990-х годов оказали значительное влияние на институт семьи и брачно-семейные установки. Суммарный коэффициент рождаемости снизился с 1,892 в 1980 г. до 1,195 в 2000 г., что привело к сокращению численности населения, его старению и росту социальной нестабильности [7]. В 2024 году суммарный коэффициент рождаемости в России составил 1,4, что существенно ниже необходимого уровня для поддержания численности населения, оцениваемого в 2,1 [8].

Демографические вызовы обуславливают необходимость формирования государственной политики, направленной на институционализацию традиционных семейных ценностей и поддержку воспроизводства населения как важнейших условий суверенитета страны.

Брачно-семейные установки крепкой семьи представляют стратегическое значение. Данное положение закреплено в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», национальным интересом и стратегическим национальным приоритетом является укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России [9]. В контексте указа социальный институт семьи является не только базовой формой организации частной жизни, но и механизмом социальной преемственности, обеспечивающим передачу ценностей, норм и моделей поведения между поколениями. В отечественной социологической науке понимание семьи получило концептуальное обоснование в работах одного из основоположников социологии семьи А. Г. Харчева, который рассматривал институт семьи как добровольный морально-психологический союз мужчины и женщины, основанный на брачных и родственных связях, выступающий основной

средой воспитания детей и воспроизводства традиционных семейных ценностей [10, с. 28].

В рамках институционального подхода традиционные семейные ценности, закреплённые в Концепции государственной семейной политики Российской Федерации до 2025 года, рассматриваются как система устойчивых социальных норм, включающая официальную регистрацию брака, равноправие супругов, воспроизводство и передачу духовно-нравственных ориентиров [11]. С. П. Акутина, исследуя структуру семьи, справедливо отмечает, что семейные ценности являются ключевым средством единения и передачи культурного наследия, сформированного на протяжении многовековой истории российского общества, отличающегося многообразием традиций [12]. Брачно-семейные отношения, в понимании автора, представляют собой комплекс социально регулируемых норм и практик взаимодействия между супругами и членами семьи, основанных на браке, через которые воспроизводятся семейные ценности и модели репродуктивного поведения.

Значимость семьи в физическом и духовном воспроизводстве населения отражается и в заявлениях руководителей государства. Так, Президент РФ В. В. Путин в 2025 году на заседании Совета по реализации государственной демографической и семейной политики подчеркнул необходимость всемерной поддержки семьи как фундаментальной основы российского общества, защиты и сбережения подлинных семейных ценностей, традиций, которые на протяжении веков объединяли и укрепляли нашу страну [13].

Практическая реализация обозначенных приоритетов осуществлялась в России в период с 2019-2024 гг. в рамках национальных проектов: «Демография», «Образование» и «Здравоохранение» [14]. В ходе их реализации была расширена инфраструктура дошкольного и школьного образования, построено более 1300 школ и отремонтировано свыше 4400 образовательных учреждений, модернизирована система здравоохранения, создано более 6 тысяч медицинских объектов, а также усилены меры поддержки семей с детьми, включая развитие программы материнского капитала, предоставление льготной семейной ипотеки и повышение доступности услуг раннего детского воспитания. С 2025 по 2030 годы реализуется национальный проект «Семья», целью которого является увеличение числа семей с детьми, в том числе многодетных, укрепление семейных ценностей. По итогам 2025 года создано и оборудовано 228 комнат матери и ребёнка в 151 учебном заведении, прове-

дён капитальный ремонт 43 детских садов, модернизированы школы искусств, библиотеки, театры и музеи [15].

Глубинные процессы изменений современного общества влияют на социально-демографическую группу молодёжи, занимающую особое положение, как наиболее мобильную и активную часть населения в период формирования ценностей и брачно-семейных установок. Именно в молодёжной среде наиболее отчётливо проявляются изменения в отношении к институтам семьи, брака и родительства, что обусловлено как социально-экономическими факторами, так и глобальными технологическими и культурными процессами.

Анализ семейных ценностных установок молодого поколения обусловлен тем, что молодёжь выступает социальным индикатором изменений представлений о браке, семье и деторождении, что позволяет выявлять системные изменения в брачно-семейных отношениях общества в целом.

Общемировые социальные процессы, включая распространение иных форм брака, пропаганду бездетности, откладывание рождения детей и создания семьи, способствуют пересмотру традиционных моделей брака и ослаблению значимости устойчивых семейных ценностей. В Российской Федерации за последние годы фиксируется тенденция повышения среднего возраста вступления в брак. Так, по данным органов ЗАГС, за пятилетний период средний возраст вступления в брак увеличился на три года и к 2025 году составил у мужчин – 35,2 года, у женщин – 33,1 года, что свидетельствует о распространении модели отсроченного оформления брачных отношений [16].

Центр развития гуманитарных технологий – «Новая Эра» в 2024 г. провёл исследование брачно-семейных установок молодёжи в возрасте от 18 до 35 лет. Так, согласно полученным материалам социологического исследования, желаемый возраст заключения брака и рождения первого ребёнка среди респондентов находится в диапазоне от 22 до 29 лет, тогда как фактический возраст рождения первого ребёнка смещается к 30-35 годам [17].

Приведённые данные подтверждаются результатами авторского социологического исследования в 2025 г. среди молодёжи города Казани. В исследовании приняли участие 162 респондента в возрасте от 18 до 30 лет, из них: женщины – 53,7 %, мужчины – 46,3 %. Выборка случайная, бесповторная.

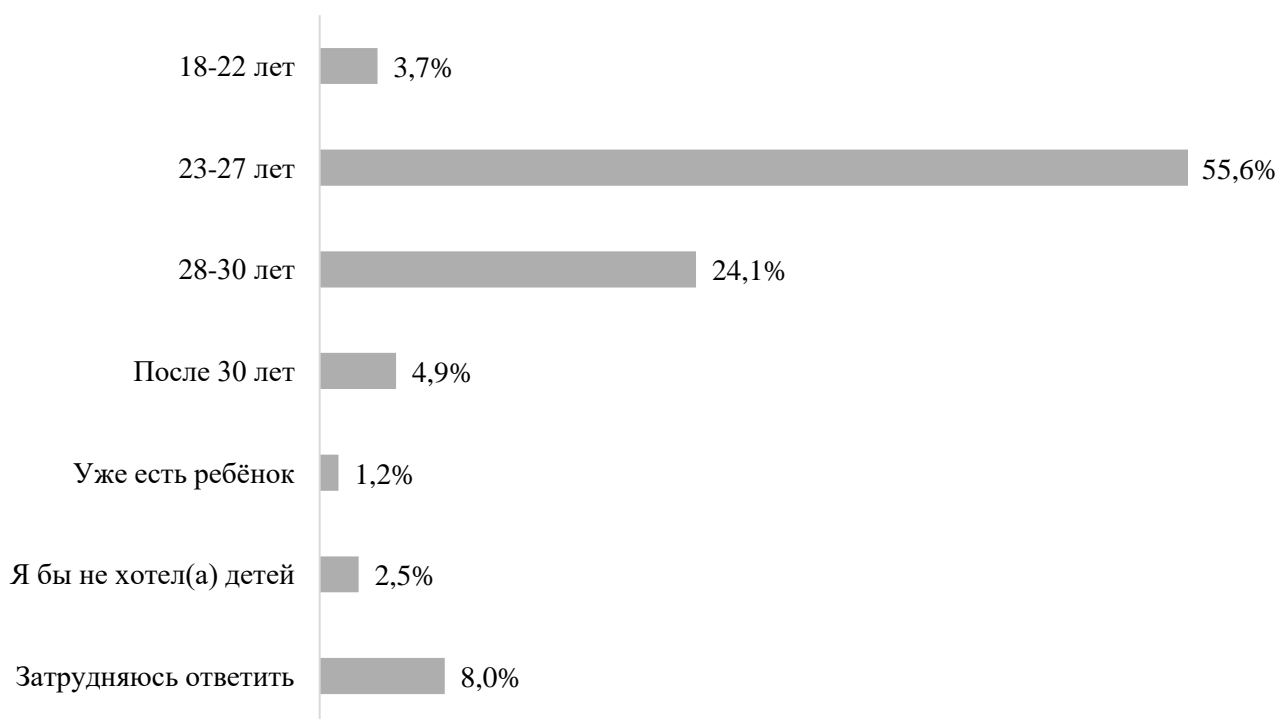
В табл. 1 приведены выбранные респондентами периоды оптимального возраста для заключения брака: от 18-22 лет (12,4 %), от 23-27 лет (58,6 %), от 28-30 лет (15,4 %), после 30 лет

(3,7 %). Следует отметить, что женщины чаще считают оптимальным периодом вступления в брак возраст от 23-27 лет (67,8 %), тогда как среди мужчин этот вариант отметили – 48,0 %. Более поздний возраст: от 28-30 лет предпочли – 26,7 % мужчин и 5,7 % женщин. Предпочтения более позднего возраста вступления в брак мужчинами обусловлены традициями ответственности мужского пола за материальное благополучие семьи.

Желаемым возрастом рождения ребёнка респонденты считают периоды: от 23-27 лет (55,6 %), от 28-30 лет – 24,1 % (рис. 1). Следовательно, практика выбора более позднего возраста вступления в брак у части молодёжи сопряжена с увеличением возраста родителей при рождении первого ребёнка, что отражается на динамике воспроизводства населения.

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какой возраст Вы считаете оптимальным для заключения брака в органах ЗАГС?», в % к числу опрошенных

Варианты ответов	Пол респондентов		Всего
	Мужской	Женский	
18-22 лет	12,0 %	12,6 %	12,4 %
23-27 лет	48,0 %	67,8 %	58,6 %
28-30 лет	26,7 %	5,7 %	15,4 %
После 30 лет	4,0 %	3,4 %	3,7 %
Затрудняюсь ответить	9,3 %	10,5 %	9,9 %
Всего	100 %	100 %	100 %

Рис. 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «В каком возрасте Вы бы хотели завести ребёнка?», в % к числу опрошенных

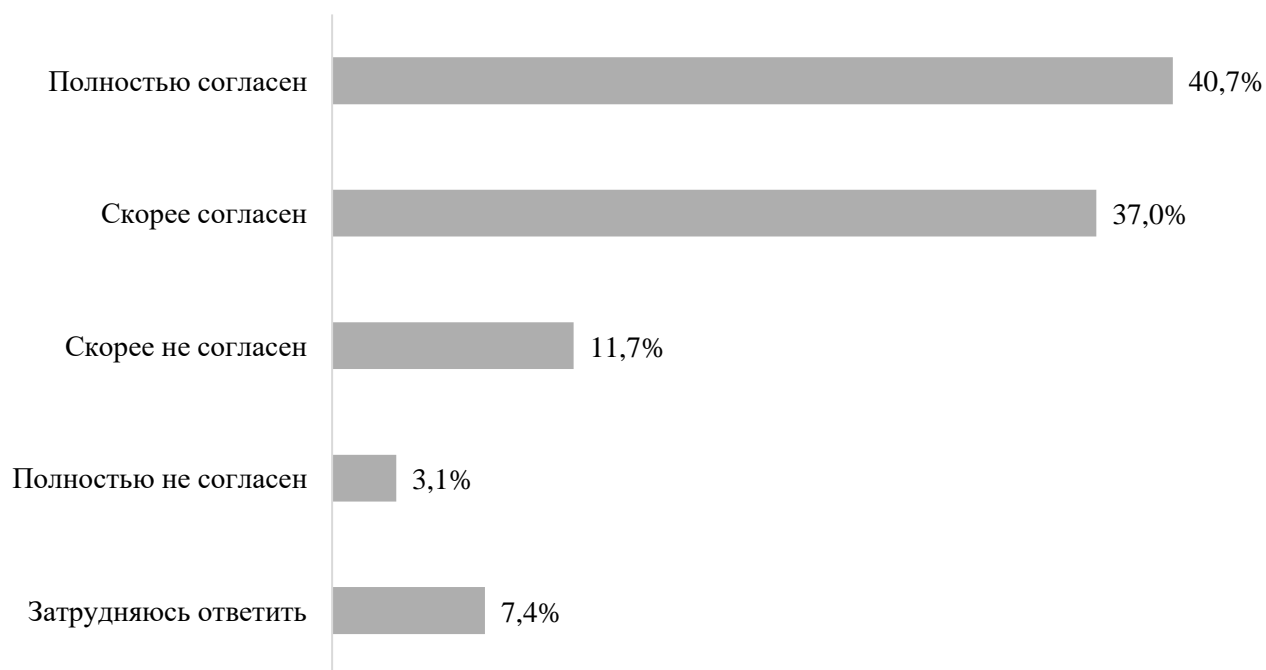
По данным опроса, большинство молодёжи воспринимает свою семью как пример традиционных семейных ценностей: полное согласие отметили – 40,7 % респондентов, скорее согласны – 37,0 % опрошенных, скорее не согласны и полностью не согласны – 14,8 % (рис. 2). Распределение ответов показывает, что для большинства молодёжи семья остаётся первичным социальным институтом, где закладываются ключевые моральные нормы.

В структуре представлений о традиционных семейных ценностях среди молодёжи лидирующие позиции занимают: уважение (65,43 %), любовь (62,96 %) и верность (56,79 %). Полученные данные согласуются с результатами исследования ВЦИОМ, проведённого в 2023 году, где главным условием для создания семьи респонденты считают – любовь (57,0 %) [18]. Схожесть результатов исследований позволяет резюмировать идентичность традиционных семейных ценностей, характерных для России. В то же время анализ мнений респондентов в отношении обязательности детей для семьи демонстрирует трансформацию ценностных установок. На обязательность наличия детей для семьи указали – 32,1 % респондентов, вариант «скорее да, наличие детей важно, но не обязательно» выбрали – 42,6 % опрошенных. Наблюдается тенденция, что почти пятая часть респондентов (18,5 %) указала на необязательность наличия детей для семьи. Выявленные данные

требуют социологических исследований факторов, детерминирующих отказ от рождения детей в семье. Одновременно в обществе наблюдается явление соло-материнства – рождение «ребёнка для себя».

Проанализированные эмпирические материалы свидетельствуют о смещении установок заключения брака на основе любви для последующего рождения и воспитания детей на форму брака без детей. Данные изменения установок формы семьи обусловлены сменой общественной формации – переходом от государственной собственности, основанной на общих идеях построения социально ориентированного общества, к частной, которая требует расчёта финансовых возможностей для воспитания детей.

Выдающийся русский историк и социолог М. М. Ковалевский в своих исследованиях отмечал, что социальный институт семьи исторически изменяется под влиянием форм собственности и материальных условий жизни. Характер имущественных отношений и уровень экономической обеспеченности определяют степень солидарности в семье, влияя на сплочённость и деторождение. Разложение традиционной семьи сопряжено с процессами индивидуализации и утратой общинной собственности, что влечёт за собой ослабление межпоколенческих связей и снижение значимости института родительства [19].

Рис. 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, семья, в которой Вы выросли, является примером традиционных семейных ценностей?», в % к числу опрошенных

Эмпирические материалы отечественных исследований свидетельствуют о высокой нормативной значимости института семьи в системе ценностей российского общества. Согласно данным ВЦИОМ от 24 января 2024 г., представление о крепкой семье занимает центральное место в ценностных ориентирах россиян. Так, семью как ключевую жизненную ценность рассматривают 67,0 % респондентов. Три четверти респондентов в возрасте от 18 до 34 лет указали создание семьи в качестве приоритетной жизненной цели [20].

Результаты последующих исследований ВЦИОМ подтверждают значимость традиционных семейных ценностей. Так, по данным опроса от 22 ноября 2024 г. подавляющее большинство россиян (89,0 %) выражают убежденность в том, что для семьи наличие детей обязательно. К периоду опроса 88,0 % респондентов либо уже имели детей, либо планировали их рождение [21]. Традиционные семейные ценности глубоко укоренены в сознании российского общества, в том числе молодежи, и служат основой для воспроизводства традиционных моделей брака и создания семьи.

По данным социологического исследования семейных ценностей современной молодежи Л. В. Рожковой и А. Ш. Дубиной, проведенного в 2023 году, институт семьи занимает лидирующие позиции в структуре базовых ценностей респондентов: в Поволжье – 65,3 %, в Крыму – 69,7 %, в Москве – 67,84 % и в Санкт-Петербурге – 64,3 % [22]. Исследование также подтверждает значимость семейных ценностей для 72,1 % респондентов. Большая часть опрошенных – 61,8 % планирует зарегистрировать брак с целью рождения детей. Среди семейных ценностей для молодых людей г. Пензы важны: эмоциональный и психологический комфорт – 85,3 %, доверие – 85,3 %, любовь – 67,4 %, помощь родителям – 50,0 %. Однако не собираются заводить детей – 22,1 % опрошенных, что является проблемой, требующей глубокого исследования. Молодежь более старшего возраста, увы, чаще демонстрирует положительное отношение к сожительству. Вышесказанное отражает влияние современных социальных изменений и наличие тенденций к трансформации традиционных моделей брачно-семейных отношений, в основе которых, на наш взгляд, заложено решение фундаментальной проблемы собственности для каждой семьи.

Сравнительный анализ показывает, что подобные тенденции характерны не только для России, но и для Сербии, со схожими со-

циокультурными параметрами. В исследовании, посвященном анализу традиционных семейных ценностей как детерминанты брачного и репродуктивного поведения молодежи на примере Южной и Восточной Сербии, авторами Pesic Jenackovic D., Markovic Krstic S. указывается, что по данным переписи населения в 2017 году средний возраст вступления в брак у мужчин составил 33,5 года, у женщин – 30,2 года [23]. Авторы предположили, что семья, в которой родился ребенок, способна оказывать влияние на поведение молодежи и, следовательно, может быть важным фактором, определяющим брачно-семейные отношения. Была выдвинута гипотеза о связи брачного и репродуктивного поведения молодежи со степенью традиционности семей, в которых они родились. Анкетный опрос проходил с 2018 по 2019 гг. при квотной выборке респондентов 500 человек в возрасте от 15 до 34 лет. Полученные результаты показали устойчивую связь между ценностями семьи, в которой родились респонденты, и установками на брак и родительство: респонденты, выросшие в преимущественно традиционных семьях, демонстрировали более высокую значимость официального брака, деторождения и родительских ролей, тогда как сожительство и внебрачное родительство оценивались ими существенно ниже.

Таким образом, на современном этапе развития российского общества процессы укрепления национального суверенитета охватывают не только политическую, экономическую и военную сферы, но и духовно-нравственную, в рамках которой приоритетное значение приобретает укрепление семьи и брака как фундаментальных социальных институтов, обеспечивающих повышение рождаемости, сохранение и воспроизводство традиционных ценностей. Молодежь на этапе становления отличается высокой восприимчивостью к социальным и культурным влияниям, что делает процесс формирования ценностных ориентиров молодого поколения особенно уязвимым.

В новых условиях брачно-семейные отношения продолжают выполнять функцию поддержания порядка и гармонии в обществе, обеспечивая социальную интеграцию и солидарность. Ключевую роль в передаче духовно-нравственных ценностей играет семья как базовый институт социализации, в котором формируются модели семейного поведения. Традиционные семейные ценности закрепляются на государственном уровне и являются скрепляющим элементом, обеспечивающим единство и сохранение народа России.

Проведённый теоретико-эмпирический анализ подтверждает выдвинутую гипотезу об эволюции социального института семьи и

брачно-семейных отношений, характерной для капиталистической формации нового времени.

Литература

1. ТАСС. ООН: мир столкнулся с беспрецедентным кризисом рождаемости. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24186427> (дата обращения: 25.03.2026).
2. ООН. Старение населения. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/ageing> (дата обращения: 25.03.2026).
3. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. Москва: Изд-во Юрайт, 2025. 307 с. ISBN 978-5-534-06587-9.
4. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6 (374). С. 3-13. EDNI: UAXUBZ.
5. Institute for Health Metrics and Evaluation. The Lancet: Dramatic declines in global fertility rates set to transform global population patterns by 2100. Institute for Health Metrics and Evaluation. URL: <https://www.healthdata.org/news-events/newsroom/news-releases/lancet-dramatic-declines-global-fertility-rates-set-transform> (дата обращения: 25.03.2026).
6. UN. Data Portal Population Division. URL: <https://population.un.org/dataportal/> (дата обращения: 25.03.2026).
7. Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата (ЕМИСС). Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 25.03.2026).
8. ТАСС. Суммарный коэффициент рождаемости в РФ в 2024 году составил 1,4. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23514297> (дата обращения: 25.03.2026).
9. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. Указ Президента РФ от 2.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/401425792/> (дата обращения: 25.03.2026).
10. Бурова С.Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии. Монография. Минск: Право и экономика, 2010. 444 с.
11. Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года». URL: <https://base.garant.ru/70727660/> (дата обращения: 25.03.2026).
12. Акутина С.П. К проблеме классификации семейных духовно-нравственных ценностей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 94. С. 9-15. EDNI: JWSRET.
13. Президент России. Заседание Совета по реализации государственной демографической и семейной политики. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78273> (дата обращения: 25.03.2026).
14. Национальные проекты России. Национальные проекты: проекты 2019-2024. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects> (дата обращения: 25.03.2026).
15. Правительство России. Татьяна Голикова провела совещание по национальному проекту «Семья». URL: <http://government.ru/news/56705/> (дата обращения: 25.03.2026).
16. Реестр ЗАГС Информационно-аналитический портал. Заключение брака. URL: <https://zags.nalog.gov.ru/analytics/marriage> (дата обращения: 25.03.2026).
17. Центр развития Новая эра. Восприятие семьи молодёжью. URL: <https://new-era.space/center/nir/3013/> (дата обращения: 25.03.2026).
18. ВЦИОМ. Идеальная семья – 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023> (дата обращения: 25.03.2026).
19. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Москва: Изд-во Юрайт, 2025. 171 с.
20. ВЦИОМ. Семья как ценность. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 25.03.2026).
21. ВЦИОМ. Семья в системе российских ценностей. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (дата обращения: 25.03.2026).
22. Рожкова Л.В., Дубина А.Ш. Семейные ценности современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 2. С. 138-142. DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142. EDNI: JEVTPY.

23. Pesic-Jenackovic D., Markovic-Krstic S. Traditional family values as a determinant of the marital and reproductive behavior of young people: the case of Southern and Eastern Serbia // Stanovnistvo. 2021. Vol 59. № 2. P. 23-41. DOI:10.2298/STNV210420004P.

References

1. TASS. OON: mir stolknulsya s besprecedentnym krizisom rozhdaemosti. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/24186427> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
2. UN. Starenie naseleniya. Available at: <https://www.un.org/ru/global-issues/ageing> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
3. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, and purpose. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 307 p. ISBN 978-5-534-06587-9. (In Russ.)
4. Toshchenko J.T. Precariat – a new social class. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. No. 6 (374). pp. 3-13. EDNI: UAXUBZ. (In Russ.)
5. Institute of Health Indicators and Assessment. The Lancet: A sharp decline in the global birth rate, which is expected to change the global population structure by 2100. Institute of Health Indicators and Assessment. Available at: <https://www.healthdata.org/news-events/newsroom/news-releases/lancet-dramatic-declines-global-fertility-rates-set-transform> (Accessed Date: 25.03.2026).
6. UN. Data Portal Population Division. Available at: <https://population.un.org/dataportal/> (Accessed Date: 25.03.2026).
7. Edinaya mezhvedomstvennaya informacionno-statisticheskaya sistema Rosstata (EMISS). Summarnyj koeficient rozhdaemosti. Available at: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
8. TASS. Summarnyj koeficient rozhdaemosti v RF v 2024 godu sostavil 1,4. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/23514297> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
9. Informacionno-pravovoj portal GARANT.RU. Ukaz Prezidenta RF ot 2.07.2021 g. № 400 “O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii”. Available at: <https://base.garant.ru/401425792/> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
10. Burova S.N. Sociologiya braka i sem'i: istoriya, teoreticheskie osnovy, personalii. Monografiya. Minsk: Law and Economics, 2010. 444 p. (In Russ.)
11. Informacionno-pravovoj portal GARANT.RU. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25.08.2014 g. № 1618-r “Ob utverzhenii Konceptii gosudarstvennoj semejnoy politiki v RF na period do 2025 goda”. Available at: <https://base.garant.ru/70727660/> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
12. Akutina S.P. K probleme klassifikacii semejnyh duhovno-nravstvennyh cennostej. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & ScienceS 2009. No. 94. pp. 9-15. EDNI: JWSRET. (In Russ.)
13. Prezident Rossii. Zasedanie Soveta po realizacii gosudarstvennoj demograficheskoj i semejnoy politiki. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/78273> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
14. Nacional'nye proekty Rossii. Nacional'nye proekty: proekty 2019-2024. Available at: <https://национальныепроекты.RF/projects> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
15. Pravitel'stvo Rossii. Tat'yana Golikova provela soveshchanie po nacional'nomu proektu “Sem'ya”. Available at: <http://government.ru/news/56705/> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
16. Reestr ZAGS Informacionno-analiticheskij portal. Zaklyuchenie braka. Available at: <https://zags.nalog.gov.ru/analytics/marriage> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
17. Centr razvitiya Novaya era. Vospriyatie sem'i molodyozh'yu. Available at: <https://new-era.space/center/nir/3013/> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
18. VCIOM. Ideal'naya sem'ya – 2023. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
19. Kovalevsky M.M. Oчерk proiskhozhdeniya i razvitiya sem'i i sobstvennosti. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 171 p. (In Russ.)
20. VCIOM. Sem'ya kak cennost' Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
21. VCIOM. Sem'ya v sisteme rossijskih cennostej. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossijskih-cennostej> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
22. Rozhkova L.V., Dubina A.Sh. Contemporary youth family values. Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology. 2023. Vol. 23, No. 2. pp. 138-142. DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142. EDNI: JEVTPY. DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142. EDITED number. (In Russ.)
23. Pesic-Enakovic D., Markovic-Krstic S. Traditional family values as a determinant of marital and reproductive behavior of youth: on the example of Southern and Eastern Serbia // Formation. 2021. Volume 59. No. 2. pp. 23-41. DOI:10.2298/STNV210420004P.

Сведения об авторах:

©**Козырев Максим Артурович** – аспирант, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, Казань, e-mail: kozyrev_01@mail.ru.

©**Шангареева Зилья Саетмухаметовна** – доктор социологических наук, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, Казань, e-mail: zilyana2008@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Kozyrev Maksim Arturovich** – postgraduate student, Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russian Federation, Kazan, e-mail: kozyrev_01@mail.ru.

©**Shangareeva Zilya Saetmukhametovna** – Doctor of Sociological Sciences, Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russian Federation, Kazan, e-mail: zilyana2008@yandex.ru.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378.147

DOI: 10.55421/2499992X_2026_2_74

И. В. Мандрица, О. В. Мандрица, В. В. Антонов

МЕТОД «ПАРЕТО-СПРИНТОВ» КАК ОСНОВА ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: информационная безопасность; педагогические методы; Парето-спринт; рациональность затрат на защиту; таксономия Блума; компетентностный подход; управление рисками; ФСТЭК; качество образования.

Современной концепцией подготовки специалистов в системе высшего образования предусматривается постоянное совершенствование дидактических методик на основе научно-ориентированных и инновационных разработок для повышения качества подготовки специалистов, способных интегрироваться в профессиональную деятельность на рынке труда. Особое значение приобретает подготовка специалистов по информационной безопасности, спрос на которых возрастает в связи с цифровизацией социально-экономических систем и бизнес-процессов. Традиционные образовательные программы, построенные по дисциплинарному принципу, обеспечивают широкий теоретический охват, однако формируют фрагментарные компетенции, не интегрированные в единый процесс управления рисками. Ответом на данный вызов является предлагаемая авторская дидактическая методика «Парето-спринтов», объединяющая риск-ориентированный подход к формированию содержания обучения с измеримыми педагогическими результатами, выраженными через интегральный показатель профессиональной компетентности. В статье рассматривается содержание предлагаемой методики «Парето-спринтов» на основе 16 факторной модели угроз и педагогическом подходе, реализующем три принципа: данно-ориентированное содержание (основанное на актуальной базе угроз), прогрессивное усложнение (соответствующее таксономии уровней освоения) и экономическое мышление (обоснование защитных мер через рациональность затрат) в процессе подготовки студентов по направлению «Информационная безопасность». Методика основана на принципе Парето (80/20), применённом к Банку данных угроз ФСТЭК России: 227 угроз агрегированы в 16-факторное ядро, охватывающее 96 % совокупного риска. Каждый из 16 спринтов длительностью 2 учебные недели включает четыре этапа: (1) анализ угрозы и расчёт индекса токсичности TDI, (2) выбор контрмеры из матрицы решений, (3) расчёт показателя рациональности затрат на защиту (P33), (4) публичная защита перед «советом директоров». Этапы поставлены в соответствие уровням таксономии Блума ($L = 0,25; 0,50; 0,75; 1,00$), что обеспечивает измеримость компетенций через интегральный показатель. Приведено теоретическое обоснование методики в рамках конструктивного согласования (J. Biggs), теории поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин) и зоны ближайшего развития (Л. С. Выготский).

I. V. Mandritsa, O. V. Mandritsa, V. V. Antonov

THE «PARETO SPRINTS» METHOD AS A BASIS FOR EVALUATING THE RESULTS OF TRAINING INFORMATION SECURITY SPECIALISTS

Keywords: information security; pedagogical methods; Pareto sprint; rationality of protection costs; Bloom's taxonomy; competence-based approach; risk management; FSTEC; quality of education.

The modern concept of training specialists in the higher education system provides for the continuous improvement of didactic methods based on science-oriented and innovative developments to improve the quality of training specialists capable of integrating into professional activities in the labor market. Of particular importance is the training of information security specialists, whose demand is increasing due to the digitalization of socio-economic systems and business processes. Traditional educational programs based on the disciplinary principle provide a broad theoretical coverage, but form fragmented competencies that are not integrated into a single risk management process. The answer to this challenge is the author's proposed didactic method of "Pareto sprints", which combines a risk-based approach to the formation of learning content with measurable pedagogical results expressed through an integral indicator of professional competence. The article examines the content of the proposed "Pareto sprints" methodology based on a 16-factor threat model and a pedagogical approach that implements three principles: data-oriented content (based on an up-to-date threat base), progressive complication (corresponding to the taxonomy of

development levels) and economic thinking (justification of protective measures through cost rationality) in the process of student training in the field of "Information security". The methodology is based on the Pareto (80/20) principle applied to the Threat Database of the FSTEC of Russia: 227 threats are aggregated into a 16-factor core covering 96 % of the total risk. Each of the 16 sprints lasting 2 academic weeks includes four stages: (1) threat analysis and calculation of the TDI toxicity index, (2) selection of a countermeasure from the decision matrix, (3) calculation of the cost-effectiveness indicator for protection, (4) public defense before the "board of directors". The stages are aligned with the levels of Bloom's taxonomy ($L = 0.25; 0.50; 0.75; 1.00$), which ensures the measurability of competencies through an integral indicator. The theoretical justification of the methodology is given in the framework of constructive coordination (Biggs), the theory of step-by-step formation of mental actions (Galperin) and the zone of proximal development (Vygotsky).

Введение

Цифровизация социально-экономических систем формирует устойчивый дефицит специалистов по информационной безопасности (ИБ), способных принимать обоснованные решения в условиях ресурсных ограничений и динамично изменяющегося ландшафта угроз [1, 2]. По данным World Economic Forum, к 2025 году глобальный дефицит кадров в области кибербезопасности превысил 4 миллиона человек [1]. Следствием применения традиционных образовательных программ является «синдром отличника»: выпускник с высокими академическими баллами не готов к решению первоочередной профессиональной задачи – приоритизации защитных мер в условиях ограниченного бюджета [3-5].

В сложившейся ситуации ответом на данный вызов является предлагаемая авторская дидактическая методика «Парето-спринтов», объединяющая риск-ориентированный подход к формированию содержания обучения с измеримыми педагогическими результатами, выраженными через интегральный показатель профессиональной компетентности для разработчиков образовательных программ по направлениям 10.03.01 и 10.05.01.

Проблема подготовки специалистов ИБ: педагогический аспект

Анализ действующих образовательных программ по направлению 10.03.01 «Информационная безопасность» выявил четыре системных ограничения традиционной модели подготовки.

Первое ограничение – отсутствие количественной приоритизации учебного времени. Равный временной ресурс выделяется угрозам, различающимся по потенциальному ущербу на порядки. Это противоречит принципу концентрации ресурсов на критических факторах, обоснованному в теории управления рисками [3, 4].

Второе ограничение – декларативность знаний. Студент знает «что такое DLP-система», однако не способен обосновать выбор между StaffCop и InfoWatch исходя из модели угроз и бюджета конкретной организации. Декларативное

знание не трансформируется в операциональное умение [6].

Третье ограничение – фрагментарность компетенций. Навыки формируются в рамках отдельных дисциплин, не интегрируясь в единый процесс управления информационными рисками. Это делает невозможным применение концепции «защита пропорционально риску» на практике [5].

Четвёртое ограничение – непрозрачность оценки. Отсутствуют измеримые метрики, связывающие уровень знаний студента с его потенциалом снижения реальных рисков ИБ. Оценка строится на репродуктивных показателях (баллы за тест, оценка за экзамен), а не на демонстрации компетентности в ситуациях профессиональной неопределённости.

Преодоление указанных ограничений требует педагогического подхода, реализующего три принципа: данно-ориентированное содержание (основанное на актуальной базе угроз), прогрессивное усложнение (соответствующее таксономии уровней освоения) и экономическое мышление (обоснование защитных мер через рациональность затрат).

Теоретические основания методики

Авторская методика «Парето-спринтов» опирается на три педагогические концепции, совместное применение которых обеспечивает её теоретическую состоятельность.

Концепция конструктивного согласования (Constructive Alignment, Biggs & Tang, 2022) [6] постулирует необходимость выравнивания трёх элементов: целей обучения, учебной деятельности и системы оценки. В предлагаемой методике цели (уровни $L_j \in \{0,25; 0,50; 0,75; 1,00\}$) соответствуют этапам спринта, а итоговая оценка – публичной защите перед «советом директоров» – прямо связана с демонстрацией достигнутого уровня L_j .

Теория поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин) предполагает последовательное прохождение пяти этапов: мотивационного, ориентировочного, материального (материализованного), речевого и умствен-

ного. Четыре этапа Парето-спринта воспроизводят эту прогрессию применительно к профессиональной задаче специалиста ИБ: от ориентировки в угрозе (этап 1) до интериоризованного умения публично аргументировать решение (этап 4).

Концепция зоны ближайшего развития (Л. С. Выготский) обосновывает выбор порогового значения $K \geq 0,75$ (8 из 16 факторов на уровне «анализ»): это зона, достижимая при квалифицированном педагогическом сопровождении (этап 4), но требующая усилий сверх самостоятельного изучения (этапы 1–3). Приглашённый эксперт-практик в роли «совета директоров» выступает медиатором развития в этой зоне.

Краткое изложение 16-факторной модели угроз как основы методики

Ранее были проведены исследования рисков бизнес-информации по этапам бизнес-процесса организации и подробное изложение модели угроз представлено авторами в работе [7]. Для целей настоящей статьи приведём ключевые формулы, необходимые для понимания методики.

Интегральный индекс токсичности угрозы TDI_i вычисляется по формуле (1):

$$TDI_i = (2C_i + 2I_i + 2A_i) \cdot P_i \cdot V_i \cdot S_i \cdot (1 + K_i) \quad (1)$$

где $C_i, I_i, A_i \in \{0,1\}$ – нарушения конфиденциальности, целостности и доступности соответственно; $P_i \in \{1, 2, 3\}$ – потенциал нарушителя; $V_i \in [1, 3]$ – вектор атаки; $S_i \in [1,1; 1,3]$ – источник угрозы; $K_i \geq 0$ – сложность объекта воздействия. Нормализованный индекс определяется по формуле (2):

$$TDI_i^{norm} = 100 \cdot (TDI_i - \min(TDI)) / (\max(TDI) - \min(TDI)) \quad (2)$$

Применение принципа Парето к ранжированному распределению 227 угроз БДУ ФСТЭК России позволило выделить устойчивое ядро из 16 доменов, удовлетворяющих условию (3):

$$\sum_{k=1}^{16} TDI_k \approx 0,96 \quad (3)$$

Табл. 1 содержит распределение 16 факторов Парето-ядра с их индексами токсичности и вкладом в совокупный риск (подробные данные по кластерам УБИ приведены в работе [7]).

Авторская дидактическая методика «Парето-спринтов»

Методика «Парето-спринтов» представляет собой 32-недельный цикл из 16 дидактических модулей (спринтов), каждый из которых посвящён освоению одного фактора из Парето-ядра угроз. Длительность одного спринта – 2 учебные недели (6–8 аудиторных занятий). Структура методики схематически представлена на рисунке 1.

Спринты упорядочены по убыванию TDI : студент последовательно осваивает факторы от наиболее токсичных (Cloud Security, $TDI=949,5$) к наименее токсичным (DLP, $TDI=30,5$). Это обеспечивает максимальный прирост показателя K на начальных этапах обучения, что соответствует принципу быстрого результата (Quick Win), формируя устойчивую учебную мотивацию. Схема реализации методики представлена на рис. 1.

Таблица 1 – Парето-ядро: 16 факторов угроз и их вклад в совокупный риск ИБ

№	Фактор угроз (домен ИБ)	Русское название	TDI	Вклад, %
1	Cloud Security (CSPM/CIEM)	Облачная безопасность	949,5	18,1
2	Virtualization (Hardening)	Безопасность виртуализации	621,7	11,9
3	Firmware / UEFI	Защита микропрограмм	617,9	11,8
4	Endpoint (EDR/Ransomware)	Защита конечных точек	519,2	9,9
5	AppSec (SAST/WAF)	Безопасность приложений	421,4	8,0
6	IAM (Lifecycle/IGA)	Управление идентификацией	365,5	7,0
7	MFA & Encryption	МФА и шифрование	286,3	5,5
8	Phishing	Защита от фишинга	281,5	5,4
9	Key Mgmt (Crypto)	Управление ключами	265,2	5,1
10	Config Drift (Changes)	Контроль конфигураций	178,3	3,4
11	Vulnerability (Patching)	Управление уязвимостями	157,0	3,0
12	Backup & DR (Recovery)	Резервное копирование	117,1	2,2
13	MTTD (Detection)	Обнаружение угроз	104,5	2,0
14	Segmentation (Network)	Сегментация сети	62,6	1,2
15	PAM (Privileged Access)	Управление привилегиями	57,1	1,1
16	DLP (Leaks)	Предотвращение утечек	30,5	0,6
	ИТОГО (16 факторов)	96 % совокупного риска	5 035	96,1

Четырёхэтапный дидактический цикл освоения одного фактора из 16-элементного Парето-ядра угроз

ФАКТОРОВ 16 Парето-ядро БДУ ФСТЭК; 96% совокупного риска	СПРИНТОВ 16 1 спринт = 1 фактор угрозы = 2 учебные недели	ДЛИТЕЛЬНОСТЬ 32 нед. Соответствует двум семестровым курсам	ЦЕЛЕВОЙ К ≥ 0,75 Уровень «анализ» по таксономии Блума
--	---	--	---

ЭТАПЫ ОДНОГО ПАРЕТО-СПРИНТА (2 УЧЕБНЫЕ НЕДЕЛИ)

1 Угроза и индекс TDI Разбор фактора из Парето-ядра. Расчёт нормированного индекса токсичности TDI_i^{norm} . Кластерная позиция в БДУ ФСТЭК. 2–3 аудиторных занятия	2 Выбор контрмеры Кейс: бюджетное решение (Start/SMB) vs. корпоративное (Enterprise). Обоснование по матрице Таблицы 2 в условиях ограниченного бюджета. 2 аудиторных занятия	3 Рациональность затрат P33_j Расчёт показателя рациональности затрат на защиту. Сравнение вариантов по соотношению снижения ущерба и стоимости контрмеры. 1–2 аудиторных занятия	4 «Совет директоров» Публичная защита перед преподавателем и экспертом-практиком. Оценка по шкале L _j . Обновление интегрального показателя К. 1 занятие (зачётное)
---	--	--	---

ФОРМУЛА P33_j (ЭТАП 3 СПРИНТА)	$P33_j = \Delta Y_j / Z_j = (Y_0 - Y_j) / Z_j \quad (8)$ <p> $P33_j$ — показатель рациональности затрат на защиту по j-му фактору угроз, руб./руб.; ΔY_j — снижение ожидаемого ущерба после внедрения j-й контрмеры защиты, руб./год; Y_0 — базовый ожидаемый ущерб без применения меры защиты, руб./год; Y_j — остаточный ожидаемый ущерб после применения j-й контрмеры, руб./год; Z_j — совокупные затраты на j-ю меру защиты (CapEx + OpEx), руб./год. </p>
---	--

Критерий рациональности: $P33_j > 1$ — затраты экономически обоснованы; $P33_j < 1$ — контрмера нецелесообразна при данном уровне TDI_j . Студент выбирает Quick Win по максимуму $P33_j$ в условиях ограниченного бюджета.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ 16 СПРИНТОВ ПО ФАКТОРАМ ПАРЕТО-ЯДРА УГРОЗ

№ Спринт	Фактор Домен угр	TDI Индекс	Вклад Риска, %	№ Спринт	Фактор Домен угр	TDI Индекс	Вклад Риска, %
1 Cloud Sec.	CSPM Облако	949	18,1%	9 Key Mgmt	Крипто Ключи	265	5,1%
2 Virtualizat.	Hardening Вирт-я	622	11,9%	10 Config Drift	FIM/GitOps Конфиг	178	3,4%
3 Firmware	UEFI/TPM Прошивка	618	11,8%	11 Vuln.Patch	OpenVAS Патчи	157	3,0%
4 Endpoint	EDR/Ransom Конечн.	519	9,9%	12 Backup/DR	3-2-1 Rule Бэкап	117	2,2%
5 AppSec	SAST/WAF Прилож.	421	8,0%	13 MTTD	SIEM/SOC Детект.	105	2,0%
6 IAM	IGA/Lifecycle Доступ	366	7,0%	14 Segmentat.	VLAN/NGFW Сеть	63	1,2%
7 MFA+Crypto	MFA/BitLock Шифров.	286	5,5%	15 PAM	Guacamole Привил.	57	1,1%
8 Phishing	DMARC/Train Фишинг	282	5,4%	16 DLP	StaffCop Утечки	30	0,6%

Спринты 1–4: «Тяжёлое ядро» — 51,7% риска   Спринты 5–8: «Прикладной пояс» — 25,9% риска

Спринты 9–16: «Управленческий слой» — 18,3% риска

Источник: авторская разработка. TDI — Threat Damage Index (формула 2). P33 — показатель рациональности затрат на защиту (формула 8). Данные по кластеризации угроз: БДУ ФСТЭК России (декабрь 2025 г.). Пороговые значения К — по шкале освоения компетенций (Таблица 3).

Рис. 1 – Структура авторской методики «Парето-спринтов»

Этап 1: анализ угрозы и расчёт индекса токсичности TDI ($L_j \rightarrow 0,25$). На первом этапе студент осваивает аналитическую основу работы с факторами Парето-ядра. Дидактическая цель – достижение уровня «знание/понимание» по таксономии Блума: воспроизведение определений, объяснение структуры модели, расчёт TDI_i по формулам (1) и (2).

Практическая работа включает выгрузку данных по заданному фактору из БДУ ФСТЭК, расчёт TDI_i для всех угроз кластера, нормализацию по формуле (2) и построение ранжированного списка с указанием кумулятивного вклада.

Педагогический результат этапа: студент знает, «что» представляет собой угроза и умеет количественно оценить её токсичность. Ожидаемое значение: $L_j = 0,25$. Схема реализации этапа методики представлена на рис. 2.

Этап 2: выбор контрмеры из матрицы решений ($L_j \rightarrow 0,50$). На втором этапе студент переходит к практическому применению знаний в условиях кейс-задачи. Ему предъявляется конкретная организация (отраслевой сектор, размер, бюджет ИБ) и предлагается выбрать из матрицы решений контрмеру для изучаемого фактора угроз.

Матрица содержит для каждого из 16 доменов: бюджетное решение (Start/SMB) с примерной стоимостью, корпоративное решение (Enterprise), Quick Win – немедленно реализуемую меру с минимальными затратами. Подобная структура формирует у студента навык работы с реальными ценовыми ограничениями, отсутствующий при традиционном обучении.

Дидактическое содержание, целевые компетенции и ожидаемый уровень освоения $L_j = 0,25$ по таксономии Блума

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ЭТАПА
 Студент способен самостоятельно рассчитать нормированный индекс токсичности TDI_i^{norm} для заданного фактора из Парето-ядра, объяснить мультипликативную структуру модели угроз и позиционировать фактор в кластерном распределении БДУ ФСТЭК России.

ПРОГРЕСС ПО УРОВНЯМ ТАКСОНОМИИ БЛУМА (ЦЕЛЕВОЙ УРОВЕНЬ ВЫДЕЛЕН)

L=0,00 —	L=0,25 ▶ Знание / Понимание	L=0,50 Применение	L=0,75 Анализ	L=1,00 Синтез/Оценка
-------------	---------------------------------------	----------------------	------------------	-------------------------

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ БЛОК

- Концепция Парето-принципа применительно к управлению рисками ИБ
- Структура БДУ ФСТЭК России: 227 угроз, атрибуты C/I/A
- Мультипликативная модель TDI: факторы P, V, S, K
- Нормализация по формулам (1)–(3) статьи
- Принцип квантильного разбиения на M кластеров

ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА

- Выгрузка данных по заданному фактору из БДУ ФСТЭК
- Расчёт TDI_i для каждой угрозы кластера
- Нормализация TDI_i^{norm} по формуле (3)
- Построение ранжированного списка угроз
- Расчёт кумулятивного вклада ($\sum TDI_i$ / итог)

КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ

- Устный опрос: назвать 5 атрибутов модели TDI
- Письменное задание: рассчитать TDI для 3 угроз
- Объяснить разницу TDI_i vs TDI_i^{norm}
- Указать позицию фактора в Таблице 1 (Парето-ядро)

КЛЮЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ ЭТАПА (ИЗ РАЗД. 3 СТАТЬИ)

$TDI_i = (2C_i + 2I_i + 2A_i) \cdot P_i \cdot V_i \cdot S_i \cdot (1 + K_i)$ (2)

C_i, I_i, A_i нарушения конфиденциальности, целостности, доступности $\in [0,1]$

P_i потенциал нарушителя $\in \{1,2,3\}$

V_i вектор атаки $\in [1,3]$

S_i источник угрозы $\in [1,1; 1,3]$

K_i сложность объекта воздействия ≥ 0

$TDI_i^{norm} = 100 \cdot (TDI_i - \min) / (\max - \min)$ (3)

$\min, \max$ минимальное и максимальное значение TDI по всей выборке угроз ($n=227$)

Результат нормированный индекс $\in [0, 100]$

$\sum_{k=1}^{16} \hat{TDI}_k \approx 0,96$ (5)

Смысл 16 факторов Парето-ядра покрывают 96% совокупного нормированного риска

ОЖИДАЕМЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПО ИТОГАМ ЭТАПА 1

L_j

=

0,25

Уровень «Знание / Понимание» по Блуму: студент воспроизводит определение TDI, формулирует смысл нормализации, перечисляет факторы мультипликативной модели. Вклад в интегральный показатель: $\Delta K = w_j \cdot 0,25$, где w_j — Парето-вес j-го фактора.

Источник: авторская разработка. Содержание этапа соответствует компетенциям ОПК-1, ОПК-3 ФГОС 3++ (10.03.01). Таксономия уровней обучения: Bloom B.S. et al., 1956; адаптация к шкале L_j — авторская. Продолжительность: 2–3 аудиторных занятия (4–6 академических часов) в рамках 2-недельного спринта.

Рис. 2 – Первая стадия обучения методики: анализ угроз и расчёт TDI

Дидактическая цель этапа – уровень «применение» по Блуму: студент выбирает решение из матрицы и обосновывает выбор с учётом ограничений задачи. Ожидаемое значение: $L_j = 0,50$.

Этап 3: расчёт показателя рациональности затрат на защиту (P33j). Третий этап является ключевым нововведением методики, не имеющим прямых аналогов в отечественной практике подготовки специалистов ИБ. Студент рассчитывает показатель рациональности затрат на защиту P33j по формуле (4):

$$P33j = \Delta U_j / Z_j = (U_0 - U_j) / Z_j \quad (4)$$

где ΔU_j – снижение ожидаемого ущерба после внедрения j-й меры защиты (руб./год); U_0 – базовый ожидаемый ущерб без применения меры (руб./год); U_j – остаточный ожидаемый ущерб

(руб./год); Z_j – совокупные затраты на меру защиты (CapEx + OpEx, руб./год).

Критерий рациональности: $P33j > 1$ означает, что затраты на защиту экономически обоснованы – снижение ущерба превышает стоимость контрмеры. $P33j < 1$ свидетельствует о нецелесообразности меры при данном уровне TDIj. При $Z_j = 0$ (Quick Win через встроенные инструменты) показатель стремится к бесконечности, что отражает максимальную экономическую рациональность.

Дидактическая цель – уровень «анализ» по Блуму: студент не просто выбирает решение, но количественно сравнивает варианты по единому критерию рациональности. Ожидаемое значение: $L_j = 0,75$. Схема реализации этапа методики представлена на рис. 3.

Переход от теоретического знания к практическому применению и экономическому анализу защитных мер; целевой уровень $L_j = 0,50 \rightarrow 0,75$

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ЭТАПОВ 2-3

Студент способен обосновать выбор контрмеры из матрицы решений (Таблица 2) с учётом бюджетных ограничений и рассчитать показатель рациональности затрат P33j, демонстрируя понимание экономической логики информационной безопасности как управления рисками в условиях ресурсных ограничений.

ПРОГРЕСС ПО УРОВНЯМ ТАКСОНОМИИ БЛУМА

L=0,00 —	L=0,25 ✓ Знание	L=0,50 ▶ Применение	L=0,75 ▶ Анализ	L=1,00 Синтез
-------------	---------------------------	-------------------------------	---------------------------	-------------------------

ЭТАП 2: ВЫБОР КОНТРМЕРЫ (Lj → 0,50)
<ul style="list-style-type: none"> — Изучение матрицы решений: 16 доменов × 2 бюджета — Кейс: фактор Cloud Security, бюджет 5 000 руб./мес. — Выбор: Yandex Security Center + Audit Trails (нативно) — Обоснование Quick Win: включить Audit Trails за 0 руб. — Сравнение: KN Cloud (300–500 тыс. руб./год) vs нативный — Формирование критериев выбора: скорость, стоимость, покрытие TDI
Компетенция (ФГОС): ОПК-4, ОПК-5 — эксплуатация средств защиты и оценка рисков применения ИКТ

ЭТАП 3: РАСЧЁТ P33j (Lj → 0,75)
<ul style="list-style-type: none"> — Определение базового ущерба U_0 по данным инцидентов — Оценка остаточного ущерба U_j для выбранной меры — Расчёт затрат Z_j (CapEx + OpEx за год) — Расчёт P33j и интерпретация результата — Сравнение P33j для двух вариантов (SMB vs Enterprise) — Вывод: какой вариант рационален при данном TDIj
Компетенция (ФГОС): ПК-1, ПК-2, ПК-6 — управление рисками, проектирование систем защиты

ПРИМЕР КЕЙСА — ДОМЕН CLOUD SECURITY (СПРИНТ 1): РАСЧЁТ P33 ДЛЯ ДВУХ ВАРИАНТОВ

Вариант контрмеры	Z_j , руб./год	U_0 , тыс. руб.	U_j , тыс. руб.	ΔU_j , тыс. руб.	P33j	Вывод
Yandex SC + Audit Trails (нативный)	0	2 400	1 680	720	∞ (3=0)	Quick Win ✓
Kaspersky Hybrid Cloud (корп.)	400 000	2 400	360	2 040	5,1	Рационально ✓
Luntry (KBs-специфичный)	500 000	2 400	480	1 920	3,8	Приемлемо

ФОРМУЛА РАСЧЁТА P33j (ФОРМУЛА 8 СТАТЬИ)	
$P33j = (U_0 - U_j) / Z_j$	P33j показатель рациональности затрат на j-ю меру защиты, безразм.
Критерий рациональности:	U_0 базовый ожидаемый ущерб без защиты, руб./год
$P33j > 1$ — контрмера рациональна : снижение ущерба превышает стоимость защиты	U_j остаточный ущерб после внедрения j-й контрмеры, руб./год
$P33j = 1$ — точка безубыточности защитной меры	Z_j совокупные затраты на j-ю меру (CapEx+OpEx), руб./год
$P33j < 1$ — контрмера нецелесообразна при данном TDIj	

ОЖИДАЕМЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПО ИТОГАМ ЭТАПОВ 2-3	Lj	Уровень «Анализ» по Блуму: студент выбирает экономически рациональную контрмеру, рассчитывает P33j, сравнивает варианты и аргументирует выбор Quick Win в условиях реального бюджетного ограничения. Готов к публичной защите перед «советом директоров» (этап 4).
	=	
	0,75	

Источник: авторская разработка. Показатель U_0 в примере кейса — условный, для иллюстрации методики расчёта P33; верификация требует данных о реальных инцидентах. Матрица решений (Таблица 2 статьи) основана на данных вендоров по состоянию на 2025 г. Соответствие ФГОС 3++: ОПК-4, ОПК-5, ПК-1, ПК-2, ПК-6 по направлению 10.03.01 «Информационная безопасность».

Рис.3 – Вторая и третья стадии обучения

Этап 4: «Совет директоров» – публичная защита ($L_j \rightarrow 1,00$). Четвёртый этап реализует принцип аутентичной оценки: студент публично защищает результаты работы по спринту перед комиссией в составе преподавателя (роль CISO) и приглашённого эксперта-практика (роль финансового директора – CFO). Регламент: 7 минут доклад + 5 минут вопросы комиссии. Структура доклада воспроизводит реальный формат представления бюджетного предложения по ИБ: угроза $\rightarrow$ количественная оценка TDI $\rightarrow$ выбранная контрмера $\rightarrow$ расчёт PЗЗ $\rightarrow$ рекомендация с обоснованием. Обязательный элемент – ответ на вопрос «почему именно это решение при данном бюджете?», моделирующий управленческий диалог в реальной организации.

По итогам защиты преподаватель присваивает значение $L_j \in \{0,25; 0,50; 0,75; 1,00\}$, и интегральный показатель K обновляется по формуле (5):

$$K = \sum_{j=1}^{16} w_j \cdot L_j \quad (5)$$

где w_j – Парето-вес j -го фактора, определяемый как нормированный вклад в совокупный риск: $w_j = TDI_j / \sum TDI_j$; L_j – уровень освоения j -го фактора студентом.

Дидактическая цель – уровень «синтез/оценка» по Блуму. Ожидаемое значение: $L_j = 1,00$. Схема реализации этапа методики представлена на рисунке 4.

Соответствие шкалы L_j таксономии Блума и критерии профессиональной зрелости

Табл. 2 устанавливает взаимно однозначное соответствие между уровнями шкалы L_j , стадиями Парето-спринта и уровнями таксономии Блума, обеспечивая операциональное определение каждого уровня компетентности.

Интегральный показатель K обладает следующими пороговыми значениями. При $K \geq 0,50$ студент, освоивший 8 факторов на уровне $L=1,00$ при равных весах, защищает до 80 % угроз ИБ. При $K \geq 0,75$ достигается уровень профессиональной зрелости, соответствующий требованиям

рынка труда к специалисту ИБ первого года работы. При $K = 1,00$ все 16 факторов освоены на уровне «синтез/оценка».

Качество подготовки выражается мультипликативной формулой (6):

$$Q = M(n, w_j) \times T(P_{comp}, P_{pract}, P_{feed}) \quad (6)$$

где $M(n, w_j)$ – качество образовательной модели, зависящее от числа факторов n и их весов w_j ; $T(P_{comp}, P_{pract}, P_{feed})$ – качество преподавания, определяемое предметной компетентностью (P_{comp}), практическим опытом (P_{pract}) и культурой обратной связи (P_{feed}). Максимальный эффект достигается при синергии современной риск-ориентированной модели (M) и педагогического мастерства, подкреплённого практикой (T).

Гипотеза и программа педагогического эксперимента

Для верификации методики предлагается программа сравнительного педагогического эксперимента. Нулевая гипотеза H_0 : медианы итогового показателя K статистически не различаются между экспериментальной группой (Парето-спринты) и контрольной группой (традиционное дисциплинарное обучение). Альтернативная гипотеза H_1 : медиана K в экспериментальной группе статистически значимо выше.

Выборка: студенты 3–4 курса направления 10.03.01 ($n \geq 30$ в каждой группе). Метод сравнения: критерий Манна–Уитни ($\alpha = 0,05$), поскольку нормальность распределения K не гарантирована. Параметры измерения: начальный K (до обучения), промежуточный K (после спринта 8), итоговый K (после спринта 16), доля студентов с $K \geq 0,75$.

Условные (модельные) данные, иллюстрирующие ожидаемые результаты эксперимента, представлены в табл. 3 и на рис. 4. Верификация результатов на реальной выборке составляет предмет последующих исследований авторов.

Таблица 2 – Соответствие шкалы L_j таксономии Блума и этапам Парето-спринта

L_j	Уровень Блума	Этап спринта	Операциональный критерий
0,00	– (нет знаний)	До спринта	Студент не знает структуры угрозы
0,25	Знание/Понимание	Этап 1: расчёт TDI	Воспроизводит формулу (1), объясняет нормализацию
0,50	Применение	Этап 2: выбор контрмеры	Выбирает из матрицы, называет Quick Win
0,75	Анализ	Этап 3: расчёт PЗЗ	Рассчитывает PЗЗ, сравнивает варианты
1,00	Синтез/Оценка	Этап 4: «совет директоров»	Публично защищает решение, отвечает на вопросы

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ЭТАПА 4

Студент публично защищает выбор контрмеры и расчёт P33 перед экспертной комиссией, аргументирует решение с позиций технической эффективности и экономической рациональности затрат на защиту, демонстрирует навык профессиональной коммуникации с управленческой аудиторией (синтез и оценка по Блуму, $L_j = 1,00$).

ПРОГРЕСС ПО УРОВНЯМ ТАКСОНОМИИ БЛУМА (ВСЕ УРОВНИ ДОСТИГНУТЫ)

L=0,00 ✓ —	L=0,25 ✓ Знание	L=0,50 ✓ Применение	L=0,75 ✓ Анализ	L=1,00 ▶ Синтез / Оценка
---------------	---------------------------	-------------------------------	---------------------------	------------------------------------

ФОРМАТ «СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ»

- Состав: преподаватель (роль CISO) + приглашённый эксперт-практик (роль CFO)
- Студент: роль аналитика ИБ, представляющего бюджетное предложение
- Регламент: 7 мин. доклад + 5 мин. вопросы комиссии
- Структура доклада: угроза → TDI → контрмера → P33 → рекомендация
- Обязательный элемент: ответ на вопрос «почему именно это решение?»
- Критерий прохождения: защита засчитана при $L_j \geq 0,50$

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ШКАЛЫ L_j

- $L=1,00$: самостоятельно предложил и обосновал оптимальное решение, ответил на нестандартные вопросы
- $L=0,75$: правильно рассчитал P33, обосновал выбор, допустил неточности в деталях
- $L=0,50$: выбрал решение из матрицы, но не обосновал экономически
- $L=0,25$: воспроизвёл теорию без практического применения
- $L=0,00$: не продемонстрировал понимания фактора

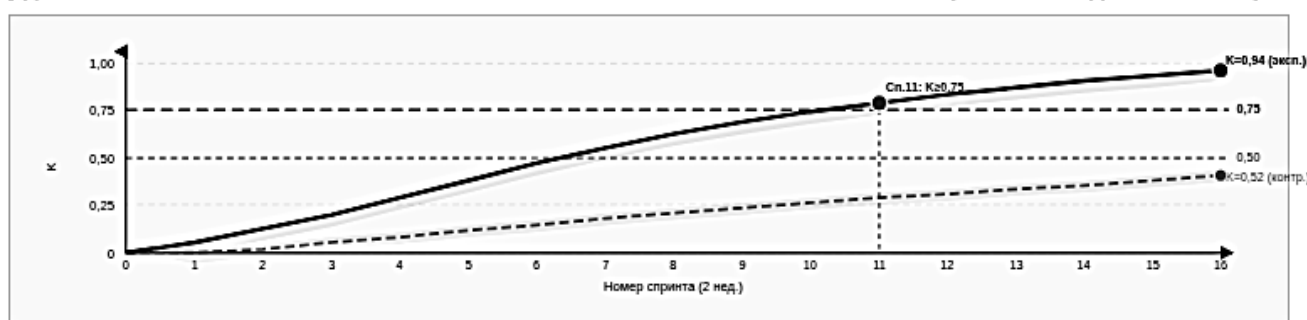
ОБНОВЛЕНИЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ K ПОСЛЕ СПРИНТА J (ФОРМУЛА 6 СТАТЬИ)

$$K = \sum_{j=1}^{16} w_j \cdot L_j \quad (6)$$

Пример: после спринта 1 (Cloud Security, $w_1=0,181$) студент получил $L_1=0,75$:
 $\Delta K = 0,181 \times 0,75 = 0,136$

- K интегральный показатель профессиональной компетентности студента $\in [0; 1]$
- w_j Парето-вес j-го фактора = $TDI_j^{norm} / \sum TDI$ (нормированный вклад в совокупный риск)
- L_j уровень освоения j-го фактора по шкале {0; 0,25; 0,50; 0,75; 1,00}
- $K \geq 0,75$ пороговый критерий профессиональной зрелости (уровень «анализ» по Блуму)

ДИНАМИКА K ПО 16 СПРИНТАМ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ VS КОНТРОЛЬНАЯ ГРУППА (УСЛОВНЫЕ ДАННЫЕ, N=30)

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ОЖИДАЕМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ (УСЛОВНЫЕ ДАННЫЕ)

Группа (n=30)	K нач.	K после 8 сп.	K после 16 сп.	Доля $K \geq 0,75$	Доля $K \geq 0,50$
Парето-спринты (эксп.)	0,08	0,59	0,94	87%	97%
Традиционное обучение (контр.)	0,07	0,29	0,52	13%	47%
Δ прирост (эксп. – контр.)	+0,01	+0,30	+0,42	+74 п.п.	+50 п.п.

Примечание: данные носят условный (модельный) характер. Верификация требует реализации программы педагогического эксперимента с применением критерия Манна-Уитни (H_0 : медианы K равны; $\alpha=0,05$).

Источник: авторская разработка. Целевой показатель $K \geq 0,75$ соответствует 50%-му порогу компетентности: студент, освоивший 8 из 16 факторов на уровне $L=1,00$ при равных весах w_j , достигает $K \approx 0,50$, что обеспечивает защиту от 80% угроз ИБ. Формула (6): $K = \sum w_j \cdot L_j$ (разд. 5 статьи). Соответствие ФГОС 3++: все ОПК и ПК по направлению 10.03.01.

Рис. 4 – Четвёртая стадия обучения и итоговая динамика K

Таблица 3 – Ожидаемые результаты педагогического эксперимента (условные данные, n=30)

Группа	К нач.	К сп.8	К сп.16	К $\geq$ 0,75, %	К $\geq$ 0,50, %
Парето-спринты (эксп.)	0,08	0,59	0,94	87	97
Традиц. обучение (контр.)	0,07	0,29	0,52	13	47
Δ прирост	+0,01	+0,30	+0,42	+74 п.п.	+50 п.п.

Соответствие требованиям ФГОС 3++ и профессиональных стандартов

Методика «Парето-спринтов» не противоречит, а структурирует и усиливает требования ФГОС 3++ по направлению 10.03.01, охватывая до 87–92 % общепрофессиональных (ОПК) и 85–90 % профессиональных (ПК) компетенций. Концентрация практической части на 16 факторах Парето-ядра позволяет перераспределить до 80 % аудиторного времени в пользу наиболее критичных доменов ИБ, при этом оставшиеся дисциплины (правовые основы, теоретическая криптография, исследовательская методология) дополняют ядро, не входя в его практическое содержание.

Адаптивность методики обеспечивается пересчётом TDI на актуальных данных об инцидентах с заданной периодичностью (рекомендуется ежегодно). Это превращает образовательную программу в «живую» систему, чувствительную к изменениям ландшафта угроз.

Заключение

В статье разработана авторская дидактическая методика «Парето-спринтов», представляющая собой оригинальный вклад в теорию и методику профессионального образования в области информационной безопасности. Кроме того, особое значение приобретает повышение качества подготовки специалистов для аграрно-

индустриального региона в условиях цифровизации экономики [8].

Основные результаты работы:

1. Предложен 32-недельный учебный цикл из 16 спринтов, каждый из которых последовательно проводит студента через четыре этапа: анализ угрозы ($L=0,25$), выбор контрмеры ($L=0,50$), расчёт рациональности затрат ($L=0,75$) и публичную защиту ($L=1,00$).

2. Введён показатель рациональности затрат на защиту $P3Z_j = \Delta U_j / Z_j$, позволяющий студенту обосновывать выбор контрмер в экономических категориях, понятных управленческой аудитории.

3. Обеспечено взаимно однозначное соответствие уровней шкалы L_j таксономии Блума, что делает компетенции измеримыми через интегральный показатель K .

4. Сформулирована фальсифицируемая гипотеза педагогического эксперимента с применением критерия Манна–Уитни, что обеспечивает научную строгость и воспроизводимость результатов.

5. Методика удовлетворяет четырём критериям научной состоятельности: фальсифицируемость (проверяемая гипотеза H_0), воспроизводимость (стандартизованный протокол спринта), строгость (формульный аппарат TDI, P3Z, K) и объяснительность (теоретические основания в концепциях Biggs, Гальперина и Выготского).

Список литературы

1. World Economic Forum. Global Cybersecurity Outlook 2025. Geneva: WEF, 2025. 56 p.
2. ENISA. Threat Landscape 2025. Luxembourg: Publications Office of the EU, 2025. 112 p.
3. Verizon. 2025 Data Breach Investigations Report. New York: Verizon, 2025. 100 p.
4. ФСТЭК России. Банк данных угроз безопасности информации. URL: <https://bdu.fstec.ru> (дата обращения: 20.02.2026).
5. Hubbard D.W., Seiersen R. How to Measure Anything in Cybersecurity Risk. 2nd ed. Hoboken: Wiley, 2023. 320 p.
6. Biggs J., Tang C. Teaching for Quality Learning at University. 5th ed. Maidenhead: Open University Press, 2022. 360 p.
7. Мандрица И.В., Петренко В.И., Жук А.П., Антонов В.В., Мандрица О.В., Орел Д.В., Минкина Т.В. Исследование рисков бизнес-информации по этапам бизнес-процесса организации // Проблемы информационной безопасности социально-экономических систем: VII Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция, Гурзуф, 18–20 февраля 2021 года. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021. С. 20-29.

8. Шумакова И.А. Мирохина А.А. Использование инструментов маркетинга в подготовке специалистов для аграрно-индустриального региона на базе национального исследовательского университета в условиях цифровизации экономики // Московский экономический журнал. 2020. № 2. С. 29. DOI: 10.24411/2413-046X-2020-10107. EDNI: HDGULY.

References

1. World Economic Forum. Global Cybersecurity Outlook 2025. Geneva: WEF, 2025. 56 p.
2. ENISA. Threat Landscape 2025. Luxembourg: Publications Office of the EU, 2025. 112 p.
3. Verizon. 2025 Data Breach Investigations Report. New York: Verizon, 2025. 100 p.
4. FSTEK Rossii. Bank dannyh ugroz bezopasnosti informacii. Available at: <https://bdu.fstec.ru> (Accessed Date: 20.02.2026). (In Russ.)
5. Hubbard D.W., Seiersen R. How to Measure Anything in Cybersecurity Risk. 2nd ed. Hoboken: Wiley, 2023. 320 p.
6. Biggs J., Tang C. Teaching for Quality Learning at University. 5th ed. Maidenhead: Open University Press, 2022. 360 p.
7. Mandrica I.V., Petrenko V.I., ZHuk A.P., Antonov V.V., Mandrica O.V., Orel D.V., Minkina T.V. Issledovanie riskov biznes-informacii po etapam biznes-processa organizacii. In Problemy informacionnoj bezopasnosti social'no-ekonomicheskikh siste: VII Vserossijskaya s mezhduna-rodnyim uchastiem nauchno-prakticheskaya konferenciya, Gurzuf, 18–20 fevralya 2021 goda. Simferopol: Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, 2021. pp. 20-29. (In Russ.)
8. Shumakova I.A., Mirokhina A.A. Use of marketing tools in training specialists for the agricultural and industrial region on the basis of the national research university in the conditions of the economy digitalization. Moscow Economic Journal. 2020. No. 2. P. 29. DOI: 10.24411/2413-046X-2020-10107. EDNI: HDGULY. (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Мандрица Игорь Владимирович** – доктор экономических наук, профессор кафедры организации и технологии защиты информации, Северо-Кавказский федеральный университет, главный научный сотрудник кафедры региональной экономики, филиал МИРЭА – Российский технологический университет в г. Ставрополе, Российская Федерация, Ставрополь, e-mail: d.artanan@mail.ru.

©**Мандрица Ольга Владимировна** – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой региональной экономики, филиал Российского технологического университета – МИРЭА, в г. Ставрополе, Российская Федерация, Ставрополь, e-mail: man_olga@mail.ru.

©**Антонов Владислав Васильевич** – кандидат технических наук, доцент кафедры организации и технологии защиты информации, Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация, Ставрополь, e-mail: antonov_vlad@mail.ru.

Information about the authors:

©**Mandritsa Igor Vladimirovich** – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Organization and Technology of Information Security, North Caucasus Federal University, Chief Researcher, Department of Regional Economics, MIREA – Russian Technological University, Stavropol Branch, Russian Federation, Stavropol, e-mail: d.artanan@mail.ru.

©**Mandritsa Olga Vladimirovna** – Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Regional Economics, MIREA – Russian Technological University, Stavropol Branch, Russian Federation, Stavropol, e-mail: man_olga@mail.ru.

©**Antonov Vladislav Vasilievich** – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Organization and Technology of Information Security, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, e-mail: antonov_vlad@mail.ru.

Р. М. Хуснетдинов

**ПРИМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ:
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ОБОСНОВАНИЯ**

Ключевые слова: культура, человек, традиция, воспитание, норма, причина, ценность.

Исследование направлено на глубокое изучение сущности национальных традиций и их роли в воспитании студентов. Задача работы заключается в анализе привлекательных аспектов традиций татарского народа и обосновании их интеграции в образовательный процесс. В отличие от многих научных трудов, которые лишь констатируют важность уважения культурного наследия, исследование стремится раскрыть причины этой значимости, предлагая научно обоснованные ответы на вопрос о влиянии традиций на формирование личности. Научная работа состоит из двух взаимосвязанных частей: теоретической и практической. В теоретическом разделе рассматриваются ключевые понятия: национальная идентичность, культурные ценности и их трансляция в современном обществе. Практическая часть посвящена анализу конкретных традиций татарского народа, их педагогическому потенциалу и возможностям применения в воспитании студентов. Цель исследования – выявление привлекательных традиций татарской национальной культуры и обоснование потенциала их интеграции в воспитательный процесс студентов. Методологическую базу формируют философские (антропологическая и культурологическая) концепции образования. Исследование строится на принципах историзма, научности, объективности и плюрализма, а также на идее комплексного влияния социальных, экономических, культурных и педагогических факторов (объективных и субъективных) на развитие системы образования. Практическая проверка разработанных подходов, включающая написание творческих эссе студентами КНИТУ детально представлена в практической главе. Результаты послужат эмпирическим обоснованием возможности внедрения методов в воспитательную практику. Предполагается, что такой подход обеспечит не только теоретическую глубину исследования, но и позволит получить ценные эмпирические данные, основанные на личном опыте и рефлексии обучающихся. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим при внедрении традиционных элементов в образовательный процесс, включая вопросы адаптации, межкультурного взаимодействия и сохранения аутентичности. Результаты исследования могут быть использованы для разработки методик воспитания, основанных на этнокультурных ценностях, что способствует гармоничному развитию личности в условиях мультикультурной среды.

R. M. Khusnetdinov

**THE APPLICATION OF NATIONAL TRADITIONS IN STUDENT EDUCATION:
METHODOLOGICAL APPROACHES AND JUSTIFICATIONS**

Keywords: culture, person, tradition, education, norm, cause, value.

This research provides an in-depth analysis of the essence and role of national traditions in student education. Its core objective is to examine the attractive aspects of Tatar cultural traditions and to justify their integration into the modern educational process. Moving beyond merely stating the importance of cultural heritage, the study aims to reveal the underlying reasons for this significance, offering a scientifically grounded perspective on how traditions shape personal development. The work is structured in two interconnected parts: theoretical and practical. The theoretical section explores foundational concepts such as national identity, cultural values, and their transmission in contemporary society. The practical part focuses on analyzing specific Tatar traditions, assessing their pedagogical potential, and exploring practical applications for student education. The methodological approach is based on philosophical (anthropological and cultural) concepts of education, adhering to the principles of historicism, scientific rigor, objectivity, and pluralism. It acknowledges the complex interplay of social, economic, cultural, and pedagogical factors in education. A key practical component involves students from KNRTU writing creative essays. The analysis of these results, presented in the practical chapter, will provide empirical data to validate the proposed methods. This approach ensures both theoretical depth and evidence-based insights drawn directly from student experience and reflection. The study also addresses challenges in integrating traditional elements into education, such as adaptation, intercultural dialogue, and authenticity preservation. Its findings are intended to inform the development of educational methodologies rooted in ethnocultural values, fostering the harmonious development of individuals in a multicultural society.

Введение

Современный мир столкнулся с серьезной проблемой – распадом культурных связей, что делает особенно важным поиск эффективных способов укрепления морально-этических основ в образовательной сфере. По данным исследований [1, с. 73; 2, с. 24], наблюдающееся ослабление культурной преемственности в молодежной среде настоятельно требует пересмотра существующих подходов к воспитанию. В данной ситуации особую ценность представляют национальные традиции, которые могут служить действенным средством формирования системы ценностей и культурной самоидентификации.

Наблюдаемая трансформация общественного сознания оказывает наиболее негативное влияние на мировоззренческие установки и этическое поведение молодых людей, проявляясь в росте морального равнодушия и отсутствии четких жизненных ориентиров. Именно от ценностных приоритетов и решений подрастающего поколения во многом зависит перспектива развития государства.

Изучение факторов, вызвавших кризисные явления в современной системе образования, демонстрирует необходимость восстановления утраченной связи между фундаментальными педагогическими понятиями «культура» и «личность». Осознание их органического единства, направленного на становление человека и его духовное совершенствование, должно стать краеугольным камнем обновленной образовательной философии. Как отмечают специалисты, оздоровление социума невозможно без преодоления духовного вакуума, так как общественный кризис является прямым следствием кризиса личности и ее культурного развития [2, с. 24].

В связи с этим, современная образовательная политика ориентирована на сохранение и использование национальных традиций в воспитании молодежи. Традиция, являясь уникальным социокультурным явлением, обеспечивает преемственность и включает в себя исторически сложившиеся формы организации и регулирования общественной жизни. Ключевые социальные функции традиций заключаются в закреплении и воспроизводстве общественных отношений, регулировании деятельности людей, объединении их для достижения общих целей, передаче социального опыта, формировании нравственных качеств и выполнении миротворческой роли [3, с. 725].

Многогранность понятия «традиция» обуславливает его изучение в различных научных областях, включая философию, этику, социологию, этнографию, лингвистику, правоведение, педагогику и психологию. Философский подход рассматривает традицию как необходимое условие гармоничного развития культуры, обеспечивающее воспроизведение сбалансированности социально-культурных аспектов общества [3, с. 726].

Философский подход к проблеме традиции представлен в работах Е. В. Шацкого, М. И. Долгушина, П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого. В их исследованиях термин рассматривается как одно из необходимых условий естественного и здорового развития культуры, представляя собой воспроизведение гармонии и сбалансированности всех социально-культурных аспектов общества [3, с. 726].

Следует выделить еще несколько исследований. В монографии Р. И. Зинуровой «Общечеловеческие ценности Корана» рассматривается вопрос дифференциации социологии и теологии. Автор утверждает, что в работе раскрывается суть понятия общечеловеческих ценностей, которое отражает целостный интегральный подход к познанию мира, основанный на научном и религиозном восприятии; также анализируются общечеловеческие ценности различных мировых религий [4]. А в своей монографии «Особенности этнической социализации в современной России» Р. И. Зинурова исследует этническую социализацию как процесс, в ходе которого индивид усваивает этнокультурные нормы, ценности и образцы поведения, характерные для определенной этнической группы, и интегрирует эти нормы в свою личность. Автор подчеркивает, что этническая социализация играет ключевую роль в формировании этнического самосознания, идентичности и культуры межнационального общения [5].

В работе анализируются различные аспекты этнической социализации в контексте современной России, включая влияние семьи, образования, средств массовой информации и общественных организаций на этот процесс. Особое внимание уделяется вопросам формирования толерантности и уважения к другим культурам в многонациональном российском обществе.

Также следует упомянуть диссертационную работу Е. Н. Даричевой «Традиции художественного образования в подготовке специалистов в профильных ССУЗ», в которой рассматриваются вопросы преемственности и новаторства в системе художественного образования [6]. Автор анализирует исторический

опыт создания художественных училищ и колледжей, выявляет ключевые тенденции развития профессионального мастерства и предлагает методические рекомендации для улучшения учебного процесса. Особое внимание уделяется роли традиций в формировании профессиональной идентичности будущих специалистов и их адаптации к современным требованиям рынка труда.

В то же время анализ существующих исследований показывает, что вопрос использования национальных традиций в воспитании студенческой молодежи остается недостаточно проработанным. Налицо явное противоречие между объективной необходимостью применения национальных традиций в воспитании студентов и наличием определенного опыта в этой области с одной стороны, и недостаточным осмыслением, и использованием этого опыта с другой. Это противоречие и стало основанием и причиной для выбора темы исследования [6].

Цель исследования – изучить привлекательные национальные (на примере татарского народа) традиции и обосновать возможность их использования в воспитании студентов.

Методологическую основу исследования составляют философские концепции образования и культуры (антропологическая и культурологическая), которые опираются на принципы историзма, научности, объективности, плюрализма, а также идеи взаимосвязи и взаимозависимости социальных, экономических, культурологических и педагогических факторов, как объективных, так и субъективных, в развитии образования.

Методологическому и теоретическому анализу проблемы способствовали следующие идеи:

- концепции гуманизации, гуманитаризации и регионализации образовательной системы Ш. А. Амонашвили, Л. А. Воловича, Г. В. Мухаметзяновой и др.;

- стратегии приоритетного развития образования Б. С. Гершунского, М. И. Махмутова, Г. В. Мухаметзяновой, Н. Д. Никандрова, А. М. Новикова и др.;

- идеи интеграции гуманитарной и профессиональной подготовки специалистов Р. И. Зинуровой, Е. Н. Даричевой, Г. В. Мухаметзяновой, Г. Ф. Биктагировой [6].

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили письменные творческие работы студентов и интервьюирование на тему использования

национальных традиций в воспитании студентов.

Использованные методы: теоретические – анализ философской, социологической, психологической, педагогической литературы, нормативных документов; эмпирические – наблюдение, опросы (анкетирование, интервьюирование, беседа и творческое эссе как жанр выражения собственной мысли), изучение и анализ продуктов деятельности студентов, изучение и обобщение традиционного и инновационного педагогического опыта, социально-педагогический эксперимент [4, с. 8].

Первая часть исследования ориентирована на теоретическое изучение привлекательных национальных (на примере татарского народа) традиций.

Для подтверждения целесообразности использования традиций в образовательном процессе студентов необходимо проведение ряда экспериментальных исследований. Практическая апробация предложенных подходов, которая включает написание творческих эссе студентами КНИТУ, будет подробно изложена во второй, практической части работы и послужит обоснованием возможности их применения в воспитательном процессе студентов. Исходим из того, что подобный подход позволит не только обеспечить теоретическую глубину анализа, но и получить ценные данные, основанные на непосредственном опыте обучающихся.

Духовное обновление современного общества немислимо без обращения к прогрессивному наследию прошлого. Как справедливо отмечено Г. Н. Волковым: «без памяти нет традиций, без традиций нет культуры, без культуры нет воспитания, без воспитания нет духовности, без духовности нет личности, без личности нет народа» [4, с. 83].

Любое социальное явление содержит в себе элементы, передаваемые из прошлого в настоящее и, далее, в будущее, что отражает диалектическую закономерность устойчивости и преемственности в развитии [7]. Традиции, являясь фактором сохранения и преемственности, играют важную роль в формировании общественных отношений и воспитании [8, с. 47–49].

Устойчивость является ключевой характеристикой традиции. В противном случае, утратив связь с потребностями и интересами общества, традиции теряют свою актуальность и перестают существовать [9, с. 51–58]. Именно устойчивость обеспечивает сохранение и передачу традиций, позволяя новым поколениям опираться на опыт предков, избегая

повторения ошибок и использования уже известных решений. Система традиций обеспечивает преемственность, необходимую для прогрессивного развития.

По мнению учёных из КНИТУ Р. И. Зинуровой и А. Р. Тузикова: «Интересы и потребности будущих абитуриентов формируются и проявляются в более раннем возрасте, когда школьники начинают делать выбор в пользу определенных областей знаний на основе собственных интересов» [10, с. 77-89]. Таким образом, данный тезис служит важным обоснованием для начала системной воспитательной и профориентационной работы уже на школьном этапе, что согласуется с задачами интеграции национальных традиций в образовательный процесс.

Обосновывая необходимость теоретического и экспериментального изучения данной темы, следует отметить, что в основе исследования лежит анализ причин обращения к традициям конкретного народа. Любая деятельность должна базироваться на ряде принципов, а именно: двухкомпонентность (теоретическое обоснование и практическая реализация), вариативность, наличие истории (традиции, правила), валентность, наличие плана действий и прогнозирование возможных результатов.

Для верификации исследовательской гипотезы целесообразно проанализировать кросскультурный феномен гостеприимства. Этот социальный институт, выполняющий важные коммуникативные и интегративные функции, представляет собой:

1. Нормативную систему регулирования межличностных отношений;
2. Культурный маркер этнической идентичности;
3. Объект лингвистической реконструкции.

Эта традиция, укоренившаяся в повседневной жизни, демонстрирует позитивное восприятие пришедших. Этимология русского слова «гость» содержит неоднозначность. Согласно одной из версий, его происхождение связано с праславянским «gostь», восходящим к праиндоевропейскому «ghost», обозначающему «гость, чужак» [1].

Важно отметить, что мотивы прибытия гостя могут быть различными, что отражается в использовании антонимичных слов для его обозначения. Подтверждением тому служит латинское слово «hostis», которое означало как «враг», так и «чужеземец», указывая на человека, пришедшего с недобрыми намерениями.

В татарском языке, как и во многих тюркских, термин, обозначающий гостя, имеет иной оттенок. Он связан с корнем «кун(у)», подразумевающим человека, остающегося на ночлег [11, с. 469]. Таким образом, «кунак» – это настоящий гость, предполагающий ночлег, что является неотъемлемой частью татарской традиции гостеприимства.

С практической точки зрения перцепция гостеприимства может быть индивидуальным. В более широком контексте, примером может служить саммит БРИКС, во время проведения которого Казань стала площадкой, демонстрирующей традиции гостеприимства татарского и русского народов. Это подчеркивает вариативность проявления гостеприимства в различных ситуациях и культурах.

Идея вариативности подразумевает существование множества вариантов одного явления. Это свойство проявляется повсеместно: в природном разнообразии, культурных обычаях, социальных практиках. Например, традиции гостеприимства в разных обществах варьируются от открытого дружелюбия до сдержанной осторожности по отношению к чужакам.

Традиции татарского народа проявляются в разнообразных формах, включая как древние обычаи, уходящие корнями в глубь веков, так и современные интерпретации, которые дополняют культурную ценность [12].

Устное народное творчество занимает особое место: сказки, легенды, песни, пословицы и поговорки, передающиеся из поколения в поколение, сохраняют мудрость предков, их взгляды на мир и моральные ценности. [13].

Национальная татарская кухня, с богатым разнообразием блюд из мяса, теста и молочных продуктов, представляет собой настоящее искусство [14].

Современная значимость татарских традиций проявляется в диалектическом единстве их исторической преемственности и актуальной трансформации. Данный синтез выполняет две важнейшие социальные функции: консолидацию этнического самосознания и вклад в мультикультурное развитие общества. Анализ структурных компонентов татарской культурной системы позволяет выделить семь ключевых элементов: 1) языковая преемственность, 2) институт семьи, 3) календарная обрядность, 4) гастрономические традиции, 5) прикладное искусство, 6) педагогические практики, 7) межкультурные коммуникации [15].

Важно, чтобы каждый шаг в этом направлении был осмысленным и целенаправленным, что в конечном итоге приведет к успешному сохранению и развитию культурного наследия.

Проведенный теоретический анализ позволяет констатировать, что традиции выполняют важнейшую медиативную функцию в социокультурной динамике. Выступая механизмом трансляции ценностных ориентиров (трудовых, нравственных, эстетических, религиозных), они формируют устойчивую связь времен, обеспечивая непрерывность исторического развития. Девальвация традиционного наследия неизбежно приводит к разрыву межпоколенческих связей и утрате культурной идентичности в условиях глобализации.

Вторая часть исследования посвящена проведению эксперимента, который включает написание творческих эссе студентами КНИТУ. В этой части будут сделаны попытки сформулировать промежуточные и окончательные выводы всего исследования, а также обосновать причины уважения к традициям нации.

Личностное саморазвитие играет важную роль в жизни человека. Оно охватывает множество аспектов жизни и включает в себя всестороннее развитие личности.

Целью организации и проведения вышеуказанного мероприятия является выявление значимости и роли в системе традиционной культуры татарского народа.

В рамках исследования, помимо написания творческих эссе, был использован метод полуструктурированного интервью, направленный на выявление субъективных оценок студентов в области сохранения культурных традиций и языкового наследия. Несмотря на ограниченные масштабы исследования, анализ полученных данных позволил установить, что значительная часть респондентов рассматривает уважение к этнокультурным традициям как ключевой фактор устойчивого развития общества. В ходе интервью участники неоднократно подчёркивали взаимосвязь между сохранением традиционных ценностей и формированием национальной идентичности в условиях современного глобализованного мира. Особый интерес представляет выявленная закономерность: студенты склонны рассматривать традиции не только как историко-культурный феномен, но и как важный элемент социальной стабильности, влияющий на перспективы дальнейшего развития общества. Полученные результаты согласуются с современными антропологическими и социологическими

концепциями, подчёркивающими роль традиций в процессах социализации и межпоколенческой трансляции знаний. Однако следует отметить, что комплексное изучение данного вопроса требует дополнительных исследований с применением количественных и качественных методов анализа. Перспективным направлением дальнейшей работы могло бы стать сравнительное исследование, учитывающее региональные особенности восприятия культурного наследия среди различных групп обучающихся.

Одной из ключевых задач преподавателя при организации и проведении мероприятий является выявление и развитие у студентов дидактических, перцептивных, речевых, организаторских и коммуникативных способностей, а также гностических, проектировочных и конструктивных умений. Именно через реализацию этих умений и способностей студенты достигают эффективного распределения своей внутренней энергии.

Для развития личностного потенциала и знакомства с татарскими культурными традициями среди студентов разных национальностей (изучающих РЯДК и ДТЯ) организовано творческое сочинение. Особое внимание уделялось сравнению особенностей восприятия и изложения материала у русских, татарских и иностранных учащихся. Основная тема работы – «Роль национальной культуры в самосовершенствовании» – была конкретизирована несколькими вариантами заданий, что позволило участникам выбрать наиболее близкое направление для творчества.

Темы были предложены на двух языках, чтобы обеспечить задание для студентов, говорящих на русском языке.

1. Моё отношение к татарской кухне (блюдам, ресторанам и кафе).

2. Моё мнение о межнациональных браках. Возможно ли дружить с парнем (девушкой) другой национальности?

3. Казань – центр татарской культуры.

4. Я изучаю татарский язык для общения с носителями языка.

Работы оценивались по нескольким критериям: полнота раскрытия темы (2 балла), наличие грамматических и пунктуационных ошибок (2 балла), оригинальность подхода к раскрытию темы и наличие личной точки зрения (2 балла), наличие выводов (2 балла), а также соответствие объёма работы требованиям написания эссе (2 балла).

Каждый студент, завершивший задание, получил от 0 до 10 баллов в соответствии с отметками (см. таблицу – Шкала оценивания результатов творческой работы).

Таблица – Шкала оценивания результатов творческой работы

Баллы	Отметка	Уровень сформированности компетенций
9, 10	отлично	высокий
6, 7, 8	хорошо	хороший
3, 4, 5	удовлетворительно	достаточный
2 и менее	неудовлетворительно	недостаточный

В эксперименте участвовали 45 студентов, среди которых 7 были иностранцами, приехавшими из Туркменистана (3 студента), Нигерии (1 студент), Анголы (1 студент) и Индонезии (2 студента). Стоит отметить, что участники подошли к этой работе с большой ответственностью, что подтверждается их творческими достижениями. Далее представим отрывки работ некоторых студентов: творческую работу студента первого курса института нефти, химии и нанотехнологий (ИНХН ФГБОУ ВО «КНИТУ») «Моё отношение к татарской кулинарии» и творческую работу студента 2 курса института управления инновациями (ИУИ ФГБОУ ВО «КНИТУ») нашего университета из Азнакаевского района РТ «Мое отношение к межнациональным бракам»

Орфография и пунктуация в представленных ниже творческих работах были сохранены.

Творческое эссе «Моё отношение к татарской кулинарии»

Автор размышляет о значимости национальной кухни как традиции народа. В его представлении татарская национальная кухня, как и кухни других народов, имеет свои уходящие в глубь веков корни. Она неразрывно связана с бывшими культурными и бытовыми традициями татарского народа, с его историей, образом жизни и способами ведения хозяйства.

Автором указывается, что существует даже определение – если есть собственная национальная кухня, то это народ, если нет – это всего лишь часть какого-то народа. Татарская кухня, по мнению автора, не только самобытна и богата, но и очень полезна с точки зрения современной науки о питании.

Творческое эссе «Мое отношение к межнациональным бракам»

Автор начинает с размышлений о том, что брак – это союз двух людей, основанный на любви, но многие пары со временем расходятся. Затем она переходит к своей личной позиции.

Её главное требование к будущему мужу – не национальность (татарин, русский

или казах), а личные качества: чтобы он любил, уважал, мог обеспечить семью и был близок по духу. Идеальным примером такого человека для неё является её собственный отец.

Изначально она думала, что важны и общие интересы (любовь к одним книгам, фильмам), но, глядя на счастливые лица родителей, поняла, что это не самое главное.

В конце мама автора предлагает ей изменить тему на отношение к браку с человеком другой веры. Автор соглашается и планирует проанализировать знакомые ей семьи, чтобы сформировать свою точку зрения.

Исходный текст был написан на татарском языке. Здесь представлена лишь краткая аннотация, чтобы передать суть содержания.

Следует отметить, что из представленных выше четырех тем наибольший интерес вызвала тема межнациональных браков, к которой обратились 27 студентов, хотя изначально ожидалось, что национальная кухня станет наиболее популярной (тема была выбрана всего 14 раз). Это в первую очередь подчеркивает актуальность проблемы межнациональных браков. Удивительно, но ни один респондент не выбрал четвертую тему, несмотря на то что вопрос развития и сохранения родного языка является одной из ключевых задач для республики, учебных заведений и семей.

Проведённое исследование в форме написания эссе студентами продемонстрировало свою эффективность в расширении их познаний в сфере сохранения и развития языковых традиций. Данный метод способствовал углублённому изучению культурного наследия, а также формированию осознанного отношения к проблемам языковой идентичности. В ходе эксперимента участники не только ознакомились с теоретическими аспектами темы, но и развили навыки критического анализа и рефлексии. Полученные результаты свидетельствуют о повышении уровня мотивации к изучению и поддержанию родного языка, что подтверждает образовательную ценность подобных практик. Кроме того, работа над эссе позволила выявить индивидуальные творческие подходы к интерпретации традиционных ценностей.

Таким образом, внедрение данного подхода в образовательный процесс представляет

собой перспективное направление педагогической практики, позволяющее органично сочетать академическое обучение с культурно-просветительской работой. Перспективой дальнейших исследований может стать создание интегрированных методик, объединяющих письменные задания с другими видами учебной деятельности.

Результаты проведённой работы демонстрируют высокую эффективность метода: большинство участников продемонстрировали отличные результаты, тогда как трое студентов получили оценку «хорошо». Все конкурсанты были поощрены памятным подарком и благодарственными письмами от проректора по воспитательной и социальной работе. Полученные данные подтверждают, что творческие эссе способствуют раскрытию творческого потенциала обучающихся.

Особого внимания заслуживает системная работа Казанского национального исследовательского технологического университета по сохранению и популяризации культурного наследия татарского народа. Среди регулярных мероприятий следует выделить:

1. Ежегодный конкурс творческих эссе «Родной язык – это мое драгоценное наследие»;
2. Конкурс чтецов «Тукай в наших сердцах»;
3. Образовательную акцию «Татарский диктант» [16];
4. Экскурсии в музей-квартиру Мусы Джалиля, в ходе которых студенты знакомятся с биографией и творческим наследием выдающегося татарского поэта.

Данные инициативы способствуют не только сохранению национальной идентичности, но и формированию у студентов ценностного отношения к культурному наследию.

Выводы

Все указанные творческие мероприятия оказывают значительное влияние на сознание студентов, формируя их представление о татарском народе и постепенно становясь традицией университета.

Таким образом, можно сделать несколько заключительных выводов:

- проведение творческих заданий оказывает положительное влияние на душевное саморазвитие и расширение культурного кругозора студентов;
- жанр эссе является важным элементом познания традиций татарского народа и частью воспитательного процесса студентов;
- изучение традиций определённого народа вызвало интерес у студентов, что подчеркивает необходимость дальнейшей целенаправленной работы с молодежью как в учебном процессе, так и в рамках внеаудиторных мероприятий;
- национальные традиции, наряду с языком, кухней, бытом и историей, составляют неотъемлемую часть любой нации.

В процессе изучения традиций одного народа как средства воспитания и обучения у студентов формируются различные навыки:

- коммуникативные: студенты учатся обсуждать творческие задания, организовывать консультации с преподавателями и защищать свои смелые идеи и проекты в общении с ровесниками и во время лекционных и семинарских занятий;
- личностные: развиваются самобытность и гибкость мышления, фантазия, любознательность и здоровые творческие амбиции;
- социальные: формируется способность к коллективной деятельности, готовность соблюдать самодисциплину и терпимость к мнениям окружающих.
- технологические: улучшаются наглядно-образная память и абстрактно-образное мышление.

Какой бы ни была форма передачи знаний, умений и компетенций, основное – это вызвать интерес у студентов, ставить перед ними конкретные задачи и помогать им корректировать, и находить решения, опираясь на полученные знания и навыки.

Полагаем, что нам удалось исследовать и обосновать возможность применения национальных традиций в воспитательном процессе студентов.

Литература

1. Каиров В.М. Традиции и исторический процесс (сквозь толщу лет). Владикавказ: Терек, 2008. 146 с.
2. Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2015. 538 с.
3. Биктагирова Г.Ф., Валеева Р.А., Биктагиров Р.Р. Семейные традиции: вопросы теории и социального проектирования. Казань: «Отечество», 2012. 228 с.
4. Волков Г.Н. Мы обозначены единым словом – человек // Народное образование. 1997. № 5. С. 82–86.
5. Зинурова Р.И. Особенности этнической социализации в современной России: монография. Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2006. 256 с.

6. Даричева Е.Н. Традиции художественного образования в подготовке специалистов в профильных ССУЗ: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2001. 24 с.
7. Зинурова Р.И. Общечеловеческие ценности Корана: монография. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 314 с.
8. Мурахтанова А.В., Воротилина Т.Л. Понятие традиций в социальных науках: содержание, структура, значение // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2002. № 1. С. 53-58. EDNI: HQLDRF.
9. Омарова Л.Б. Традиции как фундамент устойчивости общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 4. С. 51-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-51-58. EDNI: VUOBRQ.
10. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Профессиональные ожидания и профессиональные перспективы школьников в контексте государственной поддержки талантов // Управление устойчивым развитием. 2025. № 5 (60). С. 77-89. DOI: 10.55421/2499992X_2025_5_77. EDNI: BFIPBD.
11. Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка: в двух томах. I том (А–Л). Казань: Магариф-Вақыт, 2015. 469 б.
12. Исхаков Д.М. Татары: популярная этнография: этническая история татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 159 с.
13. Татарский фольклор: 1612–2022: Библиографический указатель. Казань, 2022. 480 с.
14. Ахметзянов Ю.А. Татарские народные блюда. Казань: Раннур, 2000. 407 с.
15. Казанский национальный исследовательский технологический университет. В КНИТУ подвели итоги конкурса чтецов «Тукай в наших сердцах». URL: https://www.kstu.ru/event.jsp?id=167615&id_cat=1&idparent=0 (дата обращения: 05.02.2026).
16. Казанский национальный исследовательский технологический университет. КНИТУ в седьмой раз стал площадкой образовательной акции «Татарча диктант». URL: https://www.kstu.ru/event.jsp?id=162613&id_cat=1&idparent=0 (дата обращения: 05.02.2026).

References

1. Kairov V.M. Tradicii i istoricheskij process (skvoz' tolshchu let).. Vladikavkaz: Terek, 2008. 146 p. (In Russ.)
2. Likhachev D.S. Izbrannye trudy po russkoj i mirovoj kul'ture. St. Petersburg: SPbGUP, 2015. 538 p. (In Russ.)
3. Biktagirova G.F., Valeeva R.A., Biktagirov R.R. Semejnye tradicii: voprosy teorii i social'nogo proektirovaniya. Kazan: Otechestvo, 2012. 228 p. (In Russ.)
4. Volkov G.N. My oboznacheny edinyim slovom – chelovek. Narodnoe obrazovanie. 1997. No. 5. pp. 82–86. (In Russ.)
5. Zinurova R.I. Osobennosti etnicheskoj socializacii v sovremennoj Rossii: monografiya. Kazan: Kazan State Technological University Publishing House. University, 2006. 256 p. (In Russ.)
6. Daricheva E.N. Tradicii hudozhestvennogo obrazovaniya v podgotovke specialistov v profil'nyh SSUZ: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Kazan, 2001. 24 p. (In Russ.)
7. Zinurova R.I. Obshchечелovecheskie cennosti Korana: monografiya. Kazan: Kazan University Publishing House, 2003. 314 p. (In Russ.)
8. Murakhtanova A.V., Vorotilina T.L. Ponyatie tradicij v social'nyh naukah: soderzhanie, struktura, znachenie. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo. 2002. No. 1. pp. 53-58. EDNI: HQLDRF. (In Russ.)
9. Omarova L.B. Traditions as a foundation for the society's sustainability. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2022. Vol. 12, No. 4. pp. 51-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-51-58. EDNI: VUOBRQ. (In Russ.)
10. Zinurova R.I., Tuzikov A.R. Professional expectations and professional prospects of schoolchildren in the context of state support for talents. Managing Sustainable Development. 2025. No. 5 (60). pp. 77-89. DOI: 10.55421/2499992X_2025_5_77. EDNI: BFIPBD. (In Russ.)
11. Akhmetyanov R.G. Etimologicheskij slovar' tatarskogo yazyka: v dvuh tomah. I tom (A–L). Kazan: Magarif-Vakyt, 2015. 469 b. (In Tat.)
12. Iskhakov D.M. Tatars: populyarnaya etnografiya: etnicheskaya istoriya tatarskogo naroda. Kazan: Tatar. book publishing house, 2005. 159 p. (In Russ.)
13. Tatarskij fol'klor: 1612–2022: Bibliograficheskij ukazatel'. Kazan, 2022. 480 p. (In Russ.)
14. Akhmetzyanov Yu.A. Tatarskie narodnye blyuda. Kazan: Rannur, 2000. 407 p. (In Russ.)

15. Kazan National Research Technological University. V KNITU podveli itogi konkursa chtecov “Tukaj v nashih serdcah”. Available at: https://www.kstu.ru/event.jsp?id=167615&id_cat=1&idparent=0 (Accessed Date: 05.02.2026). (In Russ.)

16. Kazan National Research Technological University. KNITU v sed'moj raz stal ploshchadkoj obrazovatel'noj akcii “Tatarcha diktant”. Available at: https://www.kstu.ru/event.jsp?id=162613&id_cat=1&idparent=0 (Accessed Date: 05.02.2026). (In Russ.)

Сведения об авторе:

©**Хуснетдинов Радик Маулитзянович** – кандидат филологических наук, доцент кафедры инженерной педагогики, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: KhusnetdinovRM@corp.knrtu.ru.

Information about the author:

©**Khusnetdinov Radik Maulitzyanovich** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Engineering Pedagogy, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: KhusnetdinovRM@corp.knrtu.ru.

А. И. Хамитова, М. М. Петрова

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ЗАДАЧ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПА
ВСЕРОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ОЛИМПИАДЫ
«ОБЩАЯ И НЕОРГАНИЧЕСКАЯ ХИМИЯ»**

Ключевые слова: олимпиада, химический эксперимент, оборудование, реактивы, химическая лаборатория, экспериментальная задача, эвристическая деятельность, эвристическая схема, регламентируемая ориентировка, оценка, ранжирование.

Разработка экспериментальных задач заключительного этапа Всероссийской студенческой олимпиады «Общая и неорганическая химия» является стратегически важной задачей, основывается на огромном опыте олимпиадного движения в нашей стране. К сожалению, методик проектирования экспериментальных олимпиадных задач по химии для студентов вузов практически не существует. По нашему мнению, проектирование таких задач должно базироваться на понятии «задачи» в педагогике. В понятии выделяются «предмет» задачи и «требование» задачи. Проведенный нами анализ экспериментальных задач уже проведенных олимпиад показывает, что доля задач, в которых предметом задачи является химический процесс составляет всего лишь 23,08 %. В идеальном варианте экспериментальные олимпиадные задачи для студентов должны охватывать все четыре основные учения химии: учение о строении вещества, термодинамики, кинетики и учения о периодическом изменении свойств элементов и их соединений. Среди экспериментальных задач уже проведенных олимпиад доля задач, охватывающих знания по термодинамике и кинетике химических процессов составляет суммарно всего 23,07 %. А доля задач, базирующиеся на знаниях из учения о строении вещества 0 %. Такую ситуацию объясняет отсутствие соответствующего оборудования на кафедре неорганической химии. Однако объективно необходимо данную ситуацию изменить и увеличить долю задач по термодинамике и кинетике, что приведет к увеличению задач, в которых предметом задачи является химический процесс. Деятельность студентов по решению экспериментальных олимпиадных задач является эвристической, поэтому условие задачи должно соответствовать специально разработанной эвристической схеме, включающей формулировку задачи, используемое оборудование, используемые реагенты, теоретическое обоснование работы, описание экспериментальной части, таблицы для исходных данных и полученных результатов. Описание экспериментальной части должно представлять собой регламентированную ориентировку. В регламентируемой ориентировке к экспериментальной задаче указывается последовательность действий студента, что гарантирует равное выполнение эксперимента студентами, имеющими малый опыт работы в химической лаборатории.

A. I. Khamitova, M. M. Petrova

**DESIGN OF EXPERIMENTAL TASKS FOR THE FINAL STAGE
OF THE ALL-RUSSIAN STUDENT OLYMPIAD IN
«GENERAL AND INORGANIC CHEMISTRY»**

Keywords: Olympiad, chemical experiment, equipment, reagents, chemistry laboratory, experimental problem, heuristic activity, heuristic scheme, regulated orientation, assessment, ranking.

Development of experimental tasks for the final stage of the All-Russian Student Olympiad “General and Inorganic Chemistry” is a strategically important task, based on the extensive experience of the Olympiad movement in our country. Unfortunately, there are practically no methodologies for designing experimental Olympiad tasks in chemistry for university students. In our opinion, the design of such tasks should be based on the pedagogical concept of a “task”. This concept distinguishes between the “subject” of the task and the “requirement” of the task. Our analysis of experimental tasks from past Olympiads shows that tasks where the subject is a chemical process constitute only 23.08 %. Ideally, experimental Olympiad tasks for students should cover all four fundamental areas of chemistry: the study of the structure of matter, thermodynamics, kinetics, and the study of the periodic variation in the properties of elements and their compounds. Among the experimental tasks from past Olympiads, the share of tasks requiring knowledge of thermodynamics and kinetics totals only 23.07 %. The share of tasks based on knowledge of the structure of matter is 0 %. This situation is explained by

the lack of appropriate equipment in the Department of Inorganic Chemistry. However, it is objectively necessary to change this situation and increase the proportion of tasks on thermodynamics and kinetics, which will lead to an increase in tasks where the subject is a chemical process. Students' activity in solving experimental Olympiad tasks is heuristic. Therefore, the task condition must correspond to a specially developed heuristic scheme, including the task formulation, equipment used, reagents used, theoretical justification of the work, description of the experimental part, tables for initial data and obtained results. The description of the experimental part should represent a regulated orientation. This regulated orientation for the experimental task specifies the sequence of student actions, which guarantees equal performance of the experiment for students with little experience working in a chemical laboratory.

Введение

С 2011 г. на кафедре неорганической химии КНИТУ проводится заключительный этап Всероссийской олимпиады студентов «Общая и неорганическая химия», состоящий из двух туров. В олимпиаде принимают участие студенты 1-2 курсов российских вузов, обучающихся по направлению 18.03.01 «Химическая технология». Необходимо отметить, что в подобной олимпиаде, проводимой до 2011 г. оба тура являлись теоретическими. Один из туров предполагал тестирование студентов по курсу, второй тур посвящался решению теоретических задач по общей и неорганической химии.

Разработка тестов по курсу и проведение тестирования, например, в системе управления обучением «Moodle» относительно простая задача. Возможности этой системы применительно к дисциплине «Общая и неорганическая химия» подробно описаны в [1]. Однако на кафедре неорганической химии КНИТУ было принято решение проводить наряду с теоретическим и экспериментальный тур и не проводить тестирование студентов. Это решение было положительно оценено руководителями студенческих команд из других вузов, поскольку химия – наука экспериментальная. Оба тура предусматривают решение задач, составленных преподавателями кафедры. Необходимо отметить, что с 2011 г. по 2017 г. экспериментальные задачи составляли доценты Т. Е. Бусыгина, Т. П. Петрова, Е. Е. Стародубец, А. И. Хамитова. С 2018 г. задачи экспериментального тура составляют доценты кафедры неорганической химии А. И. Хамитова и М. М. Петрова

Цели школьных и вузовских олимпиад по химии

Надо заметить, что, как и методика преподавания химии, методики разработки олимпиадных заданий по химии были изначально ориентированы на школьный курс химии. Положение о проведении Всесоюзной химической олимпиады школьников разработано в 1964 г., хотя первые олимпиады школьников по химии

были проведены еще в 1938 г. в Москве и Ленинграде. Студенческие предметные олимпиады, в частности олимпиады по химическим дисциплинам, появились чуть позже. Массовое проведение студенческих предметных олимпиад относят к 60-70-м годам прошлого века. Вузовские химические олимпиады имеют много общего со школьными олимпиадами по химии, однако имеются и отличия. Подробный анализ целей и задач олимпиад школьников проведен в работе [2]. Изначально школьные олимпиады должны были охватить как можно больше школьников. Олимпиадное движение 30-х гг. ставило основной целью привлечение школьников в науку. Наряду с данной целью декларировалось повышение интереса учащихся к химии, оказание помощи школьникам старших классов в выборе специальности, выявление сильнейших учащихся и др. [2]. С течением времени школьные олимпиадные задачи по химии сильно изменились. В содержание задач были введены новые понятия и темы. Усложнялись и сами задачи, в частности появились сложные задачи на определение состава вещества в случае ограниченных исходных данных. Это обстоятельство определило новую цель школьных химических олимпиад: «пробуждение глубокого интереса к решению нестандартных задач». В результате в заданиях школьных олимпиад по химии наблюдаются задачи, не входящие в рамки школьной программы. С 1997 г. основными целями и задачами олимпиад выделяются пропаганда научных знаний и развитие у школьников интереса к научной деятельности, выявление одаренных детей и их поддержка [2]. Не надо забывать и о том, что из победителей школьных химических олимпиад формируется команда участников Международных олимпиад. Естественно, что российские вузы заинтересованы в поступлении мотивированных на обучение и саморазвитие призеров и победителей олимпиад.

Вузовские олимпиады по химии не имеют такой широкой аудитории, как школьные, но имеют конечной целью выявление одаренных и талантливых студентов для определения индивидуальных траекторий обучения и самоопределения таких студентов. Мы считаем,

что победители вузовских химических олимпиад являются кадровым резервом химической науки – основы развития стратегически важной химической отрасли страны. Что касается содержания задач олимпиады «Общая и неорганическая химия», то они охватывают знания одноименной дисциплины и включают задачи разной степени сложности, как и полагается на любой олимпиаде. Хорошо известно, что задачи разного уровня включаются по двум основным причинам: дифференциации и сохранение мотивации участников. Необходимо отметить, что в задаче экспериментального тура студенческой олимпиады дифференциация базируется на различном уровне навыков работы в химической лаборатории у студентов и ряде теоретических вопросов разного уровня, предоставляемых студенту для описания проводимых процессов, теорий, позволяющих описать эти процессы, используемых, или синтезируемых соединений.

Задачи теоретического и практического тура Всероссийской олимпиады школьников по химии представлены на сайте олимпиады для различных классов школьников за различные годы проведения. Однако методик разработки теоретических, а особенно практических задач Всероссийской олимпиады школьников по химии очень мало.

Методик разработки олимпиадных задач теоретического и экспериментального тура для вузовских химических олимпиад практически нет. К сожалению, нет и официального сайта Всероссийской студенческой олимпиады «Общая и неорганическая химия» по направлению 18.03.01 «Химическая технология».

Понятие экспериментальной задачи по химии

Вернемся к проектируемым задачам экспериментального тура олимпиады. Отличительной чертой экспериментальной задачи является тот факт, что решается она экспериментальным путем. Экспериментальная задача не противоречит общему определению задачи Г. А. Балла, который понимает задачу, как состоящую из следующих обязательных компонентов [3]:

- предмет задачи, представляющий собой некоторый материальный, или идеальный предмет, находящийся в исходном состоянии;
- требование задачи, т. е. модель требуемого состояния предмета задачи.

Традиционно экспериментальная задача по химии под предметом задачи предполагает вещество (или вещества), требование задачи заключается в получении нового вещества. Новое вещество образуется в процессе химических

превращений. Получение новых веществ, проведение химических процессов с этой целью связано с использованием определенных реактивов и оборудования. Эксперимент предполагает и подтверждение, что полученное новое вещество – это именно то, что требовалось в задаче. Поэтому в задачу включается и ряд качественных реакций для идентификации полученных веществ. Такой подход широко используется в задачах по синтезу различных веществ и достаточно часто нами используется при проектировании экспериментальных олимпиадных задач.

Однако такой подход признается нами достаточно узким. Рассматривая химию по О. С. Зайцеву, как систему четырех основных учений [4, 5]: учения о строении вещества, термодинамики, кинетики и учения о периодическом изменении свойств элементов и их соединений, в химических студенческих олимпиадах необходимо использовать экспериментальные задачи так же из учений о кинетике и термодинамике химических процессов.

Такой подход – разработка экспериментальных задач по основным разделам химии и используется при разработке экспериментальных задач Всероссийской студенческой олимпиады по химии. Естественно, что задачи олимпиады студентов по «Общей и неорганической химии» должны соответствовать вузовскому курсу «Общая и неорганическая химия».

В случае проектирования задач из учений о термодинамике и кинетике химических процессов в качестве предмета задачи выступает собственно химический процесс. Требование задачи заключается в количественном описании исследуемого процесса с использованием соответствующих формул. В 2017 г. нами была разработана задача на определение условной скорости химической реакции, в которой по результатам эксперимента необходимо было вывести кинетическое уравнение реакции. В 2011 и 2019 гг. в экспериментальный тур были включены задачи, в которых на основании эксперимента рассчитывались энтальпия растворения и энтальпия гидролиза соответственно. Для проведения исследуемого процесса, как и в случае синтеза веществ, использовалось специальное оборудование и реактивы.

Как отмечалось ранее, для решения экспериментальных задач учений о термодинамике и кинетике химических процессов используются расчетные формулы, изучаемые в вузе. Формулы для проведения расчетов используются и в других экспериментальных задачах, но это формулы хорошо известные из школьного курса химии. В экспериментальных задачах

присутствуют формулы для расчетов количества вещества, массы реагирующих веществ, объема раствора, массовой доли выхода, перерасчет массы соли из известной массы кристаллогидрата. В ряде задач необходимо провести расчеты по уравнениям химических реакций, например, расчет на «избыток-недостаток», определение массы продукта реакции.

Проектирование экспериментальных задач из учения о периодическом изменении свойств элементов и их соединений, так называемой «Химии элементов», открывает много возможностей, которые ограничиваются наличием оборудования и безопасностью используемых процессов и соединений.

Эксперимент, связанный с определением строения вещества базируется на методах спектроскопии, микроскопии, хроматографии и др. и требует специального оборудования в количествах достаточных для всех участников экспериментального тура. Такое оборудование на кафедре неорганической химии отсутствует. Поэтому и задачи данного учения в экспериментальных олимпиадных задачах объективно отсутствуют.

На основании ранее сказанного можно сделать вывод о том, что проектирование олимпиадных экспериментальных задач существенно ограничивается наличием необходимого оборудования на кафедре.

Все ранее описанное позволяет классифицировать экспериментальные химические задачи студенческой олимпиады по двум основным параметрам: предмету задачи и принадлежности задачи к одному из четырех учений химии (табл. 1).

Процентное соотношение спроектированных задач экспериментальных задач, относящихся к различным предметам задач, представлено в табл. 2.

Процентное соотношение спроектированных задач экспериментальных задач, относящихся к различным учениям и синтезу неорганических веществ, представлено в табл. 3. Отдельно нами выделяются задачи по синтезу неорганических веществ.

Анализ табл. 2 и 3 показывает малую долю уже спроектированных задач, в которых предметом задачи является химический процесс и малую долю задач, базирующихся на учениях о термодинамике и кинетике химических процессов. Данная ситуация объективно связана с отсутствием необходимого оборудования на кафедре неорганической химии. Однако результаты анализа показывают необходимость разработки таких задач и включения их в экспериментальный тур студенческой олимпиады по химии.

Таблица 1 – Классификация экспериментальных задач студенческой олимпиады «Общая и неорганическая химия»

Принцип классификации	Виды задач
По предмету задачи	Задачи, имеющие предметом: – вещество; – химический процесс
По отношению к определенному учению химии	Задачи, относящиеся к учению о: – строении вещества; – термодинамике; – кинетике; – периодическом изменении свойств элементов и их соединений

Таблица 2 – Процентное соотношение спроектированных экспериментальных задач

№ п/п	Предмет задачи	Соотношение, %
1	Вещество	76,92
2	Химический процесс	23,08

Таблица 3 – Процентное соотношение спроектированных экспериментальных задач

№ п/п	Учение, или тема	Соотношение, %
1	Учение о строении вещества	0
2	Термодинамика химических процессов	15,38
3	Кинетика	7,69
4	Химия элементов	30,77
5	Синтез неорганических соединений	46,15

Всероссийская студенческая олимпиада проводится в химических лабораториях кафедры неорганической химии. Существуют общие правила работы в химической лаборатории, с которыми участники олимпиады, напоминаем, что это студенты 1–2 курсов, хорошо знакомы. Однако для безопасного выполнения экспериментальной задачи подбираются относительно несложные в выполнении и безопасные процессы.

Эвристическая схема в экспериментальных олимпиадных задачах по общей и неорганической химии

При проектировании экспериментальных олимпиадных задач мы опирались на хорошо известную в педагогике классификацию задач по видам деятельности: алгоритмические, эвристические, исследовательские. Как известно, алгоритмические задачи предполагают четкий алгоритм действий. Эвристические задачи не имеют стандартного алгоритма решения. Исследовательская задача требует ответа на вопрос, который ранее не был известен. Мы полагаем, что экспериментальные олимпиадные задачи для студентов должны быть эвристическими [6, 7]. Задание организаторами четкого алгоритма действий на олимпиаде не предусмотрен по определению. Ведь это олимпиада, соревнование! Исследовательская задача предполагает самостоятельную постановку задачи студентом и более характерна для различного рода исследовательских работ. Мы же сами формулируем перед всеми участниками олимпиады одну и ту же экспериментальную задачу.

Эвристическая задача является нестандартной и требует создания эвристической схемы, которая предоставляется студенту на олимпиаде. В эвристическую схему экспериментально олимпиадной задачи входит следующая информация:

- формулировка задачи;
- используемое оборудование;
- используемые реагенты;
- теоретическое обоснование работы;
- описание экспериментальной части;
- таблицы для исходных данных и полученных результатов.

В части «используемое оборудование» дается перечень химической посуды и оборудования на одного студента.

В разделе «используемые реагенты» перечисляются реагенты, необходимые для выполнения эксперимента.

Следующий раздел посвящен теоретическому обоснованию работы. В теоретическом обосновании дается описание получаемых веществ, или процессов, необходимых для понимания выбранных методик эксперимента.

Описание экспериментальной части представляет собой регламентированную ориентировку. Хорошо известно, что регламентированная ориентировка не снимает «проблемности ситуации, не лишает его (обучающегося) самостоятельности, но меняет характер поведения – оно становится разумным, сознательным, строится на понимании того, что надо сделать, зачем и каким способом» [8]. Отличительной особенностью химического эксперимента является то обстоятельство, что большинство экспериментальных задач по химии должны иметь регламентируемую ориентировку [9]. В регламентируемой ориентировке к экспериментальной задаче указывается последовательность действий студента, что гарантирует равное выполнение эксперимента студентами, имеющими малый опыт работы в химической лаборатории.

Таблицы для исходных данных и полученных результатов приводятся для стандартизации ответов студентов и упрощения работы жюри.

Например, в экспериментальной задаче 2025 г. эвристическая схема выглядит следующим образом [10].

Задание: синтезировать нитрат гексаамминникеля(II).

Оборудование: электронные прецизионные весы, химический стакан объемом 100 мл, 2 мерных цилиндра объемами 10 мл и 20 мл, 2 пробирки, пробиркодержатель, кристаллизатор, водоструйный насос, колба Бунзена, воронка Бюхнера, стеклянная палочка, фарфоровая ложечка или шпатель, резиновые перчатки, фильтровальная бумага, обеззоленный фильтр, сушильный шкаф.

Используемые реагенты: гексагидрат нитрата никеля(II), 25 %-ный раствор аммиака, этиловый спирт.

Теоретическое обоснование:

Нитрат гексаамминникеля(II) получают взаимодействием соответствующей соли никеля(II) с концентрированным раствором аммиака.

Нитрат гексаамминникеля(II) – кристаллы хорошо растворимые в воде, не растворимые в этаноле. В растворе комплексное соединение устойчиво в присутствии избытка аммиака, разлагается горячей водой. При нагревании кристаллов до 78°C ступенчато разлагается.

Техника безопасности: ВСЕ РАБОТЫ ПРОВОДИТЕ В РЕЗИНОВЫХ ПЕРЧАТКАХ, А СИНТЕЗ – В ВЫТЯЖНОМ ШКАФУ!!!

Экспериментальная часть:

1. Взвесьте на электронных прецизионных весах в химическом стакане 5 г гексагидрата нитрата никеля(II).

2. В вытяжном шкафу отмерьте мерным цилиндром 15 мл концентрированного раствора

аммиака. Прилейте отмеренное количество раствора аммиака в стакан с кристаллогидратом. Перемешайте полученный раствор стеклянной палочкой.

3. Мерным цилиндром отмерьте 2 мл этанола и добавьте его в приготовленный в п.2 раствор.

4. Поставьте стакан с приготовленной в п.3 смесью охлаждаться в кристаллизатор со льдом на 30 минут.

5. Отфильтруйте полученную массу на установке, состоящей из фарфоровой воронки Бюхнера, колбы Бунзена и водоструйного насоса. Радиус обеззоленного фильтра должен быть примерно на 1 мм меньше радиуса дна воронки Бюхнера. Фильтр должен закрывать все отверстия воронки и плотно прилегать ко дну воронки, поэтому перед фильтрованием его смачивают дистиллированной водой, плотно прижимают стеклянной палочкой ко дну воронки и включают насос. Если воздух с шипением проходит через фильтр, то фильтр плотно прилегает ко дну воронки и можно начинать фильтрование.

При выключенном водоструйном насосе перелейте на воронку раствор со взмученным осадком, предварительно взвесив фильтр. Осадок на фильтре должен быть равномерно распределен по поверхности фильтра. Включите насос и фильтруйте до максимально полного удаления жидкости. Затем насос выключите.

Кристаллы на фильтре промойте двумя порциями этанола по 2 мл. Для этого при выключенном насосе прилейте на фильтр с образовавшимся веществом 2 мл этилового спирта и включите насос. После практически полного удаления спирта насос должен быть выключен. Процедуру промывания этанолом повторите еще раз.

6. Находящееся в воронке вещество вместе с фильтром выложите на лист фильтровальной бумаги.

7. Высушите фильтр с кристаллами соли в сушильном шкафу при температуре 45°C в течение 30 мин.

8. Взвесьте фильтр с кристаллами соли на электронных весах.

9. Небольшое количество синтезированной соли поместите в пробирку, нагрейте в вытяжном шкафу. Отметьте цвет образующихся при разложении продуктов.

10. Небольшое количество синтезированной соли поместите в пробирку, добавьте дистиллированной воды. Несколько раз встряхните пробирку до растворения кристаллов. Нагрейте в вытяжном шкафу. Отметьте цвет образующихся при разложении продуктов.

Экспериментальные данные занесите в таблицу результатов расчета и эксперимента (табл. 4).

9. Ответьте на теоретические вопросы:

1) Опишите окраску образовавшихся кристаллов нитрата гексаамминникеля(II).

2) Напишите уравнение реакции получения нитрата гексаамминникеля(II).

3) Рассчитайте выход продукта.

4) Запишите уравнение реакции разложения комплексной соли при нагревании.

5) Запишите уравнение реакции разложения комплексной соли в растворе при нагревании.

6) Постройте диаграмму молекулярных орбиталей исследуемого координационного соединения.

Ответы занесите в таблицу ответов на вопросы экспериментальной задачи (табл. 5).

Таблица 4 – Результаты расчета и эксперимента

Масса фильтра, m_1 , г	$m_1 =$
Масса фильтра с осадком, m_2 , г	$m_2 =$
Масса осадка, m_3 , г	$m_3 =$
Теоретически рассчитанная масса продукта, $m_{теор}$, г	$m_{теор} =$

Таблица 5 – Ответы на вопросы экспериментальной задачи

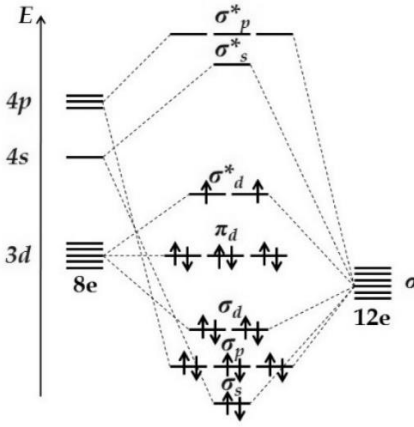
№ п/п	Задание	Ответ
1	Опишите цвет нитрата гексаамминникеля(II)	
2	Запишите уравнение химической реакции получения нитрата гексаамминникеля(II)	
3	Определите выход продукта	
4	Запишите уравнение реакции разложения комплексной соли при нагревании	
5	Запишите уравнение реакции разложения комплексной соли в растворе при нагревании	
6	Постройте диаграмму молекулярных орбиталей	

Особого внимания заслуживает система оценивания. Отметим, что жюри предоставляется таблица с ответами и баллами (табл. 6), коррелирующая с табл. 5 для быстрой оценки результата экспериментальной работы студента жюри. Апелляция по результатам экспериментального тура не предусматривается, поэтому нужна система быстрой оценки работ. Хорошо известно, что система оценивания должна ранжировать студентов. Однако оценки за элементарные экспериментальные операции, проводи-

мые студентами, не выставляются. Однако качество этих операций отражается на полученных результатах. В приведенной задаче это сказывается на массовой доле выхода и окраске полученного соединения (п. 1 и 3 табл. 4). Ранжирование происходит при ответе студентов на теоретические вопросы (п. 2, 4–6 в табл. 5).

Известно, что при оценке олимпиадных задач недопустимо «двойное наказание», т. е. снятие баллов за одно и то же неверное действие. Это обстоятельство так же учитывается при разработке системы оценивания.

Таблица 6 – Таблица оценивания экспериментальной задачи

№ п/п	Критерий	Пояснения	Максимальная оценка
1	Правильно описан цвет нитрата гексаамминникеля(II)	Кристаллы фиолетового цвета	2 балла
2	Правильно записано уравнение химической реакции получения нитрата гексаамминникеля(II)	$Ni(NO_3)_2 \cdot 6H_2O + 6NH_3 \cdot H_2O = [Ni(NH_3)_6](NO_3)_2 + 12H_2O$	3 балла
3	Определен выход продукта	Теоретически рассчитанная масса продукта, $m_{теор} = 4,85$ г Выход продукта в пределах 60 %	Максимально 4 балла – верно рассчитан теоретический выход продукта 1 балл – выход продукта в пределах 50–40 % 3 балла; – выход продукта в пределах 40–30 % или 50–60 % 2 балла; – выход продукта в пределах 30–20 % или 60–65 % 1 балл; – выход продукта в пределах 20–10 % или 65–70 % 0,5 балла
4	Верно записано уравнение реакции разложения комплексной соли при нагревании	$2[Ni(NH_3)_6](NO_3)_2 = 2NiO + 12NH_3 + 4NO_2 + O_2$	3 балла
5	Верно записано уравнение реакции разложения комплексной соли в растворе при нагревании	$[Ni(NH_3)_6](NO_3)_2 + 2H_2O = Ni(OH)_2 + 2NH_4NO_3 + 4NH_3$	3 балла
6	Верно построена диаграмма молекулярных орбиталей		5 баллов
Суммарная оценка			20

Для разных экспериментальных задач эвристические схемы выглядят по-разному. Например, для задач, в которых предметом выступает химический процесс, используются различные формулы для расчета. Тем не менее основные компоненты эвристической схемы: формулировка задачи, используемое оборудование, используемые реагенты, теоретическое обоснование работы, описание экспериментальной части с регламентируемой ориентировкой, таблицы для исходных данных и полученных результатов сохраняются.

Заключение

Резюмируя все вышесказанное, необходимо отметить, что методик создания экспериментальных олимпиадных задач по «Общей и

неорганической химии» для студентов не существует. Постулируя тот факт, что экспериментальная задача является задачей, решаемой экспериментальным путем, а олимпиадная задача является эвристической по определению, мы заключаем, что экспериментальные олимпиадные задачи должны содержать знания из четырех основных учений химии и задаваться с помощью эвристических схем. В эвристической схеме к задаче основную роль выполняет регламентируемая ориентировка, определяющая последовательность действий в химическом эксперименте. Использование на экспериментальном туре олимпиады эвристических схем очень эффективно, поскольку с 2011 г. не было ни одного студента, не выполнившего эксперимент.

Литература

1. Стародубец Е.Е., Борисевич С.В. Опыт использования цифровых дидактических материалов в преподавании общей и неорганической химии при реализации смешанной модели обучения // Управление устойчивым развитием. 2024. № 6(55). С. 81-87. DOI: 10.55421/2499992X_2024_6_81. EDNI: ILOMDC.
2. Тюльков И.А., Зефирова О.Н., Архангельская О.В., Колтырев Д.Ю., Лунин В.В. Историческое исследование целей и задач химических олимпиад школьников // Вестник Московского университета. Серия 2: Химия. 2008. Т. 49, № 4. С. 284-288. EDNI: JUUECJ.
3. Балл Г.А. О психологическом содержании понятия «задача» // Вопросы психологии. 1970. № 6, С. 75-86.
4. Зайцев О.С. Методика обучения химии: теоретический и прикладной аспекты. Москва: Владос, 1999. 384 с.
5. Зайцев О.С. Системно-структурный подход обучения химии. Москва: МГУ, 1983. 179 с.
6. Апяри В.В., Архангельская О.В., Долженко В.Д., Теренин В.И. Составление задач экспериментального тура Всероссийской олимпиады школьников по химии // Естественнонаучное образование: методические основы разработки заданий по химии. Москва: Издательство Московского университета, 2022. С. 110-122.
7. Хамитова А.И., Петрова М.М. Химический эксперимент в системе форм организации обучения общей и неорганической химии. Казань: РИЦ «Школа», 2021. 87 с.
8. Талызина Н.Ф., Соколовская Е.М. Научные основы преподавания химии в высшей школе. Москва: МГУ, 1978. 316 с.
9. Хамитова А.И. Из опыта использования экспериментальных задач // Химия в школе. 2022. № 6. С. 74-78. EDNI: IEGRII.
10. Хамитова А.И., Петрова М.М. Задания экспериментального тура XII Всероссийской студенческой олимпиады по дисциплине «Общая и неорганическая химия» (20-22 апреля 2025 г.). Казань: Изд-во КНИТУ. 2025. 6 с.

References

1. Starodubets E.E., Borisevich S.V. Experience in using digital didactical materials in teaching general and inorganic chemistry in a blended learning model. Managing Sustainable Development. 2024. No. 6(55). pp. 81-87. DOI: 10.55421/2499992X_2024_6_81. EDNI: ILOMDC. (In Russ.)
2. Tyulkov I.A., Zefirova O.N., Arkhangelskaya O.V., Koltyrev D.Yu., Lunin V.V. A Historical study of the goals and problems of chemistry olympiads for school students. Moscow University Chemistry Bulletin. 2008. Vol. 49, No. 4. pp. 284-288. EDNI: JUUECJ. (In Russ.)
3. Ball G.A. O psihologicheskom soderzhanii ponyatiya "zadacha". Voprosy psichologii. 1970. No. 6, pp. 75-86. (In Russ.)

4. Zaitsev O.S. Metodika obucheniya himii: teoreticheskij i prikladnoj aspekty. Moscow: Vldos Publ., 1999. 384 p. (In Russ.)
5. Zaitsev O.S. Sistemno-strukturnyj podhod obucheniya himii. Moscow: Moscow State University, 1983. 179 p. (In Russ.)
6. Апыри V.V., Arkhangel'skaya O.V., Dolzhenko V.D., Terenin V.I. Sostavlenie zadach eksperimental'nogo tura Vserossijskoj olimpiady shkol'nikov po himii. Estestvennonauchnoe obrazovanie: metodicheskie osnovy razrabotki zadaniy po himii. Moscow: Moscow University Press, 2022. pp. 110-122. (In Russ.)
7. Khamitova A.I., Petrova M.M. Himicheskij eksperiment v sisteme form organizacii obucheniya obshchej i neorganicheskoj himii. Kazan: RIC "School", 2021. 87 p. (In Russ.)
8. Talyzina N.F., Sokolovskaya E.M. Nauchnye osnovy prepodavaniya himii v vysshej shkole. Moscow: Moscow State University, 1978. 316 p. (In Russ.)
9. Khamitova A.I. From the experience of using experimental problems. Himiya v shkole. 2022. No. 6. pp. 74-78. EDNI: IEGRII. (In Russ.)
10. Khamitova A.I., Petrova M.M. Zadaniya eksperimental'nogo tura XII Vserossijskoj studencheskoj olimpiady po discipline "Obshchaya i neorganicheskaya himiya" (20-22 aprelya 2025 g.). Kazan: KNRTU Publishing House. 2025. 6 p. (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Хамитова Альбина Ильгизаровна** – кандидат химических наук, доцент кафедры неорганической химии имени профессора Н. С. Ахметова, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: h-albina@mail.ru.

©**Петрова Мария Михайловна** – кандидат химических наук, доцент кафедры неорганической химии имени профессора Н. С. Ахметова, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: petrova-2002@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Khamitova Albina Ilgizarovna** – Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor of the Department of Inorganic Chemistry named after Professor N. S. Akhmetov, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: h-albina@mail.ru.

©**Petrova Maria Mikhailovna** – Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor of the Department of Inorganic Chemistry named after Professor N. S. Akhmetov, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: petrova-2002@yandex.ru.

Л. Н. Галеева, Т. А. Старшинова

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Ключевые слова: профессиональное образование, цифровизация образования, риски цифровизации, профессиональное развитие.

Статья посвящена влиянию цифровизации, социальных сетей и систем искусственного интеллекта на профессиональное образование и личностное развитие молодежи. Авторы рассуждают о последствиях повсеместной цифровизации образования, как положительных, оптимизирующих обучение и способствующих построению индивидуальной образовательной траектории, так и негативных, вызывающих нежелание самостоятельно мыслить и формирующих иллюзорное представление о реальном мире у молодежи. Актуальность исследования обусловлена растущей ролью информационных технологий и нейросетей в обострении проблем, связанных с несамостоятельностью в обучении, а также искажением представлений о труде и успехе. Впоследствии, в том числе из этого произрастает конфликт между работодателями и молодыми соискателями, требующими условия труда и заработную плату, не соответствующие их квалификации, объему работы и опыту. Были рассмотрены преимущества и риски цифровизации образования и пути их оптимизации, лежащие на плечи педагогов и родителей. В статье описан опыт проведения пилотного исследования, в котором приняло участие 104 студента второго курса ГАПОУ «Казанский торгово-экономический техникум». Целью работы было определить степень влияния применения цифровых технологий на способность приобретения и усвоения профессионально значимых знаний студентами СПО на занятии по дисциплине профессионального цикла. Студенты осуществляли работу в идентичных условиях с одной переменной – возможностью использовать цифровые ресурсы через мобильные телефоны. Результаты оценивались устным опросом и тестированием. Исследование наглядно продемонстрировало, что студенты, используя традиционные источники знаний, могут усваивать информацию более качественно, чем при помощи безграничных возможностей цифровых ресурсов, интернета и систем искусственного интеллекта. Задача научного сообщества, педагогов и родителей, помочь молодому поколению научиться избирательно относиться к избытку информации, фильтровать ее и применять комплексные меры для уменьшения влияния информационных ресурсов на молодежь, описанные в статье. Для этого необходимо развивать навыки самостоятельного обучения, критического мышления обучающихся и демонстрировать им честную картину мира.

L. N. Galeeva, T. A. Starshinova

IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SPHERE OF PROFESSIONAL EDUCATION: RISKS AND LIMITATIONS

Keywords: vocational education, digitalization of education, risks of digitalization, professional development.

The article is devoted to the impact of digitalization, social networks and artificial intelligence systems on vocational education and personal development of young people. The authors discuss the consequences of the widespread digitalization of education, both positive, optimizing learning and contributing to the construction of an individual educational trajectory, and negative, causing unwillingness to think independently and forming an illusory view of the real world among young people. The relevance of the study is due to the growing role of information technology and neural networks in exacerbating problems related to learning disabilities, as well as distorting perceptions of work and success. Subsequently, this leads to a conflict between employers and young applicants who demand working conditions and wages that do not correspond to their qualifications, work volume and experience. The advantages and risks of digitalization and ways to minimize them, which fall on the shoulders of teachers and parents, were considered. The article describes the experience of conducting a pilot study, which was attended by 104 second-year students of the Kazan Trade and Economic College. The purpose of the work was to determine the degree of influence of the use of digital technologies on the ability of students of vocational education and training to acquire and assimilate professionally significant knowledge in a lesson on a professional cycle discipline. The students carried out the work in identical conditions with one

variable – the ability to use digital resources through mobile phones. The results were evaluated by oral interview and testing. The study clearly demonstrated that students, using traditional sources of knowledge, can assimilate information more efficiently than using the limitless possibilities of digital resources, the Internet and artificial intelligence systems. The task of the scientific community, teachers and parents is to help the younger generation learn how to selectively treat excess information, filter it and apply comprehensive measures to reduce the impact of information resources on young people, described in the article. To do this, it is necessary to develop the skills of independent learning, critical thinking of students and to show them an honest picture of the world.

Мы живём в эпоху стремительной трансформации общества – цифровизация стала неотъемлемой частью практически любой области жизнедеятельности человека. Изначально она подразумевал прежде всего оптимизацию обработки данных – преобразование информации в электронный формат, создания цифровых экосистем для торговли и ведения бизнеса, использование программ для решения математико-статистических и повседневных задач, таких как написание отчётов, составление заявок и так далее. Если оглянуться, можно с уверенностью сказать, что начальная задумка выполнена и она действительно в значительной степени упрощает повседневность. Многие отрасли изменились до неузнаваемости.

1. Медицина. По всей стране активно внедряются электронные медицинские карты, системы дистанционной онлайн-записи на приемы к врачам разных специальностей, применение нейросетей для анализа медицинских изображений, таких как КТ, МРТ и многое другое.

2. Образование. Для проведения обзора научной образовательной литературы, больше нет необходимости тратить уйму времени в городских библиотеках в поисках необходимой информации. Теперь практически при любом образовательном учреждении есть своя онлайн-библиотека, в которой быстро и просто можно найти необходимый рабочий материал. Также появилось большое количество онлайн-школ и курсов, где любой желающий может пройти обучение той или иной специальности, не выходя из дома. Искусственный интеллект (ИИ) помогает находить и оформлять нужную информацию.

3. Бизнес. Применение CRM-систем и ИИ значительно ускорило и автоматизировало рутинные задачи и повысило производительность труда сотрудников. Также, в настоящее время, практически любая компания стремится сделать опыт знакомства с их продукцией и политикой продажи товаров более комфортной для потребителя, в этом им помогают чат-боты на официальном сайте компании. Помимо этого, они снижают нагрузку с сотрудников-операторов, у которых появляется больше времени, чтобы наиболее полно проконсультировать клиентов по вопросам качества товаров или в иных

ситуациях, в которых не может помочь искусственный интеллект.

Все вышеперечисленное лишь малая часть того, что сделало жизнь современного человека комфортной. В последнее время во всех областях активно внедряются технологии искусственного интеллекта. Несмотря на то, что сам термин «Искусственный интеллект» был озвучен Джоном Маккарти еще в 1956 году [1], стремительно развиваться в России они начали примерно в 2020-х годах. Благодаря повсеместной цифровизации и поддержке со стороны государства, менее, чем за 6 лет системы искусственного интеллекта смогли развиваться до неузнаваемости [1]. Особенно это касается генеративной и мультимедийной сфер. Нейросети могут самостоятельно осуществлять поиск и анализ литературы, на основе которого генерируют оригинальные тексты; по описанию создают иллюстрации в любой необходимой стилистике; могут редактировать изображения и на их основе генерировать видеозаписи и многое другое. На данный момент ИИ способен генерировать настолько реалистичные фото и видео, что обычному человеку может быть затруднительно отличить реальность от созданной картинке.

В таком случае, если все эти технологии упрощают жизнь и оптимизируют многие процессы, почему автор поднимает вопрос рисков для профессионального образования? Как это взаимосвязано? На эти вопросы трудно ответить однозначно, как заметила М. П. Прохорова, ввиду того, что цифровизация начала распространяться в образовательные практики сравнительно недавно, общество еще только начинает сталкиваться с ее результатами [2]. Тем не менее, научное и педагогическое сообщество начинает признавать, что цифровизация образования несет в себе как положительные результаты, так и некоторые издержки.

В Российской Федерации был разработан проект «Современная цифровая образовательная среда в РФ» [3]. Его суть заключается в обеспечении повышения качества образования всех слоев населения.

Цифровизация профессионального образования неизбежна, и она сопровождается рядом существенных последствий, как негативных, так и позитивных. Благодаря повсеместной

цифровизации все студенты, поступающие в учреждение профессионального образования, уже имеют навыки базовой компьютерной грамотности. Е. А. Сентищева в своей работе отмечает такие преимущества цифровых технологий для профессионального образования, как:

- Перспектива быстрого и комфортного обучения новым специальностям, с использованием официальных, лицензированных цифровых платформ, оказывающих образовательные услуги.

- Возможность для преподавателей делиться профессиональным опытом с коллегами по всей стране. Подобное взаимодействие позволяет как повышать квалифицированность педагогического состава организации, так и расширить научно-исследовательскую базу организации, которой смогут пользоваться студенты при написании научных работ, курсовых и выпускных квалификационных работ.

- Шанс для обучающегося освоить сразу несколько специальностей и стать более востребованным на рынке труда [4].

По мнению А. В. Крюкова, системы искусственного интеллекта, внедренные в образовательную среду, могут в ближайшем будущем помочь регулярно корректировать методики с целью оптимизации образовательного процесса и минимизации не всегда положительного влияния человеческого фактора преподавателя, такого как, например, профессиональное выгорание. Еще одним преимуществом цифрового образования перед традиционным, как заметил А. В. Крюков, является возможность применять системы виртуальной и дополненной реальности в образовательном процессе [5]. Эти технологии могут наглядно моделировать будущие профессиональные ситуации прямо во время учебного занятия, что дает студентам возможность получить бесценный опыт решения той или иной профессиональной задачи.

Еще одним не маловажным положительным фактором цифровизации образовательной среды является потенциал трансформации и облегчения труда педагога. Цифровые ресурсы, как заметила Е. И. Пронина [6], снимают ряд задач с преподавателя, такие как: ежедневная проверка тестирований, сбор обратной связи, составление дополнительных индивидуальных заданий, оставляя больше времени для творческой и научной деятельности. Также современные технологии позволяют продолжать учебный процесс в дистанционном формате в чрезвычайных ситуациях.

Однако, помимо вышеперечисленных положительных результатов цифровизации в системе профессионального образования, не стоит забывать и про риски, связанные с ней.

Многие исследователи пытались в своих работах сформулировать их. В коллективном исследовании В. И. Блинова были выделены риски искажения мышления, личностных ценностных ориентиров, этические и управленческие риски, риски чрезмерной веры в цифровые технологии и возможности ошибочного восприятия цифровизации образования с его оцифровкой [7]. В то же время Н. Б. Стрекалова указывает на риски:

- повсеместного регресса базовых когнитивных способностей к письму, чтению, счету и логики;

- понижение качества образования ввиду уменьшения личного живого общения;

- приоритезация технократического типа мышления сотрудника на фоне снижения востребованности интеллектуальных и гуманитарных составляющих образовательного процесса;

- трансформация образовательной среды в «образовательные услуги» и снижение уровня ответственности за результат «оказанной услуги» со стороны сотрудников образовательных организаций;

- понижение контингента лиц, получающих профессиональное образование [8].

Рассуждая о злоупотреблении обучающимися применения систем искусственного интеллекта в образовательном процессе, стоит заметить, что, по данным опубликованным в журнале «Ведомости», 87 % опрошенных студентов пользуются нейросетями в целом, а 25 % из них, по данным системы «Антиплагиат», используют ИИ для написания работ [9]. Опасности, связанные с использованием искусственного интеллекта в образовании, осознаются. «В сфере использования искусственного интеллекта (ИИ) в образовательных целях следует ввести регулирование. С таким предложением выступила президент ГК InfoWatch, председатель правления Ассоциации разработчиков программных продуктов (АРПП) «Отечественный софт» Наталья Касперская на общественном совете при Минцифры 24 марта. По ее словам, рабочая группа по вопросам нормативно-правового регулирования различных аспектов, связанных с ИИ, при Совете Федерации готовит законопроект, в котором будут содержаться соответствующие инициативы» [9].

Все вышеупомянутые риски существенны и очевидны для тех, кто имеет опыт ежедневного взаимодействия с подрастающим поколением, причем они распространяются не только на недобросовестность в учебе. И. В. Головина и Т. Я. Александрова в статье «Цифровизация образования: риски и последствия» говорят об искажении восприятия информации и о

подмене понятий как о последствиях цифровизации, которые уже существуют на данный момент [10]. Проблема подмены понятий остро влияет на психику и формирование личности подрастающего поколения. С. А. Храпов рассуждал о когнитивной безопасности обучающихся, связанной с чрезмерным употреблением информационных ресурсов [11]. Тенденция, вызванная влиянием социальных сетей и систем искусственного интеллекта, сформировала целый ряд негативных последствий, к которым можно отнести: пассивное потребление информации, отсутствие опыта аналитического мышления, новые ценности и культ «быстрого успеха». Таким образом, может страдать не только качество результатов профессионального образования, но и искажаться базовые ценности молодежи, в том числе – профессиональное самоопределение, что влечет за собой негативные последствия для последующего профессионального и жизненного пути.

Современное подрастающее поколение родилось и выросло в эпоху цифровизации. Они не знают, каково это жить без интернета и социальных сетей. Они привыкли с детства получать любую информацию коротким запросом в поисковой строке или вовсе от голосового ассистента, работающего на основе искусственного интеллекта, и ориентироваться на мимолетные тренды. Если в учебной деятельности постоянно повторяется ситуация, когда информация достается обучающимся очень легко, когда не надо прилагать усилий для получения формально положительного результата, есть риск, что такой подход впоследствии распространится и на отношении к профессиональной деятельности, в том числе – выбор профессии, образовательную траекторию по ее освоению, карьерные и зарплатные ожидания.

Выбрать профессию всегда было сложно, не удивительно, что зачастую подросткам 16–17-ти лет трудно сделать выбор, особенно если все «авторитеты» в социальных сетях демонстрируют идеализированную картину жизни: дорогие телефоны, красивые путешествия, беззаботную повседневность и легкий успех. Глядя на такую картину жизни, подростки могут сталкиваться с проблемами искажения реальности и подмены понятий. Происходит деформация их представления о реальном мире, складывается впечатление, что все эти «красивые картинки» – норма и такой должна быть жизнь каждого; они не получают представления о труде, профессии, о том, как достигать успеха, и о том, какая на самом деле взрослая жизнь. Все вышперечисленное оказывает негативное влияние не только на личность подростка, но и на общество.

1. Молодые люди 16–17-ти лет оказываются неготовыми к взрослой реальной жизни, не осознают, что успех не бывает моментальным – для его достижения необходимо потратить массу сил и времени, постепенно преодолевая трудности на пути. Осознание этого может оказать разрушительное действие на психику некоторых особенно чувствительных подростков.

2. На данный момент не популярная, но растущая тенденция отказа от получения образования. Растет количество подростков, сознательно отказывающихся получать образование – они не хотят «тратить время» на освоение специальности и получение профессии, потому что искренне верят в то, что успех придет сам. Согласно статистическим данным сборника «Индикаторы образования» НИУ ВШЭ, в 2022 году 4 % выпускников 9 классов приняли решение не получать дальнейшего образования [11].

3. Навязанные социальными сетями представления о работе. Молодое поколение находится в поиске престижных, высокооплачиваемых должностей, не имея соответствующего образования, квалификации и опыта. При этом они убеждены, что каждый может получать доход без колоссального труда, через разнообразные социальные сети. Более того, некоторые подростки, привыкшие к комфорту, могут испытывать тревогу и страх перед реальной работой, на которой необходимо изо дня в день находиться на служебном месте и выполнять поставленные работодателем задачи. Они, столкнувшись с таким диссонансом между ярким образом из медиаплатформы и однообразными, иногда скучными буднями настоящего взрослого человека.

Результаты описанных личностно-социальных проблем уже начали отражаться на рынке труда и экономике страны. Работодатели часто сталкиваются с низкой мотивированностью и чрезмерными ожиданиями по оплате труда среди молодых специалистов. При этом они не готовы отрабатывать зарплату, на которую претендуют.

Одними из путей предотвращения усугубления конфликта между объективной необходимостью применения современных информационных технологий в обучении и растущими требованиями к самостоятельному мышлению и навыкам непрерывного самообучения в течение всей жизни является оптимизация занятий по профильным предметам на уровне профессионального образования. Было проведено пилотное исследование, позволяющее отследить, насколько критичной является ситуация со способностью обучающихся обходиться без цифровых ресурсов.

В общей сложности в исследовании приняло участие 104 студента второго курса ГАПОУ

«Казанский торгово-экономический техникум», обучающихся по направлению «Торговое дело». Им была дана определенная тема на самостоятельное изучение во время учебного занятия. Всем группам были предоставлены учебные материалы для изучения в печатном виде и, при необходимости, студенты могли задавать любые вопросы по теме занятия преподавателю. Также во время занятий в качестве фона звучала тихая классическая музыка. Различия были в возможности использования мобильных телефонов и интернета. У двух учебных групп общим количеством 52 человека (по 27 и 25 студентов в учебных группах), была возможность пользоваться не только печатными учебными материалами, но и мобильным телефоном, интернетом и любыми информационными ресурсами, как часто и происходит в реальности на занятиях, условно обозначим их «первая группа». А у двух других, общим количеством 52 человека (по 24 и 28 человек в учебной группе), не было доступа к мобильными телефонами и интернету (далее «вторая группа»), они могли использовать только учебные материалы, предоставленные преподавателем.

Различия были заметны уже на стадии выдачи задания и его выполнения. Первая группа, имеющая возможность пользоваться интернетом, с легкостью приняла задание, и лишь немного удивилась музыке, что было, по их мнению, нетипичным. На протяжении всего урока у группы не возникало вопросов по теме занятия, и лишь пять человек посчитали необходимым воспользоваться предложенными преподавателем учебными материалами для изучения темы по причине разрядившихся мобильных телефонов.

Реакция второй группы была более интересной – студенты без энтузиазма восприняли неожиданную необходимость убрать телефоны и не использовать интернет во время занятия. Также они были удивлены, услышав тихую классическую музыку как фон. В течение первых пятнадцати минут занятия студенты демонстрировали различный спектр эмоций: недовольство от необходимости остаться без интернета, протест против прослушивания симфоний великих композиторов и принятие того, что придется работать самостоятельно, без делегирования обязанностей системам искусственного интеллекта. Примерно через 20 минут от начала занятия все они приступили к усердной работе, в ходе которой активно пользовались всеми предложенными преподавателем учебными материалами, проявляли живой интерес к теме и задавали множество дополнительных вопросов как по теме занятия, так и по смежным, самостоятельно выстраивая междисциплинарные связи.

По завершении занятия в каждой из групп преподаватель проводил первичную и вторичную

проверку усвоения материала. В качестве первичной проверки знаний выступил устный опрос по теме в конце занятия. Уже по его результатам можно было видеть, насколько разнится эффективность подготовки двух групп. Первая группа отвечала на вопросы медленно, неохотно и очень кратко. В основном на вопросы давали ответы самые активные студенты и те, кто работал без мобильного телефона. Также было заметно, что на некоторые вопросы студенты не могли дать ответ самостоятельно и искали помощь в интернете. Вторая же группа на все вопросы отвечала либо самостоятельно, либо с использованием собственных конспектов. Все ответы были полными, в случае, когда они затруднялись дать ответ самостоятельно, студенты вместе с преподавателем пытались найти его через живое обсуждение предположений.

Также по завершении занятия, после устного опроса, была проведена рефлексия, в результате которой было выявлено, что студенты первой группы для поиска информации в основном опирались на ответы систем искусственного интеллекта и лишь четверо из двадцати пяти студентов помимо нейросети использовали учебник по данной дисциплине в электронном формате. Данная группа студентов не считала занятие необычным, за исключением звучавшей на протяжении всего занятия музыки, и имели нейтральное настроение по завершении занятия.

Во второй же группе дела обстояли иначе. Во время рефлексии обучающиеся, не имеющие возможности пользоваться интернет-ресурсами, поделились, что поначалу было трудно перестроиться на другой формат работы, но они остались довольными конечным результатом. Некоторые студенты признались, что примерно через 20 минут от начала занятия перестали слышать музыку до тех пор, пока не завершили свою работу, что говорит об их высокой вовлеченности, заинтересованности в теме и концентрации на ней. Вторая группа смогла доказать самой себе, что они способны справляться с поставленными задачами своими силами и умом. Этот опыт дал им больше уверенности в себе и своем будущем.

В качестве вторичной проверки было проведено тестирование на следующем занятии, о котором все студенты были заранее предупреждены. По его результатам средний балл для первой и второй групп составлял 3,79 и 4,82 соответственно, что говорит о лучшей восприимчивости информации второй группой. Также стоит обратить внимание, что во второй группе не было ни одного студента, написавшего тестирование на неудовлетворительный балл. Результаты тестирования представлены на рисунке.

Результаты вторичной оценки знаний студентов, %

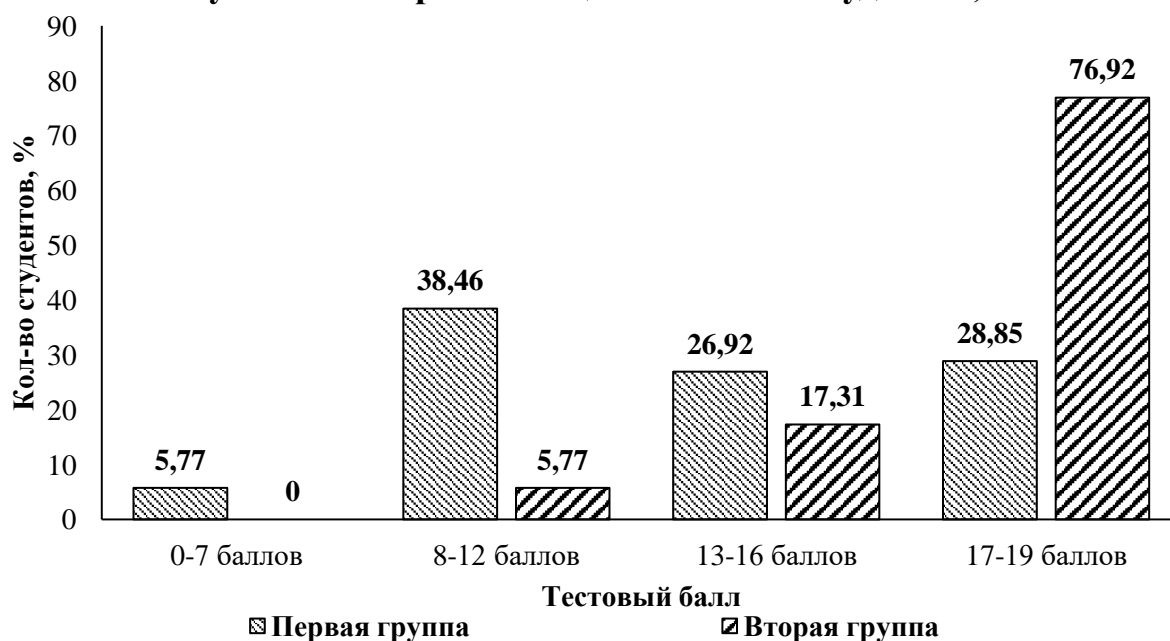

Рисунок – Результаты вторичной оценки знаний студентов тестированием

Таким образом, результаты пилотного исследования показали, что студенты, используя традиционные источники знаний, могут усваивать информацию более качественно, чем при помощи безграничных возможностей цифровых ресурсов, в виде интернета и систем искусственного интеллекта. С одной стороны, этот факт внушает оптимизм в той части, что большинство студентов не потеряло навыки самостоятельной учебной деятельности и работы с первичными источниками информации. С другой стороны, перед нами встает вопрос: какие составляющие образовательного процесса цифровизация делает более эффективными, а в каких случаях она скорее помеха? В рамках нашего небольшого пилотного исследования мы, безусловно, смогли только прикоснуться к этому весьма актуальному в современной ситуации повсеместной цифровизации образования вопросу. Полагаем, что эта тема требует дальнейших серьезных и намного более масштабных разработок.

Но уже сейчас понятно, что перед научным сообществом, педагогами и родителями стоят следующие задачи: помочь студентам научиться избирательно относиться ко всему многообразию информации и применение комплексных мер для решения проблемы влияния цифровых ресурсов, социальных сетей и систем искусственного интеллекта на молодежь. Сложные проблемы не могут иметь простых путей решения, но, как минимум, это означает следующие меры.

1. Развивать критическое мышление на всех этапах становления личности, начиная от учреждений дошкольного образования и заканчивая вузами, а также помимо этого учить воспитанников способности распознавать манипулятивные воздействия и навыкам противодействия им. Также необходимо стимулировать обучающихся к активации самостоятельных мыслительных процессов, позволять им сначала изучить тему самостоятельно, а затем расширить полученные знания информацией из электронных информационных ресурсов.

2. Демонстрировать молодежи честную картину мира. Общественно популяризировать концепцию того, что успех – результат длительного процесса, который достигается упорным трудом.

3. Проводить профессиональную ориентацию обучающихся с привлечением ярких представителей профессии для наглядной демонстрации историй успеха с акцентом как на увлекательном процессе становления личности, так и на результате реально существующих людей вместо сомнительных представителей медиапространства. Это также можно совместить с программой «Наставничество», согласно которой опытные профессионалы из разных отраслей делятся опытом и тонкостями своей работы с молодым поколением.

Также необходимо научить их отдыхать от нескончаемого потока информации, получаемой из социальных сетей, проводить цифровой детокс – осознанный ограниченный по времени

отказ от потребления информации из медиасферы, с целью освободиться от цифровой зависимости, уменьшить количество стресса в организме и найти время для живого общения с реальными живыми людьми, развития творческих, социальных навыков и отдыха [12, 13]. Как заметили в своем исследовании Е. М. Громова и соавторы [13], задача современной системы образования заключается в воспитании молодых высококвалифицированных специалистов, способных генерировать креативные пути решения

рабочих задач, реализовывать эти предложения с использованием информационных ресурсов. Именно такие специалисты необходимы современному рынку труда в условиях повсеместной цифровизации. Способствуя устранению негативных последствий цифровизации, описанных в статье, можно не только минимизировать риски в системе профессионального образования, но и отчасти способствовать формированию реалистичного взгляда молодежи на свое профессиональное развитие.

Литература

1. Молчанова Т.В. Траектория развития искусственного интеллекта в СССР и России: от кибернетики до нейронных сетей // Криминологический журнал. 2025. № 1. С. 218-225. DOI: 10.24412/2687-0185-2025-1-218-225. EDNI: UHPDGP.
2. Прохорова М.П., Лебедева Т.Е., Ксенофонтова А.И. Риски цифровизации в профессиональном образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-3. С. 236-240. EDNI: NOXBIV.
3. Мое образование: Федеральный портал. Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации. URL: <https://online.edu.ru/public/about?faces-redirect=true> (дата обращения: 30.03.2026).
4. Сентищева Е.А. Цифровизация и ее влияние на развитие профессионального образования // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 2 (62). С. 243-249. EDNI: FOWNYP.
5. Крюков А.В., Лесевицкий А.В., Юсупова Ю.К. Позитивные и негативные аспекты процесса цифровизации сферы образования // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2023. № 13. С. 63-75. DOI: 10.24412/2712-827X-2023-13-63-75. EDNI: NZEVZG.
6. Пронина Е.И., Кузнецова Н.В. Риски в условиях цифровизации профессионального образования: системный подход // Цифровое общество: социологическое измерение настоящего и будущего: Сборник материалов конференции, Москва, 02-03 ноября 2023 года. Москва: Российское общество социологов, 2024. С. 407-413.
7. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения. Москва: Издательство «Перо», 2019. 98 с.
8. Стрекалова Н.Б. Риски внедрения цифровых технологий в образование // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 2. С. 84-88. DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88. EDNI: UZVXVH.
9. Ведомости. Совет Федерации готовит законопроект по ограничению использования ИИ в образовании. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/03/25/1185291-sovfed-gotovit-zakonoproekt-ro-ogranicheniyu-ispolzovaniya-ii-v-obrazovanii> (дата обращения: 25.03.2026).
10. Головина И. В., Александрова Т.Я. Цифровизация образования: риски и последствия // Образовательные ресурсы и технологии. 2024. № 1 (46). С. 17-22. DOI: 10.21777/2500-2112-2024-1-17-22. EDNI: OUXBHP.
11. Индикаторы образования: 2024: статистический сборник. Москва: НИУ ВШЭ, 2024. 416 с.
12. Храпов С.А., Баева Л.В. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 17-26. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-17-26. EDNI: BQFETT.
13. Богоудинова Р.З., Бородина С.Д., Абдулхакова А.Р. Дискурс информационной безопасности: методологический аспект // Управление устойчивым развитием. 2021. № 6 (37). С. 84-89. EDNI: WVYHXH.
14. Громова Е.М., Беркутова Д.И., Горшкова Т.А. Цифровые сервисы профориентации: возможности и риски // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 4 (44). С. 128-136. DOI: 10.54509/22203036_2021_4_128. EDNI: BVCCWY.

References

1. Molchanova T.V. The trajectory of artificial intelligence in the ussr and russia: from cybernetics to neural networks. Kriminologicheskij zhurnal. 2025. No. 1. pp. 218-225. DOI: 10.24412/2687-0185-2025-1-218-225. EDNI: UHPDGP. (In Russ.)

2. Prokhorova M.P., Lebedeva T.E., Ksenofontova A.I. Risks of digitalization in vocational education. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020. No. 66-3. pp. 236-240. EDNI: NOXBİY. (In Russ.)
3. Moe obrazovanie: Federal'nyj portal. Sovremennaya cifrovaya obrazovatel'naya sreda v Rossij-skoj Federacii. Available at: <https://online.edu.ru/public/about?faces-redirect=true> (Accessed Date: 30.03.2026). (In Russ.)
4. Sentishcheva E.A. Digitalization and its impact on the development of professional education. Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. No. 2 (62). pp. 243-249. EDNI: FOWNYP. (In Russ.)
5. Kryukov A.V., Lesevitsky A.V., Yusupova Yu.K. Positive and negative aspects of the process of digitalization of the sphere of education. Gumanitarnye issledovaniya. Pedagogika i psihologiya. 2023. No. 13. pp. 63-75. DOI: 10.24412/2712-827X-2023-13-63-75. EDNI: NZEVZG. (In Russ.)
6. Pronina E.I., Kuznetsova N.V. Risks in the context of digitalization: a systematic approach. In Digital society: the sociological dimension of the present and the future: Conference proceedings, Moscow, November 02-03, 2023. Moscow: Russian Society of Sociologists, 2024. pp. 407-413. (In Russ.)
7. Didakticheskaya koncepciya cifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya. Moscow: Pero Publishing House, 2019. 98 p. (In Russ.)
8. Strekalova N.B. Risks of digital technologies implementation into education. Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology. 2019. Vol. 25, No. 2. pp. 84-88. DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88. EDNI: UZVXVH. (In Russ.)
9. Vedomosti. Sovet Federacii gotovit zakonoproekt po ogranicheniyu ispol'zovaniya II v obrazovanii. Available at: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/03/25/1185291-sovfed-gotovit-zakonoproekt-po-ogranicheniyu-ispolzovaniya-ii-v-obrazovanii> (Accessed Date: 25.03.2026). (In Russ.)
10. Golovina I. V., Alexandrova T.Ya. Digitalization of education: risks and consequences. Educational resources and technologies. 2024. No. 1 (46). pp. 17-22. DOI: 10.21777/2500-2112-2024-1-17-22. EDNI: OUXBHP. (In Russ.)
11. Indikatory obrazovaniya: 2024: statisticheskij sbornik. Moscow: Higher School of Economics, 2024. 416 p. (In Russ.)
12. Khrapov S.A., Baeva L.V. Risk philosophy of education digitalization: cognitive risks and ways to create a secure communicative educational environment. Voprosy filosofii. 2021. No. 4. Pp. 17-26. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-17-26. EDNI: BQFETT. (In Russ.)
13. Bogoudinova R.Z., Borodina S.D., Abdulkhakova A.R. Information security discourse: methodological aspect. Managing sustainable development. 2021. No. 6 (37). pp. 84-89. EDNI: WVYHXH. (In Russ.)
14. Gromova E.M., Berkutova D.I., Gorshkova T.A. Digital career guidance services: opportunities and risks. Professional Education in Russia and Abroad. 2021. No. 4 (44). pp. 128-136. DOI: 10.54509/22203036_2021_4_128. EDNI: BBCCWY. (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Галеева Ляйсан Наилевна** – преподаватель, Казанский торгово-экономический техникум, Российская Федерация, Казань, e-mail: galeeva.lyaysan@mail.ru

©**Старшинова Татьяна Александровна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры инженерной педагогики, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: StarshinovaTA@corp.knrtu.ru

Information about the authors:

©**Galeeva Luaisan Nailevna** – teacher, Kazan Trade and Economics Technical School, Russian Federation, Kazan, e-mail: galeeva.lyaysan@mail.ru

©**Starshinova Tatyana Aleksandrovna** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Engineering Pedagogy, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: StarshinovaTA@corp.knrtu.ru

Р. Р. Талипов, Ф. Т. Шагеева

ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ К ТРЕНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: профессиональная подготовка, дополнительное профессиональное образование, учитель физической культуры в общеобразовательной школе, тренерская деятельность

В данной статье рассматриваются результаты исследования актуальной проблемы подготовки учителей физической культуры к тренерской деятельности в общеобразовательной школе. Обосновывается необходимость целенаправленной подготовки к данной деятельности, осуществление которой наиболее эффективно в условиях дополнительного профессионального образования, которое выступает важной частью непрерывного образовательного цикла, обеспечивая учителей необходимыми навыками и знаниями для успешной профессиональной деятельности. Оно включает в себя различные формы, такие как самообразование, повышение квалификации, профессиональная переподготовка и стажировка, каждая из которых направлена на удовлетворение образовательных потребностей и профессиональных запросов учителей. Отмечается, что успешность подготовки учителей в системе дополнительного профессионального образования зависит от выполнения ряда требований, таких как соблюдение определенного комплекса организационно-педагогических условий, использование активных и интерактивных методов обучения, современных педагогических принципов и подходов. Представлены выявленные и обоснованные авторами педагогические условия подготовки учителей к тренерской деятельности в общеобразовательной школе: разработка и реализация программы ДПО с адаптацией теоретических знаний к конкретным условиям работы учителя тренером в школе, с акцентом на практико-ориентированный и индивидуальный подходы; активизация обратной связи и регулярный мониторинг прогресса; стимуляция непрерывного саморазвития и самоподготовки учителей физической культуры. Спроектирована экспериментальная программа повышения квалификации учителей физической культуры, направленная непосредственно на совершенствование основных компонентов данной деятельности. При разработке этой программы были учтены пожелания и предложения учителей физической культуры: большее количество практических занятий непосредственно с реальными группами занимающихся футболом детьми; желание учиться на примерах конкретных ситуаций, возникающих в работе с детьми разных возрастов и различной степени подготовки и др., поскольку именно они будут являться её конечными пользователями. Для диагностики сформированности основных компонентов (познавательно-творческого, информационно-коммуникационного, проектировочно-диагностического, организационного и аналитического) тренерской деятельности в общеобразовательной школе был разработан диагностический инструментарий, включающий специальные задания разного типа и критерии их оценивания. Каждый показатель оценивался в зависимости от результата на четырех уровнях: начальном, среднем, оптимальном, высоком. Оценка уровня сформированности самого компонента в целом осуществлялась с помощью метода экспертных оценок.

R. R. Talipov, F. T. Shageeva

TRAINING PHYSICAL EDUCATION TEACHERS FOR COACHING ACTIVITIES IN SECONDARY SCHOOLS THROUGH ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

Keywords: professional training, additional professional education, physical education teacher in a comprehensive school, coaching activities.

This article examines the results of a study examining the pressing issue of training physical education teachers for coaching in comprehensive schools. It substantiates the need for targeted training for this role, which is most effectively implemented through continuing professional education, which serves as an important part of the continuous educational cycle, providing teachers with the necessary skills and knowledge for successful professional practice. This includes various forms, such as self-education, advanced training, professional retraining, and internships, each aimed at meeting the educational needs and professional demands of teachers. It is noted that the success of teacher training in continuing professional education depends on meeting a number of requirements, such as adherence to a specific set of organizational and pedagogical conditions, the use of active and interactive teaching methods, and modern pedagogical principles and approaches. The authors present the

pedagogical conditions for preparing teachers for coaching in comprehensive schools, identified and substantiated by the authors: the development and implementation of a continuing professional education program with the adaptation of theoretical knowledge to the specific conditions of a teacher's work as a coach in a school, with an emphasis on a practice-oriented and individualized approach; the activation of feedback and regular monitoring of progress; and the stimulation of continuous self-development and self-training of physical education teachers. A pilot program for professional development for physical education teachers has been developed, aimed specifically at improving the key components of this activity. The program's development took into account the wishes and suggestions of physical education teachers, including a greater number of practical sessions directly with real groups of children playing football; a desire to learn from specific situations that arise when working with children of different ages and levels of experience; and other concerns, as they will be the end users of the program. To assess the development of the key components (cognitive-creative, information-communication, design-diagnostic, organizational, and analytical) of coaching in comprehensive schools, a diagnostic tool was developed. It included specific tasks of various types and assessment criteria. Each indicator was assessed based on its performance at four levels: basic, intermediate, optimal, and advanced. The development of each component as a whole was assessed using expert assessments.

В своей предыдущей работе мы выявили, что возникающие изменения в сфере общего образования повышают требования, предъявляемые учителям физической культуры. В современной школе учителя физической культуры должны быть не только учителями-предметниками, но и полноценными тренерами, осуществляющими тренировочный процесс с учетом специфики тренерской деятельности в общеобразовательной школе. Кроме того, нами ранее были определены компоненты данной деятельности и ее особенности, благодаря которым мы можем рассматривать её как самостоятельный вид профессионально-педагогической деятельности [1].

Также мы выяснили, что часто полученного базового образования учителям физической культуры бывает недостаточно для эффективного осуществления тренерской деятельности. Поэтому мы считаем, что одним из вариантов решения данной проблемы может стать дополнительное профессиональное образование (ДПО) [2].

Как показал проведенный анализ научной и методической литературы по проблеме исследования, именно, благодаря дополнительному профессиональному образованию становится возможным повышение профессионального уровня или приобретение новых профессий без отрыва или с минимальным отрывом от своей профессиональной деятельности [3-5].

Итоги проведенного научного исследования Е. В. Кетриша, Т. В. Андриюхиной наглядно демонстрируют высокую потребность и исключительную ценность дополнительного профессионального образования как для молодых начинающих специалистов, так и для профессионалов, накопивших внушительный опыт работы учителем физической культуры. Полученные ими данные однозначно подтверждают тот факт, что дополнительная профессиональная подготовка, явля-

ется важной частью непрерывного образовательного цикла и главным условием устранения профессиональных затруднений [6].

Однако, многими авторами отмечается, что эффективность процесса подготовки учителя физической культуры в системе дополнительного педагогического образования будет обеспечиваться только при соблюдении определенного комплекса организационно-педагогических условий и педагогических принципов, использовании активных и интерактивных методов обучения, современных педагогических подходов [7-9].

Поэтому, проведя теоретико-методологический анализ, мы выявили три педагогических подхода, применение которых, на наш взгляд, в процессе подготовки учителей физической культуры к тренерской деятельности в рамках ДПО, сделают его наиболее эффективным. Это деятельностный, практико-ориентированный и личностно-ориентированный подходы.

Что касается педагогических принципов, для решения данной проблемы нами отмечены и выделены следующие: принцип индивидуализации, принцип обоснованного выбора, включённого взаимообучения, образовательной радости, принцип контекстного обучения [10-11].

Преимущества активных методов обучения ученые видят в том, что они дают возможность не только предоставить обучающимся готовые знания, но и сформировать у них творческое мышление, развить личностные умения и навыки, повысить интерес к образовательному процессу.

К. А. Максимова, И. А. Барабина выделяют «четыре группы активных методов обучения: проблемно-поисковые (лабораторные работы, эвристические беседы, работа в исследовательских центрах), информационно-развивающие (беседы, дискуссии, лекции, дебаты, объясне-

ния), творчески-воспроизводящие (анализ литературных и других информационных источников, деловые и ролевые игры, выполнение практических упражнений) и репродуктивные (пересказ учебного материала, выполнение практических заданий с имеющимся эталоном выполнения)» [12].

Самыми действенными и перспективными среди современных образовательных технологий в сфере дополнительного профессионального образования И. Е. Каришина выделяет следующие:

1) «технологии активного обучения: деловые игры, кейс-стади, тренинги, мастер-классы, все они предназначены для того, чтобы слушатели активно принимали участие в процессе обучения, применяли полученные знания на практике и тем самым развивали необходимые компетенции;

2) информационно-коммуникационные технологии: онлайн-курсы, вебинары, видеоконференции, электронные библиотеки, образовательные платформы, эти технологии направлены на расширение возможности обучения, делая его более доступным и гибким;

3) технология смешанного обучения: комбинирование традиционных аудиторных занятий с онлайн-обучением, что позволяет сочетать преимущества обеих форм обучения и создать наиболее эффективную образовательную среду» [13].

С целью выявления педагогических условий подготовки учителя физической культуры к тренерской деятельности нами были проанализированы педагогические условия подготовки как учителей физической культуры, так и тренеров по виду спорта [14-17]. Что позволило нам выявить и обосновать следующие условия такой подготовки:

1. Разработка и реализация программы ДПО с адаптацией теоретических знаний к конкретным условиям работы учителя тренером в школе, с акцентом на практико-ориентированный и индивидуальный подходы.

2. Активизация обратной связи и регулярный мониторинг прогресса.

3. Стимуляция непрерывного саморазвития и самоподготовки учителей физической культуры.

В рамках реализации первого условия, нами была разработана программа повышения квалификации «Тренировочный процесс в общеобразовательной школе (на примере футбола)» для учителей физической культуры и педагогов дополнительного образования, рассчитанная на 72 академических часа.

При составлении данной программы учитывались пожелания и предложения самих учителей. Например, возможность проходить обучение в удобное время, частично дистанционно или в вечерние часы; возможность получения электронных версий всех материалов, удобных для последующего обращения и повторного просмотра; большее количество практических занятий непосредственно с реальными группами занимающихся футболом детьми; большее внимание оптимальным схемам планирования тренировочного процесса, исходя из минимальных затрат времени и максимальной отдачи; желание учиться на примерах конкретных ситуаций, возникающих в работе с детьми разных возрастов и различной степени подготовки.

Ведущими методологическими подходами программы явились личностно-ориентированный, практико-ориентированный и деятельностный.

Цель программы - совершенствование уровня сформированности основных компонентов тренерской деятельности у учителей физической культуры.

Основные компоненты тренерской деятельности в общеобразовательной школе и их показатели были определены нами на основе анализа литературы [18-19] (табл. 1).

Таблица 1 – Основные компоненты тренерской деятельности учителя физической культуры в СОШ и их показатели

Компоненты	Показатели		
	Общепедагогические и специальные знания	Уважительное отношение к профессиональной деятельности	Способность к профессиональному творчеству
Познавательнo-творческий			
Информационно-коммуникационный	Умение в отборе, обработке и подаче учебного материала в доступной форме	Владение дидактическими принципами и методиками	
Проектировочно-диагностический	Умение выполнять спортивную и педагогическую диагностику,	Умение планировать, проектировать, конструировать и моделировать учебно-тренировочный процесс	

Компоненты	Показатели	
Организационный	Умение организовать, направлять, рационально управлять и контролировать учебно-тренировочный процесс	Владение спортивно-педагогическими технологиями и умение их применять
Аналитический	Объективная профессиональная оценка и самооценка	Умение выявить и устранить допущенные ошибки в УТЗ

Для диагностики сформированности показателей основных компонентов тренерской деятельности в общеобразовательной школе нами были разработаны специальные задания разного типа и критерии их оценивания (табл. 2). Каждый показатель оценивался в зависимости от результата на четырех уровнях: начальном, среднем, оптимальном, высоком.

Оценка уровня сформированности самого компонента в целом осуществлялась с помощью метода экспертных оценок.

С помощью данных диагностических заданий был определен исходный уровень сформированности основных компонентов у учителей физической культуры до начала прохождения курса повышения квалификации. Результаты представлены на рисунке.

Таблица 2 – Задания для диагностики сформированности показателей основных компонентов тренерской деятельности в общеобразовательной школе

Компоненты	Показатели	Оценочное задание
Познавательно-творческий	Общепедагогические и специальные знания	Тест из 20 вопросов по базовым профессиональным знаниям теории и методики футбола
	Уважительное отношение к профессиональной деятельности	Описание методики обучения трем техническим действиям игры футбол
	Способность к профессиональному творчеству	Опрос
Информационно-коммуникационный	Умение в отборе, обработке и подаче учебного материала в доступной форме	Проведение части тренировочного занятия игровым способом
	Владение дидактическими принципами и методиками	Письменное задание: подробное описание техники выполнения удара по катящемуся мячу внутренней стороной стопы с учетом возрастных когнитивных особенностей девятилетних детей
		Проведение части занятия
Проектировочно-диагностический	Умение выполнять спортивную и педагогическую диагностику,	Решение возникшей проблемы в моделируемых ситуациях, выбор определенного стиля общения и стратегии поведения
	Умение планировать, проектировать, конструировать и моделировать учебно-тренировочный процесс	тест из 10 вопросов, по критериям отбора детей в секцию футбола
		проведение диагностики конкретного ребенка
		тест из 10 вопросов, касающихся научно-обоснованных подходов к организации и проведению учебно-тренировочных занятий
		построение учебно-тренировочного процесса, в зависимости от уровня подготовки учеников и их функциональных возможностей: спланировать учебно-тренировочный процесс с учетом исходных условий

Компоненты	Показатели	Оценочное задание
Организационный	Умение организовать, направлять, рационально управлять и контролировать учебно-тренировочный процесс	Опрос Проведение подготовительной части тренировки, на разновозрастной группе
	Владение спортивно-педагогическими технологиями и умение их применять	Тест из 20 вопросов, связанных с организацией УТЗ Обучение одному техническому действию
Аналитический	Объективная профессиональная оценка и самооценка	Анализ действий тренера и подведение итогов занятия
		Оценка результатов проведенного самим учителем фрагмента тренировочного занятия
	Умение выявить и устранить допущенные ошибки в УТЗ	Выявление причины появления ошибок, нахождение способов их преодоления.

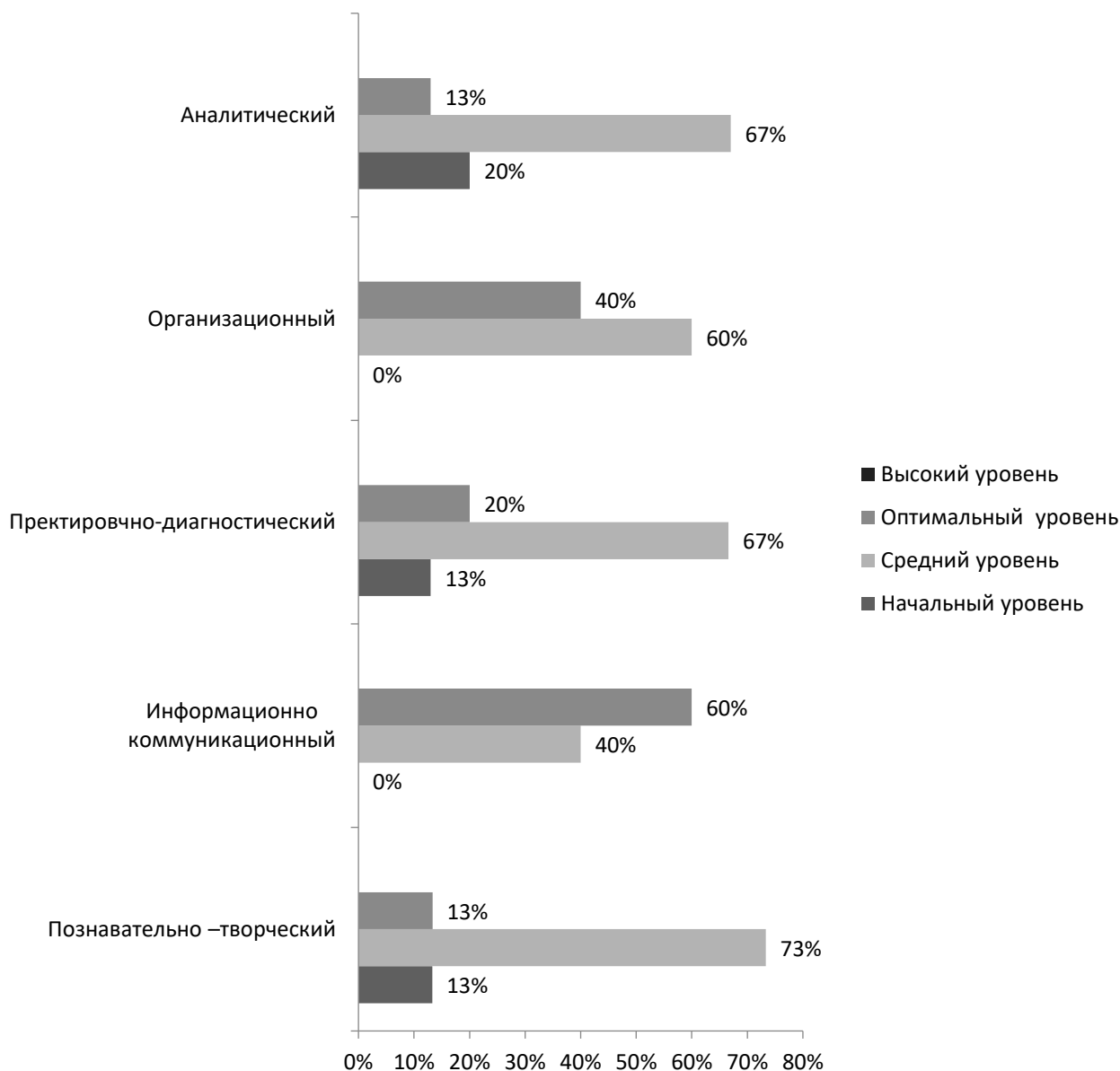

Рисунок – Исходный уровень сформированности основных компонентов тренерской деятельности

Из рисунка видно, что большая часть учителей находятся на среднем уровне сформированности основных компонентов, а также наблюдается отсутствие учителей с высоким уровнем.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что становится необходимым проведение целенаправленной подготовки учителей физической культуры к тренерской деятельности в общеобразовательной школе. Осуществление такой подготовки целесообразно в системе дополнительного профессионального образования, которое обеспечивает возможность повышения профессионального уровня или приобретения новых профессиональных компетенций. Однако, чтобы процесс такой подготовки

учителя физической культуры был эффективным, требуется соблюдение определенного комплекса педагогических условий, использование активных и интерактивных методов обучения, современных педагогических принципов и подходов.

С этой целью нами были разработаны специальный диагностический инструментарий и программа повышения квалификации, которая непосредственно направлена на подготовку учителей физической культуры к тренерской деятельности и совершенствование уровня сформированности основных компонентов такой деятельности в общеобразовательной школе.

Литература

1. Талипов Р.Р. Компоненты тренерской деятельности учителя физической культуры // Жить в XXI веке - 2025: конкурсные работы на лучшую научно-исследовательскую работу студентов и аспирантов КНИТУ, Казань, 17 января 2025 года. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2025. С. 728-732.
2. Талипов Р.Р., Шагеева Ф.Т. Подготовка учителя физической культуры к тренерской деятельности в средней общеобразовательной школе // Управление устойчивым развитием. 2025. № 4 (59). С. 95-99. DOI: 10.55421/2499992X_2025_4_95. EDNI: MQSKUI.
3. Нескреба Т.А., Чернышев Д.А. Повышение уровня профессиональной компетентности учителя физической культуры в системе дополнительного педагогического образования // Гуманитарный вестник (Горловка). 2020. № 10. С. 82-87. EDNI: YBLHJS.
4. Беровая Е.А., Каргапольцева Н.А. Возможности дополнительного профессионального образования в развитии профессиональной компетентности преподавателя // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 6. С. 91. EDNI: XCUZCM.
5. Быстрицкая Е.В., Соловьева А.В. Анализ образовательных запросов слушателей системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки кадров спортивной отрасли // Научный вестник МГУСиТ: спорт, туризм, гостеприимство. 2023. № 1 (75). С. 69-79. EDNI: YOHFIW.
6. Кетриш Е.В., Андрюхина Т.В. Дополнительное профессиональное образование специалистов сферы физической культуры и спорта // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 3. С. 92-97. DOI: 10.24411/2307-4264-2019-10312. EDNI: QGINBB.
7. Бортникова С.А., Бугаков А.И., Молодых Ю.С. Педагогические условия реализации личности ориентированного подхода в практике профессиональной подготовки учителя физической культуры // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (274). С. 81-84. EDNI: YISAEZ.
8. Кочалов В.В. Дополнительное профессиональное образование: понятие, особенности, виды // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 318-322. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-1-318-322. EDNI: YOOLSR.
9. Меньшикова И.П. Перспективы системы дополнительного образования с учетом принципов индивидуализации при проектировании профессиональных траекторий // Человек в современном мире: человек в глобальном информационном пространстве. Рагуза: Энциклопедист-Максимум, 2025. С. 379-392.
10. Нескреба Т.А., Чернышев Д.А. Методика повышения уровня профессиональной компетентности учителя физической культуры в системе дополнительного педагогического образования // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. № 10 (164). С. 247-252. EDNI: JSELZD.
11. Белова С.Н. Анализ исследования условий непрерывного профессионального развития учителей школ как инструмент управления дополнительным профессиональным педагогическим образованием // Шамовские чтения. Москва: Научная школа управления образовательными системами, 2024. С. 17-23.
12. Максимова К.А., Барабина И.Е., Лапшина И.А. Активные методы обучения в профессиональном образовании // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы XV международной научно-практической конференции. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 220-222.

13. Каришина И.Е. Применение современных образовательных технологий в сфере дополнительного профессионального образования // Сборник трудов по проблемам дополнительного профессионального образования. 2025. № 49. С. 40-47. EDNI: MGASRN.
14. Гордеев К.С., Ермолаева Е.Л. Илюшина Е.С., Федосеева Л.А., Жидков А.А. Компоненты педагогической деятельности преподавателя физической культуры // Трибуна ученого. 2021. № 11. С. 304-307. EDNI: DJFZXV.
15. Григоров А.В. Педагогические условия профессиональной подготовки будущих учителей физической культуры // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2016. № 4 (90). С. 31-35. EDNI: DQAHBB.
16. Дмитриева Л.П., Кычкина Н.И. Педагогические условия оптимизации профессиональной подготовки тренера по оздоровительной аэробике // Олимпийский спорт: педагогическое наследие Д. П. Коркина и роль личности тренера в становлении спортсмена. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. С. 67-70.
17. Чупанов А.Х., Багаутдинов З.М. Педагогические условия подготовки учителя физической культуры к профессиональной деятельности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2009. № 3 (8). С. 75-77. EDNI: KZDKZB.
18. Трофимов О.Б., Беккер И.Л. Подготовка будущих учителей физической культуры к тренерской деятельности на примере спортивной гимнастики // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 24. С. 821-826. EDNI: ONHRSP.
19. Абакуменко Д.Ю., Складар М.С. Компоненты готовности будущих специалистов в области физической культуры и спорта к тренерской деятельности // Гуманитарно-педагогическое образование. 2022. Т. 8, № S1. С. 49-54. EDNI: ALQRXJ.

References

1. Talipov R.R. Components of a physical education teacher's coaching activity. In ZHit' v XXI veke - 2025: konkursnye raboty na luchshuyu nauchno-issledovatel'skuyu rabotu studentov i aspirantov KNITU. Kazan: Kazan National Research Technological University, 2025. pp. 728-732. (In Russ.)
2. Talipov R.R., Shageeva F.T. Preparing a physical education teacher for coaching activities at a secondary school. *Managing Sustainable Development*. 2025. No. 4 (59). pp. 95-99. DOI: 10.55421/2499992X_2025_4_95. EDNI: MQSKUI. (In Russ.)
3. Neskreba T.A., Chernyshev D.A. Increasing the level of professional competence of a teacher of physical culture in the system of additional pedagogical education. *Humanitarian bulletin of donetsk state pedagogical university named after V. Shatalov*. 2020. No. 10. pp. 82-87. EDNI: YBLHJS. (In Russ.)
4. Beroeva E.A., Kargapol'tseva N.A. Opportunities for additional professional education in the development of professional competence of the teacher. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*. 2019. Vol. 7, No. 6. P. 91. EDNI: XCUZCM. (In Russ.)
5. Bystritskaya E.V., Solovyova A.V. Analysis of educational requests of students of the system of advanced training and professional training of personnel of the sports industry. *Scientific Bulletin of MSUST: Sport, Tourism, Hospitality*. 2023. No. 1 (75). pp. 69-79. EDNI: YOHFIV. (In Russ.)
6. Ketrish E.V., Andriukhina T.V. Additional vocational education in the system of continuing education. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda*. 2019. No. 3. pp. 92-97. DOI: 10.24411/2307-4264-2019-10312. EDNI: QGINBB. (In Russ.)
7. Bortnikova S.A., Bugakov A.I., Molodykh Yu.S. Pedagogical conditions for personality-oriented approach realization in professional training of physical education teachers. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. No. 1 (274). pp. 81-84. EDNI: YISAEZ. (In Russ.)
8. Kochalov V.V. Additional professional education: concept, features, types. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2022. No. 1. pp. 318-322. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-1-318-322. EDNI: YOOLSR. (In Russ.)
9. Menshikova I.P. The prospects of the system of additional education, taking into account the principles of individualization in the design of professional trajectories. In *Chelovek v sovremennom mire: chelovek v global'nom informacionnom prostranstve*. Ragusa: Encyclopedia-Maximum, 2025. pp. 379-392. (In Russ.)
10. Neskreba T.A., Chernyshev D.A. Technique of increasing the level of professional competence in the system of additional pedagogical education. *Scientific Notes of P.F. Lesgaft University*. 2018. No. 10 (164). pp. 247-252. EDNI: JSELZD. (In Russ.)
11. Belova S.N. Analiz issledovaniya uslovij nepreryvnogo professional'nogo razvitiya uchitelej shkol kak instrument upravleniya dopolnitel'nym professional'nym pedagogicheskim obrazovaniem. In *Shamovskie chteniya*. Moscow: Scientific School of Educational Systems Management, 2024. pp. 17-23. (In Russ.)

12. Maksimova K.A., Barabina I.E., Lapshina I.A. Aktivnye metody obucheniya v professional'nom obrazovanii In Aktual'nye problemy razvitiya hozyajstvuyushchih sub"ektov, territorij i sistem regional'nogo i municipal'nogo upravleniya: materialy HV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kursk: Southwestern State University, 2020. pp. 220-222. (In Russ.)
13. Karishina I.E. The use of modern educational technologies in the field of continuing professional education. In Sbornik trudov po problemam dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya. 2025. No. 49. pp. 40-47. EDNI: MGASRN. (In Russ.)
14. Gordeev K.S., Ermolaeva E.L. Ilyushina E.S., Fedoseeva L.A., Zhidkov A.A. Components of pedagogical activities of a physiculture teacher. Tribune of Scientist. 2021. No. 11. pp. 304-307. EDNI: DJFZXB. (In Russ.)
15. Grigorov A.V. Pedagogic conditions for professional training of future teachers of physical education. BSPU Bulletin. Series 1. Pedagogic. Psychology. Philology. 2016. No. 4 (90). pp. 31-35. EDNI: DQAHBB. (In Russ.)
16. Dmitrieva L.P., Kychkina N.I. Pedagogical conditions of optimization of professional training of a trainer for health-performing aerobics. In Olimpijskij sport: pedagogicheskoe nasledie D. P. Korkina i rol' lichnosti trenera v stanovlenii sportsmena. Yakutsk: NEFU Publishing House, 2019. pp. 67-70. (In Russ.)
17. Chupanov A.Kh., Bagautdinov Z.M. Pedagogicheskie usloviya podgotovki budushchego uchitelya fizicheskoy kul'tury k professional'noj deyatel'nosti. Dagestan State Pedagogical University Journal Psychological and Pedagogical Sciences. 2009. No. 3 (8). pp. 75-77. EDNI: KZDKZB. (In Russ.)
18. Trofimov O.B., Becker I.L. Training of students of physical culture for coaching activity at school exemplified by gymnastics. Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. 2011. No. 24. pp. 821-826. EDNI: ONHRSP. (In Russ.)
19. Abakumenko D.Yu., Sklyar M.S. Components of future specialists' readiness for coaching in the field of physical education and sports. Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie. 2022. Vol. 8, No. S1. pp. 49-54. EDNI: ALQRXJ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

©**Талипов Рамиль Рашатович** – аспирант кафедры инженерной педагогики, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: talipovramil@yandex.ru.

©**Шагеева Фарида Тагировна** – доктор педагогических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой инженерной педагогики, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: ShageevaFT@corp.knrtu.ru.

Information about the authors:

©**Talipov Ramil Rashatovich** – postgraduate student of the Department of Engineering Pedagogy, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: talipovramil@yandex.ru.

©**Shageeva Farida Tagirovna** – Doctor of Education, Professor, Acting Head of the Department of Engineering Pedagogy, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: ShageevaFT@corp.knrtu.ru.

Все статьи поступили в редакцию до 15.04.2026

Требования к оформлению статей

При оформлении представляемых к публикации материалов следует соблюдать следующие правила.

1. Авторы направляют в редакционную коллегия журнала по адресу 420015, Казань, ул. Карла Маркса, 68, редакция журнала «Управление устойчивым развитием», development_knrtu@mail.ru, uug@corp.knrtu.ru 1 экз. статьи на бумаге формата А4, подписанный всеми авторами, и ее компьютерный вариант.

2. Текст должен быть напечатан в редакторе «Word», параметры страницы: верхнее поле 2 см, нижнее – 1.5 см, левое – 1,75, правое – по 2 см, верхний колонтитул – 1.25 см, нижний – 1.25 см; шрифт текста статьи – TimesNewRoman Cyr 11 кгл через один интервал. Абзацный отступ – 1.25 см. Рекомендуемый объем статей не менее 5 страниц.

В первой строке указываются инициалы и фамилия автора статьи (коллектива авторов) на русском и английском языках. Через строку приводится название статьи заглавными буквами и полужирным шрифтом (на русском и английском языках). Также необходимо указать УДК.

Далее через строку на русском и английском языках указываются ключевые слова (5-10), отделяемые друг от друга запятой. Перед полным текстом статьи размещается структурированная аннотация (резюме) – точное изложение содержания статьи, включающее основные фактические сведения и выводы, без дополнительной интерпретации или критических замечаний автора статьи.

Рекомендуемый объем аннотации в нашем журнале составляет 230-250 слов.

Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках.

Аннотация на английском языке должна быть написана на качественном английском языке, без использования online-переводчиков.

Аннотация к статье должна быть: информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

После основного текста через строку приводится список использованной литературы. Цитируемая литература нумеруется в порядке упоминания, в тексте порядковый номер ссылки заключается в квадратные скобки. Список используемой литературы помещается в конце статьи и оформляется без абзацных отступов в соответствии с правилами оформления литературы по ГОСТ 7.0.5 – 2008.

На последней странице статьи, после приведенного списка литературы, необходимо указать сведения об авторах: Ф.И.О., звание, должность, структурное подразделение, организация, e-mail, SPIN-код РИНЦ, корреспондентский почтовый адрес и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех авторов) с полным переводом данных сведений на английский язык.

Articles preparation requirements

While preparing submitted materials the following rules should be complied:

1. The authors are to send a single copy of article on the A4 format sheets signed by all authors together with its electronic version to the Editorial Board at the following postal address: 68, Karl Marx street, Kazan, 420015, Russian Federation, for editorial staff of the « Managing Sustainable Development » journal; at the email address development_knrtu@mail.ru, uur@corp.knrtu.

2. The text is to be printed in the Word file format with the following page setups: top page margin 2 cm, bottom margin – 1,5 cm, left margin – 1,75 cm, right margin – 2 cm, page header – 1,25 cm, page footer – 1,25 cm; article text font - Times New Roman Cyr, 11 pt, single-spaced. Paragraph indent -1,5 cm. The recommended articles' volume is not less than 5 pages.

The first line contains the initials and surname of the article author (authors team) in Russian and English languages. Through the line the title of the article is given in capital letters and in bold type (in Russian and English). You need also specify the UDC.

Further through the line the keywords (5-10), separated by a comma, are indicated in Russian and English languages. Before the full text of the article a structured annotation (summary) is placed - an exact statement of the article content, including the main factual information and conclusions, without additional interpretation or critical remarks the article's author.

The recommended abstract volume in our journal is 230 - 250 words.

The abstract should be submitted in Russian and English.

Abstract in English should be written in qualitative English, without using online translators.

Annotation to the article should be: informative (should not contain general words); original; substantial (to reflect the main content of the article and the results of the research); structured (to follow the results describing logic in the article).

The reference list is provided after the main text through the line. The citable literature is numbered in the order of the mention, in the text the counting number of the reference is enclosed in square brackets. The reference list is placed at the end of the article and is made without indentation in accordance with the resources submission rules by GOST 7.0.5 - 2008.

On the last page of the article, after the given reference, it is necessary to indicate information about the authors: name, title, position, structural subdivision, organization, e-mail, correspondent postal address and telephone for contacts with the authors of the article (can be one number for authors team) with a complete translation of these data into English.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2026 №2 (63)

март-апрель

Ответственный за выпуск и оригинал-макет – С. А. Алексеев

Свободная цена

Подписано в печать 27.04.2026

Дата выхода в свет 27.04.2026

Бумага офсетная

15,0 уч.-изд. л.

Печать цифровая

Тираж 200 экз.

Формат 60×84 1/8

13,95 усл. печ. л.

Заказ 21/26

Офсетная лаборатория Казанского национального
исследовательского технологического университета

Адрес редакции, издательства и типографии: 420015, г. Казань, ул. К Маркса, 68